ГАЛА

КАК
СДЕЛАТЬ ГЕНИЯ
ИЗ САЛЬВАДОРА

ДАЛИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

За каждым великим мужчиной стоит великая женщина. Для Сальвадора Дали такой женщиной стала Гала, которую он боготворил. В посвящении к книге «Дневник одного гения» Дали написал: «Я посвящаю эту книгу моему гению, моей победоносной богине Гале Радиве, моей Елене Троянской, моей святой Елене, моей блистательной, как морская гладь, Гале Галатее безмятежной».

Свою русскую музу Дали повстречал летом 1929 года, когда ему было 25, а ей — 35 лет и она была женой французского поэта Поля Элюара. Дали и Гала увидели друг друга — и после первой встречи не расставались 53 года: их разлучила лишь смерть. «Она стала рассматривать меня как полусумасшедшего гения, — признавался Дали. — Она считала, что я смогу стать воплощением ее собственных мифов».

Роковая «вамп» Гала, чье имя по-французски означает «праздник», стала музой, главной моделью для живописца, стимулом его «хеппенингов» — эротических зрелищ с привкусом скандала. Она сделала Сальвадора Дали гением, он же оставил ее образ на сотнях картин…

- Софья Бенуа
  - Глава 1. Звезда по имени Gala. Загадка рождения
  - Глава 2. Поль Элюар. «Мой возлюбленный мальчик…»
  - Глава 3. Невеста в зеленом. Мечты и творчество во времена всеобщего горя
  - Глава 4. Воплощенная в стихах, или Как разглядеть и завоевать гения
  - Глава 5. В маленьком замкнутом кругу желающих «взорвать мир»
  - Глава 6. Дадаизм: как любя одного, принадлежать всем…
  - Глава 7. Реинкарнация и фатализм того, кто начал рисовать в шесть лет
  - Глава 8. Тристан Тцара и парижские бунтари. «Почтовые открытки» как вызов обществу
  - Глава 9. Макс Эрнст. Мастер сновидений, переносящий галлюцинации на холст
  - Глава 10. Супруг в роли сводника, или Дикие игры в самоотречение
  - Глава 11. Странный союз двух мужчин и одной женщины

- Глава 12. «Любовь, о моя любовь, я дал обет тебя утратить…»
- Глава 13. Лето в Каталонии, или Юноша дик, пуглив, неотесан…
- Глава 14. Двадцать пять — число любви к русской женщине… девочке в шубке…
- Глава 15. Фобии детства и лозунг: «Лень не породит шедевра!»
- Глава 16. Луис Бунюэль. Друг, ставший всемирно известным режиссером
- Глава 17. Федерико Гарсиа Лорка. Поэт, вышитый на полотне времени
- Глава 18. Kopros в искусстве, или Секрет человеческого долголетия
- Глава 19. Воплощенная в картинах, или Как разглядеть и завоевать нового гения
- Глава 20. Градива. Непорочная муза сюрреализма
- Глава 21. «Великий Мастурбатор», который боится кузнечиков
- Глава 22. Проклятые любовники. Полный разрыв с семьей
- Глава 23. Порт Льигат — самое благословенное место на всем Средиземноморье
- Глава 24. «Гала, видишь, ты — это я, ты зеница моего ока…»
- Глава 25. Дали: Планетарный, Молекулярный, Монархический, Галлюциногенный, Будущий
- Глава 26. Когда все смотрят на Восток, или Не поддающаяся расшифровке логика
- Глава 27. «Я буквально бредил Гитлером, который являлся мне в образе женщины»
- Глава 28. 1934 год. Брак между Сальвадором Дали и его возлюбленной
- Глава 29. «Или безумен, или жив!». Гала как главный объект полотен художника
- Глава 30. Супруги Дали. Миллиардеры в окружении карликов и гигантес
- Глава 31. «Гала стала солью моей жизни, моим двойником, она — это я»

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Софья Бенуа
Гала. Как сделать гения из Сальвадора Дали

Глава 1. Звезда по имени Gala. Загадка рождения

В свое время великий Стендаль открыл закон, согласно которому все лучшее в мире напоминает нам любимого человека. Для «последнего сюрреалиста» Дали все лучшее в мире заключила в себе его возлюбленная Гала. Для величайшего поэта Франции Поля Элюара весь мир вмещался в той, которую он любил всем сердцем — в… той же Гала. Это редкое, непонятное имя дает право утверждать, что его обладательница вдохновляла двух гениев XX века. Так оно, в сущности, и было. У невзрачной русской девушки оказался редчайший дар — интуитивно чувствовать прирожденных гениев. Мало сказать она пожинала плоды, созревшие на ниве любви. Она сама выращивала эти плоды, заботливо орошая благодатную землю лаской, искренностью и непреклонной верой.

Елена Ивановна Дьяконова появилась на свет в 1894 году, 26 сентября (по юлианскому календарю) или 7 сентября (по грегорианскому), в так называемой татарской столице — в Казани. Почти не осталось никаких свидетельств о ее детстве и ранней юности. Разве что в «Воспоминаниях» Анастасии Цветаевой, младшей сестры знаменитой русской поэтессы, можно найти описание характера, поведения будущей звезды по имени Gala. До определенного возраста и обстоятельств девушки были очень дружны. Сестры Цветаевы — Анастасия и Марина (будущая знаменитая поэтесса) — вместе с Еленой учились в женской гимназии М.Г. Брюхоненко (Москва, Большой Кисловский переулок, д. 4). Здесь же обретала знания еще одна звезда XX века — первая русская актриса немого кино Вера Холодная.

Мать Елены звали Антониной, в девичестве Делувинова, отца — Иваном. Известно также, что у ее матери был диплом акушерки, но она никогда не работала, а занималась творчеством — писала сказки для детей. В семье Дьяконовых, кроме нее, подрастали два старших брата — Вадим и Николай, и сестра Лидия, младше ее на восемь лет. Их отец умер в 1905-м, когда Елене едва исполнилось одиннадцать лет. Он был чиновником в министерстве сельского хозяйства Российской империи. Мать снова, причем весьма скоропалительно выходит замуж, вторым ее мужем стал московский адвокат, наполовину еврей (по отцу), Дмитрий Ильич Гомберг. Для него брак стал весьма выгоден, ведь бабушка Елены по материнской линии проживала в Тобольске, и владела золотыми рудниками в Сибири. Отчим Елены — либерал,

открыто проповедует революционные идеи, прикрываемые прекраснозвучными словами «прогресс, свобода и справедливость»; в их квартире часто бывают подобные «либералы». Благодаря их влиянию у Елены рано развивается стремление к независимости и эмансипации. Некоторые источники указывают, что отчим и падчерица настолько сильно любили друг друга, что Елена Ивановна Дьяконова прибавила к своему имени новое отчество; отступая от русской традиции, она становится Еленой Дмитриевной. Нам, конечно, не узнать, принято ли было подобное решение девочкой самостоятельно или же по воле властной матери. Второе куда как более вероятно, ведь в мире найдется не так много детей, готовых предать память своего рано ушедшего родителя. Сойдемся во мнении, что все это покрыто мраком тайны, в котором можно усмотреть что угодно, вплоть до любви падчерицы к взрослому мужчине или даже желания адвоката примазаться к золотоносным рудникам. Впрочем, еще в то время ходили слухи, что Дмитрий Гомберг — и есть настоящий отец девушки.

Елена Дьяконова в 16 лет

Как уже говорилось, семья Дьяконовых-Гомбергов переехала в Москву, поселившись в доме номер 14 по улице Трубниковской, на последнем, шестом этаже нового дома. Девочка идет учиться в гимназию (позже здесь будет учиться и ее младшая сестра), в одном классе с ней Анастасия — дочь университетского профессора истории И.В. Цветаева. Они быстро становятся подругами, и вскоре Елена уже частый гость в красивом и

богатом доме Цветаевых в Трехпрудном переулке. Елена вовсе не была зажатой провинциалкой из Казани, попавшей благодаря расторопному отчиму «на бал жизни». Прежде всего, Елена с детства путешествовала: почти каждое лето проводила в Крыму, где мать снимала домик на берегу Черного моря. Дьяконова способная, умная девушка, что отмечают и преподаватели московской гимназии, награждая ее за особые успехи в русской словесности. Известно, что дома Елена разговаривает по-французски со служанкой.

В начале XX века одной из самых страшных болезней был туберкулез, часто прозываемый чахоткой. У юной Елены к ужасу всей семьи вдруг проявляются бледность, сильный кашель, температура, она быстро устает. Врачи категоричны: девушка должна уехать в швейцарский горный санаторий. Родители нашли ей место в самом престижном и самом дорогом санатории того времени — в Клаваделе. Восемнадцати лет отроду, одна, без сопровождающих, девушка предпринимает долгое и утомительное путешествие. Больной ребенок едет один… Непонятно, почему не было сопровождающих, ведь это было совершенно не характерно ни той эпохе, ни положению в обществе семьи, в которой родилась и выросла Дьяконова.

В январе 1913 года Елена наконец добирается до места, расположенного на высоте 1700 метров; здесь, среди величественных картин природы и находится пользующееся международной популярностью заведение. Здесь ей предстоит провести долгие месяцы, проходя внутреннюю закалку, обретя здоровье, широкие познания в литературе и первую любовь.

Одна из исследовательниц жизни Гала так описывает восемнадцатилетнюю девушку: «У нее славянская внешность: широкие скулы, крупный подбородок, огромный лоб, очерченный рот, матовый цвет лица; не красавица, однако, даже не хорошенькая. В овале лица и во всей внешности есть какая-то суровость, не хватает изящества. Если бы не густые, черные, завитые в локоны волосы, если бы не длинные сильные руки с округлыми ногтями, если бы не стройный стан, ее можно было бы назвать уродливой… У тела ее гармоничные пропорции, у нее красивые ноги с тонкими лодыжками… На первый взгляд в ней нет ничего привлекательного, а высокомерный вид держит людей на расстоянии. Она среднего роста, но держится так прямо и столь гордо несет свою голову, что кажется высокой. Ее внешность привлекает внимание. Но, что, в конечном счете, выделяет ее из толпы… так это взгляд. У нее черные глаза, лихорадочные и черные, блестящие и темные одновременно. Как

смоль — полное соответствие сравнению».

Реклама европейского горного курорта. Начало XX века

В этой пространной цитате как нельзя лучше представлен образ загадочной русской девушки, волею обстоятельств ставшей вдохновительницей и повелительницей двух величайших талантов XX века. Как видим, внешность еще не все. Иногда

красивая внешность не привлекает столько внимания, как заурядная, но несущая на себе печать рокового шарма. Много позже, когда вовсю проявится ее сильный, эгоистический характер, один из друзей ее первого мужа, поэт Виктор Крастр так скажет об этой женщине: «…эта худая славянка с пламенными глазами одержима какой-то невероятной силой (силой зла?); было что-то колдовское в ней, в молодой и очаровательной колдунье; от нее исходило колдовство…».

Что же рокового в этой женщине? Какая страсть зреет в ее глазах, в ее теле, в походке? Как удалось зажечь огонь в сердцах не только Поля Элюара и Дали, но и других мужчин? Что это — печать от рождения, талант или игра случая? Слишком много интересующих нас вопросов. Даже если нам не удастся получить ответы на все, мы все же подойдем на шаг ближе к дилемме: любовь Дали и Гала с первого же мгновения встречи и до смерти — миф или реальность? Понять это можно, проследив за жизнью этих двух людей задолго до их встречи. Именно в это время у обоих формировалось отношение к жизни, к людям, к чувствам, к себе самим, в конце концов. Становление характеров через тернии, удачи и неудачи в личной жизни и творчестве в какой-то степени определило в последующем их отношение друг к другу. Что было бы, если бы Гала не пережила страсть, исходящую от первого поэта Франции? Ту страсть, что помогла ему стать великим поэтом, сделав одновременно его великим и несчастным. Как и насколько можно любить, зная, что твой бывший возлюбленный оплакивает свое разбитое сердце?.. Зачитывающиеся романами Достоевского и Толстого обречены или быть несчастными, или приносить несчастья. Елена Дьяконова самозабвенно любила этих русских писателей. Она даже привезла их книги в Клавадел и перечитывала, сидя в снежном раю. То, что это рай, стало понятно намного позже, когда Елена после горного санатория вернулась на Родину. Шел апрель 1914 года.

«…эта худая славянка с пламенными глазами одержима какой-то невероятной силой»

О том месте, где пребывает Елена, французская писательница Доминик Бона в книге «Гала» рассказывает так: «Санаторий больше похож на больницу: белые стены, запах дезинфицирующих веществ, стерильная чистота напоминают о том, что здесь сражаются с микробами, соблюдая строжайшую гигиену. Чтобы избежать заражения, часто проветривают общие помещения, моют стены и полы жавелевой водой, кипятят белье,

ополаскивают спиртом плевательницы — единственное украшение этого сурового заведения, призванного обезоруживать пыль и сохранять атмосферу стерильности.

Дом для отдыха, выбранный благодаря его высокогорному расположению и близости к лесу, который служит ему защитой, санаторий является чем-то вроде тюрьмы: проживающие в нем похожи на добровольных затворников, приехавших сюда, чтобы подчиниться жесточайшей дисциплине — единственному, что способно помочь им выпутаться. …Гала помнит выражение страха в глазах близких, страха вызванного одним названием болезни (как потом это будет с раком или спидом: достаточно лишь их упомянуть). Ей знакома тревога тяжелобольных — та, что бродит ночами по комнате, в то время как эхо разносит по гулким коридорам приступы зловещего кашля безнадежных больных. Даже если врачи утверждают, что болезнь девушки в зачаточном состоянии и у нее чахотка в легкой форме, она может считать себя приговоренной к более или менее отдаленному трагическому исходу. Гала думает, что дни ее сочтены и она умрет молодой. Отсюда ее неудержимое стремление жить.

Горы в Швейцарии

Девушка приехала в это «орлиное гнездо», чтобы спасти свою плоть, продлить молодость изнурительным лечением с помощью чистого воздуха, хорошего питания и отдыха. Ради этого она

совершила такое большое путешествие и согласилась на временную ссылку. Врачи категоричны: в начальной стадии болезнь можно приостановить. Для этого достаточно строго следовать правилам гигиены. Правило первое: вдыхать поглубже горный тонизирующий воздух; второе: есть за обе щеки — усиленно питаться; третье: следить за собой, отдыхать и развлекаться, не забивать себе голову мыслями о своем несчастье, находить способы отвлечься от меланхолии. Больные туберкулезом получают уроки морали, способной помочь им продлить жизнь.

Больница, роскошная тюрьма… Санаторий Клаваделя напоминает еще и дворец, плывущий над снегами. Пребывание в нем похоже на кругосветное путешествие. Случается, что здесь поют и танцуют. Каждый здесь озабочен мыслями о себе и безразличен ко всему остальному на планете, которая с каждым днем отдаляется все больше. На борту этого наткнувшегося на гору корабля время будто застыло и дни кажутся бесконечными. Если бы не преследовала мысль о болезни, все было бы похоже на превосходные каникулы».

И все же вопрос, почему близкие ни разу не навестили Елену в долгие месяцы пребывания за границей, мучает не только нас с вами. Почему отчим, о любви которого к падчерице и об их взаимном уважении нам втолковывают в некоторых книгах, так ни разу не удосужился выбраться в Швейцарию; ведь ездил же он за границу во время лечения Елены. Подобное путешествие для обеспеченной семьи не представляло собой нечто из ряда вон выходящее. И, значит, в семейном шкафу этого рода имелись свои скелеты, тайну которых мы попытаемся разгадать.

Основное правило туберкулезного больного: вдыхать поглубже горный тонизирующий воздух

Вот и Доминик Бона задалась тем же вопросом. «Девушка в таком нежном возрасте осталась наедине со своим недугом. В то время как других больных навещают мать, брат, сестра или хотя бы друзья, чтобы живым участием поддержать в выпавшем на их долю испытании, она получает только письма. Это всех удивляет, так как посещения все же разрешены, несмотря на риск заражения, и крайне редко бывает, чтобы семья так надолго покинула близкого человека в плену у болезни, губительные последствия которой столь очевидны. Может быть, матери и отчиму не хватало средств, чтобы приехать к ней? Это кажется маловероятным, потому что они сами выбрали этот один из самых дорогих пансионов в Швейцарии. Отчима держат в Москве дела? Но какая причина мешает неработающей матери навестить дочь, находящуюся в разлуке с ней больше года? У родителей были основания надолго отлучить от дома дочь, трудно переживающую подростковый возраст, изолировать ее, чтобы излечить от невроза — в те времена говорили «от нервов» — спасительным отдалением?.. Ответ на этот вопрос знает лишь Гала. Она никогда не рассказывала о причинах своего первого разрыва с семьей. Санаторий на некоторое время становится ее родным домом. Из всего этого можно судить о силе ее характера, способности противостоять неизвестности, не раскисая и не жалуясь. По словам сестры, Гала всегда мечтала о путешествиях и приключениях. На перроне вокзала в минуту расставания плакала только мать».

Забегая далеко вперед, скажем, что впоследствии она учила своих возлюбленных легко расставаться с семьей, с традициями и устоями многих поколений. Став бунтаркой под влиянием «либерала» отчима и матери, имевшей на руках четверых детей, но прыгнувшей едва ли не со смертного одра отца в объятия другого, Гала приветствовала независимость всех своих избранников.

Исследователи жизни будущей Музы также отмечали черты ее характера и поведения, к которым стоило бы присмотреться психологам и психиатрам. Что, без сомнения, стало бы ключиком к шкафу с пресловутыми скелетами. «Восемнадцатилетняя Гала — нелюдимая, холодная, суровая, раздражительная, одинокая. Девушка до такой степени замкнута, что это наводит на мысль: не скрывает ли она что-нибудь? Есть ли ей о чем умалчивать? Тайна происхождения? Болезненные воспоминания? А может, она предпочитает навсегда отделаться от своего прошлого, чтобы не

оживлять, думая о нем беспрестанно, неизбежное страдание. Елена ничего не говорит о своем прошлом, о своей биографии. Любой вопрос о предыдущей жизни выводит ее из себя».

В стенах лечебного пансионата

Конечно, так не может себя вести девушка из семьи, в которой любящие и пекущиеся о ее здоровье и счастливом будущем мать и отец…

Частично разгадку подобного состояния мы находим в материале исследователя из Казани, из города, в котором, как мы знаем, родилась Гала — Елена Ивановна Дьяконова. Вспомним еще раз, что Елена не любила рассказывать о своем детстве, и была скупа на откровения о своем прошлом. Знакомясь с новыми людьми, она никогда не произносила истинного имени, а использовала странное имя Гала. Так, может, вся ее «домосковская» жизнь — тоже выдумка? Вполне возможно. Тайны, которые унесла с собой эта легендарная женщина, попытался разгадать автор нескольких книг о своем крае и его знаменитых земляках Ренат Бикбулатов.

Для того чтобы приоткрыть завесу над секретом казанского рождения Елены Дьяконовой, узнать побольше о ее жизни с семьей в Казани до 1905 года, узнать побольше об ее отце, матери, братьях и сестре, Бикбулатов обратился в Национальный архив Республики Татарстан. Поиски были долгими, пришлось

просмотреть множество старой документации. «Первые же результаты поисков буквально шокировали. В метрических книгах казанских церквей за 1894 год не оказалось записей о рождении Елены Дьяконовой, не было аналогичных записей и о ее сестре Лиде, которая родилась в 1902 году. В документах казанских гимназий и школ ничего не говорится о том, что в какой-либо из них с 1894 по 1905 годы обучались два ее старших брата — Вадим и Николай, а также сама Елена. Дом по улице Грузинской (ныне ул. Карла Маркса, 55/29), где якобы в 1894 году родилась Елена Дьяконова и где она проживала с семьей до 1905 года, оказывается, принадлежал коллежскому советнику Котелову Ивану Александровичу (знакомая фамилия для всех казанских краеведов). Он обитал здесь со своей семьей, других жильцов в этом доме не было. Кстати, этот дом знаменит еще тем, что в нем с 1930 по 1991 год (с перерывом с 1937 по 1957 год) жил председатель Казанского городского Совета депутатов трудящихся П.В. Аксенов и его сын — Василий Аксенов — знаменитый русский писатель).

Елена не любила рассказывать о своем детстве, и была скупа на откровения о своем прошлом

И еще. В адресных книгах Казани о проживании в Казани отца Елены — Ивана Дьяконова и адвоката Димитрия Гомберга не говорится ни слова. Поэтому понятно, почему кинематографисты Испании, приезжавшие в 2003 году в Казань и готовившие фильм к 100-летнему юбилею Сальвадора Дали, не обнаружили в Национальном архиве РТ документальных подтверждений о дате и месте рождения Елены Дьяконовой» [1]…

Сам собой напрашивается вывод: Елена Дьяконова не родилась в 1894 году в Казани, как и ее сестра Лида в 1902 году; ее братья Вадим и Николай не учились в казанских гимназиях, а семья Елены Дьяконовой с 1894 по 1905 годы вообще не проживала в Казани. Но почему Елена Дьяконова скрыла настоящее место рождения и почему в качестве своего родного

города выбрала Казань — это странная загадка великой женщины, так и оставшейся инкогнито для всех.

Но мы обязательно вернемся к этой загадке позже…

Казань. Конец XIX — начало XX вв.

Глава 2. Поль Элюар. «Мой возлюбленный мальчик…»

Ничто не бывает случайно. Год и три месяца, проведенные в горном санатории вдали от России, могли бы стать обычным, ничего не значащим временем, затерянным после в памяти. Ведь что могло произойти в заведении, где строгая дисциплина, где режим и постоянное наблюдение? Но отсутствие ровесников и ровесниц побудило искать дружбу с семнадцатилетним французом, худым, обласканным «маменькиным сынком». Возможно, боязнь смерти обостряет их чувства и отношения, но это — не вседозволенность. Интимный мир для них — это записки, рукопожатья и еще книги; целое море книг, которыми они обмениваются.

Юноша живет в одной комнате с матерью, он знает, что такое любовь, но — материнская. Любовь, дающая защиту и уверенность. Он же начинает искать любовь иную, опьяняющую, дикую, непредсказуемую, как сама его подруга со странным именем — Gala, Гала. Так называет себя она, с ударением на первом слоге, хотя по документам значится Елена. Еленой ее нарек отец, а Гала (Галя) — так хотела, чтоб звали ее старшую дочь, мать. Под этим почти не придуманным именем она войдет в Большую Историю (ударение на втором слоге привнесено французским языком). И в первую очередь имя, а не внешность, выделяют ее среди всех. Ее загадочное имя и принадлежность к загадочной русской нации делает ее привлекательной настолько, что молодой француз с легкостью признается ей в слабости. Оказывается, он пишет стихи! Он прав в своей уверенности, что она как никто поймет и поддержит его. Даже безумно любящая мать вряд ли разделит восторг по поводу появления на свет слабых детенышей — стихотворных строчек ее сына. Отец и вовсе увидел бы в этом проявление глупости. Юношу готовили для иных дел. Да он и сам не ведал, что важнее: бизнес отца или рвущиеся из сердца строчки, его пошатнувшееся здоровье (он с детства был слаб, но в последнее время врачи поставили диагноз: туберкулез) или их отношения с Гала. В то время, когда никто не воспринимал его всерьез, появилась девушка, поощрявшая его творчество, дававшая тем самым надежду на написание хороших и нужных стихотворений; увидевшая в нем настоящего поэта. Их отношения сулили и наивысшее блаженство — познание таинств любви. Старше его на год, она не называла его «Жежен» или «малыш» (как мать), ведь она видела в нем не ребенка, а друга.

Он родился в 1895 году, 14 декабря, его полное имя Эжен Эмиль Поль Грендель. Пройдет немного времени, и он применит к своим стихам несколько вариантов имен, от его собственного Эжен Грендель до Поль Элюар Грендель, Поль Эжен Грендель. Чтобы стать Поль Элюаром, нужно прожить новую, полную опасностей и сражений, жизнь.

Поль Элюар

Существует время, которое дает понять рассредоточенность

любви. Каждый человек — это мир, и, любя человека, мы любим весь мир, окружающий нас. Кто-то сказал, что объяснение в любви к миру ничуть не больше, чем объяснение в любви к одному человеку. Как бы ни был Дали влюблен в самое себя и свое творчество, весь мир ему заменила Гала, как только появилась в его жизни. Но не меньшее значение имела она и в жизни Поля Элюара. Психологи утверждают, что второй брак часто похож на первый, один из супругов инстинктивно повторяет пройденный этап, привнося приобретенный опыт отношений. Жить со вторым, как с первым? Конечно же нет; и все же… Все же было то, что уже происходило: восхищение, любовь, семья, привычка, жажда раствориться в любимом, но еще большая — растворить его в себе. Ее любили так, как любят немногих избранных, но утопая в любви, она чувствовала себя изгоем. Из-за тяжелого, порой несносного (а скорее непонятного) характера, от нее отдалялись те, кто шел по жизни рядом с ее любимыми. Если славянство — это признак загадочности, вечного поиска, то она была воплощением славянства. Именно вокруг нее в большей степени, чем вокруг кого-либо, происходили эксперименты рассредоточенности любви. Если рассмотреть любовь как иерархию, то наивысшими в ней могут быть различные понятия: человечество, родина, честь, слава, поэзия, искусство, секс…

Гала и Поль Элюар в Клаваделе. 1913 г.

Одно время, довольно продолжительное (если не навсегда, до последних дней жизни) Гала была наиглавным, наиценнейшим приобретением в иерархии любви двух гениев прошлого века.

Она зародила семя любви в сердце семнадцатилетнего юноши, с которым познакомилась в Клаваделе, она породила платоническую чувственность, запрещая переступать интимную грань, чувственность настолько сильную, что всю мощь ее доведется изведать ему через много-много лет. Молодые, порывистые, влюбленные, они и не подозревали, что эта незнакомая им еще чувственность будет толкать их в объятия других. Они станут познавать любовь не только друг через друга, но и на глазах друг у друга. Что повлечет за собой не только физические страдания, но и разочарования, и как следствие —

равнодушие ко всему, что происходит вокруг и с ними в частности. А опыт измен, приносящий капризную радость, будет использован и при нем — безусловно, нужном и любимом, называвшим ее «Галариной, блистательной, звездой» и многими другими не менее значительными именами, при нем, Сальвадоре Дали — кто находился рядом до последнего ее вздоха и при всей непоследовательности и эксцентричности совершенно не заслуживая стать, попросту говоря, рогоносцем. Кто виноват в том, что слегка взбалмошная, но строгая и чистая девушка (говорят, когда они поженились с Элюаром, оба были девственниками) почувствовала вкус к интригам и приключениям? А если это было искренне, и чувства просто дремали в ней? Но… надо знать то время, чтобы рассуждать об этом. Все второстепенно, когда вокруг атмосфера любви. И в «Дневнике одного гения», написанным вторым мужем Гала, Сальвадором Дали, нет ни слова о низком, похотливом, мерзком между ними. Там, если низменно, то только то, что касается его тела, или воспоминаний, или каких-то незначительных глупостей, но то, что имеет отношение к ней — свято и непоколебимо. «Мы с Галой любим друг друга все сильней и сильней. Все должно стать еще лучше. С каждой четвертью часа я все больше прозреваю, и все больше совершенства таят мои накрепко сжатые зубы!.. Да здравствуем мы с Галой!» — записал Дали в 1953-м году. И сотни раз в своем дневнике повторит он не менее значительные слова, подтверждающие их взаимную любовь.

Гала заронила семя любви в сердце семнадцатилетнего Поля

Но до этого еще далеко. А ею уже было написано: «Я люблю тебя бесконечно. Это единственная правда». Это своеобразная клятва молодой девушки своему жениху в канун свадьбы.

Как странно: два ярких пламени осветили ее жизнь. А ведь это она должна была осветить им путь. Но придатком оказалась не она, а они, воспевшие ее, сделавшие ее богиней, положив к ее ногам творчество. Какими же заслугами вызваны такие деяния? Только ли любовью? Ее отношения с ними — только ли ум,

интуиция, без алчности, без корысти? В какой-то момент Поль Элюар задастся вопросом: способна ли она вообще любить, если… живет одним-единственным «сегодня»; равнодушна к оставленной Родине и катаклизмам, которые там происходят; не хочет помнить, что было «вчера» (а потому чувства, что были «вчера», не имеют значения)… Дали это знать не нужно, он с каждой минутой все больше и больше «становится Дали», благодаря ей, ее образу на полотнах, что служит расцвету его имиджа. Они едины, следовательно, она — это он, а он знает, как он лично к ней относится.

То, что Гала, безусловно, обладает талантами, становится понятно, когда ей удается выйти замуж за французского юношу-поэта. От знакомства в Клаваделе до замужества в Париже проходят годы. И какие годы! Достаточно заглянуть в учебник истории. Мы же упомянем о тех событиях вкратце, ведь они все же имеют огромное значение. 28 июня 1914 (после возвращения молодых людей здоровыми из швейцарского санатория) наследник Австро-Венгерского престола, эрцгерцог Франц-Фердинанд вместе с супругой был убит в Сараево «либералом» — студентом-террористом, боснийским евреем Габриэлем Принципом.

Два ярких пламени осветили ее жизнь: Элюар и Дали. А ведь это она должна была осветить им путь

Этот роковой поступок приведет в действие военную машину и вовлечет одну за другой европейские страны в войну мирового масштаба. 28 июля Австро-Венгрия объявляет войну Сербии. По соглашению Тройственного союза Германия объединяется с Италией. Россия выступает как союзница Сербии и вместе с Англией и Францией входит в Антанту. 1 августа Германия объявляет России войну.

В Париже Эжен Грендель ждет мобилизации, ведь Франция

должна вступить в военные действия. Конфликт затягивается, в войну втянута почти вся Европа, а после полмира.

К счастью, страны, где живут влюбленные, — союзницы. Эжен и Елена переписываются. Девушка, которую никто не учил тактике и расчетливости отношений взрослых (в этих делах нет учителей), пишет трогательные письма матери своего жениха, прекрасно зная, что вызывает в ее глазах и сердце антипатию. Их путь друг к другу сплошь усеян преградами: неприятие избранника его и ее родителями, возраст, огромное расстояние, разлука и, конечно же, война.

Не известно: кто больше желал этого брака — он или она. Но их бунт против воли родителей говорит как о силе чувств, так и о силе характеров. Гала (этим именем она всегда подписывается) почти каждый день пишет письма во Францию. От избытка чувств и «расстроенных нервов» ее лихорадит. Девушка почти не выходит из дома, отказавшись от развлечений: посещений театров и друзей; ее комната заперта. Внешний мир перестал для нее существовать. Наибольший комфорт она чувствует, несмотря на переживания, именно так — вдали от мира, от родных и близких, предавшись книгам, листку бумаги и своим мечтам. В таком же состоянии отрешенности Гала будет находиться в разные периоды своей жизни: будучи замужем в первый раз, и во второй… Ее можно было бы назвать аморфной, ведь ничто, кроме ее самой, переживаний и мечтаний, не интересовало. Зато в письмах она признается, что желает быть с любимым, служить ему, не забывая при этом себя, любить его рядом с собой, принадлежать ему ежеминутно. Наряду с этими чувствами, переполнявшими ее мятущуюся душу (Эжен еще не стал мужем), уживается другое чувство — материнская нежность. Именно оно доминирует, делая ее лучшей матерью на свете, но не для… ребенка, а для мужчины. Это качество стоит в ней запомнить, так как оно сыграет главенствующую роль в звездной истории любви с Дали, схлестнувшись с не менее интересным его собственным отношением к матери и материнству вообще.

Чувства Галы и Элюара выдержали испытание войной и разлукой

«Мой дорогой возлюбленный, душенька моя, мой дорогой мальчик», «Мой самый единственный мальчик, только мой и навсегда…» — писала Гала Эжену, еще будучи в России. Он и останется для нее маленьким нежным мальчиком, ее ребенком, пока он сам не поколеблет эту веру. С ним она узнает настоящее материнство, которое ничуть не тронет ее холодное сердце. С ним она узнает разочарование и, возможно, познав других мужчин, будет чувствовать, что потеряла себя и свое предназначение — опекать единственно любимого. А в том, что их любовь настоящая и на века, сомнений нет. Это жизнь вносит свои коррективы. Но этот первый опыт очень важен, чтобы понять один из самых странных, таинственных и притягательных браков XX века — супружество Дали и Гала.

«Я не могу жить без тебя! Я прекрасно знаю, что не смогу без тебя жить. Вот почему я прошу тебя беречь свою жизнь».

«Если хочешь, рискуй моей жизнью, но не своей, потому что умереть не так ужасно… как жить без тебя».

«Уверяю тебя: еще год — и война закончится. Нужно употребить все усилия, чтобы суметь выйти живым из этого кошмара. И потом ты никогда не пожалеешь о прожитой жизни, никогда, обещаю тебе, потому что нас ждет слава и жизнь наша будет чудесной».

Эти строки написаны черноглазой русской девушкой жениху, который находился на фронте. Правда, из-за хилого здоровья и

частых болезней Эжен практически не воевал на полях сражений, но он долгое время был санитаром. В иные дни перед ним проходили десятки раненых. Многие на его месте сходили с ума. Возможно, чувствуя поддержку близкой и желанной девушки, его тонкая психика выдержала весь кошмар нечеловеческих страданий, боль, кровь, слезы. И все же…

«Мой самый единственный мальчик, только мой и навсегда…» — писала Гала Эжену, еще будучи в России

Кто знает — не будь этой войны, как бы сложилась дальнейшая жизнь этой пары. Может, их ждало бы изнуряющее

счастье, перешедшее со временем в привычку? Они искренне и сознательно хотели провести вместе жизнь. Не подозревая о том, что ужасы, ранившие душу одного из них, положили начало изменению характера, отношению к жизни вообще и к любви в частности.

Французская пехота в засаде. Военная открытка 1914 г.

Глава 3. Невеста в зеленом. Мечты и творчество во времена всеобщего горя

Существует мнение, согласно которому имя «Gala» впервые придумал Эжен, когда Елена Дьяконова приехала к нему в Париж. «Гала» во французском означает «праздничный», «праздник». Ведь она и сама хотела быть для другого (но не для всех!) как яркий фантастический праздник. Но большинство склонно думать, что Галой или Галей русскую девочку-аристократку называла мать. Благодаря Эжену, изменилось лишь ударение в слове, и отныне вместо Гала ее называют Гала.

Можно сказать, что Эжен, его женитьба на ней, придали ее жизни смысл. Но интересно и признание Дали, которое тот сделает намного позже, а именно — когда эта женщина займет важнейшее место в его жизни и творчестве. В своих книгах художник не единожды сделает акцент на том, что появление Галарины, — как он еще ее называл, — придало его искусству новый смысл. Ну а если к тому же узнать, что Дали не мыслил ни себя, ни этот мир без искусства, то благодаря Гала его жизнь обрела новый смысл. Ее влияние было столь велико, что все последующее до самой смерти время он жил под блистательной, искрящейся, божественной, сокровенной звездой по имени Gala.

Существуют мгновения, в которые люди по другому воспринимают все окружающее их. Изучающие человеческую цивилизацию историки-романтики, а никак не историки-сухари с полной ответственностью смогли бы признать, что никакой другой истории, кроме истории человеческих чувств и взаимоотношений, не существует. Слово «любовь» имеет огромное значение, включая в себя понятия, казалось бы, отвлеченные: любовь к земле, к дому, к детям, к труду, к творчеству, к славе и даже к сибаритству и лености. Но только любовь к другому человеку, как наивысшее проявление этого чувства, становится двигателем истории. Вспомните, сколько войн началось из-за любви, сколько гениальных поэтов, музыкантов, художников создавали свои шедевры как гимн любви, сколькими влюбленными сердцами были задуманы и осуществлены грандиозные планы: построены города, открыты страны и континенты. А все потому, что человеческое сердце, сосредотачиваясь на определенном объекте, все ж любит гораздо шире, чем просто одного-единственного человека…

Гала и Поль

Любить можно нечто, не воплощенное рядом и долгие годы находиться в предчувствовании, предчувствии любви. В истории есть странные примеры: в 73 года встретил свою первую (и последнюю) жену современник импрессионистов французский художник Пювис де Шаванн. Через год его возлюбленная умерла, художник пережил ее всего на два месяца. Но в эти два месяца он успел написать портрет любимой, и оказалось, что ее лицо очень похоже на те прекрасные и печально-таинственные лица, запечатленные на холстах его юности и позднейшей отшельнической жизни. Словно он заранее знал: «жди, и она придет, найдет тебя», и не хотел распыляться на других избранниц.

Увидев впервые Гала, Дали понимает, что он знал ее в своей детской жизни: она напомнила ему ребенка, с которым он когда-то играл. Это неотступное «знание», словно знак, что ему больше никто не нужен, и они должны быть вместе. Но пока ему только двенадцать, когда она, взрослая девушка, в ожидании скорого венчания, пишет французскому юноше: «Я люблю только тебя. У меня нет никаких способностей, ни ума, ни воли — ничего, ничего, ничего, кроме любви. Это ужасно. Вот почему, если я потеряю тебя, то потеряю себя саму тоже, я уже не буду больше Гала…». В этом письме Гала — сама искренность, но она даже не знает, какая правда скрыта в каждом ее слове. «Никаких способностей»? Да, их нет, тех способностей, которых ждут от нее свекровь, ребенок, общество. Все имеющиеся способности слишком личностные, как то: перешивать, переделывать платья, бесконечно наслаждаться свободой и ничегонеделанием, заботиться о своей внешности и читать, читать, читать, нежась в постели. «Ни ума»? Но разве глупая девушка способна объехать полмира, охваченного пламенем, только чтобы соединиться с человеком, которого полюбила мальчишкой? И разве глупышки способны дать силы робкому таланту поверить в то, что он гениален? «Ни воли…». Но Гала была настолько упряма, что всегда добивалась всего, чего хотела. Задумавшись о предмете своих желаний всего один раз, она делала все возможное и невозможное, чтобы стать обладательницей, вершительницей судеб, царицей. Правда, эта роль ей удавалась не всегда. Но не столь важно, ведь пока она молода, ей достаточно знать, что она любима.

Гала и Сальвадор

Те, кто впоследствии обращались к образу и жизни Гала, отмечали упрямство, как главную черту характера. Ее желание обладать чем-либо становилось навязчивой идеей, от которой она уже не откажется. Все ее поступки совершаются без долгих раздумий, незамедлительно, их нельзя подвергать сомнению. Она никак не анализирует: «почему так, а не этак?». Не обладая привлекательной внешностью, эта русская тем не менее уверена в себе, словно заранее знает: что и как ей делать. Ее характер напоминает Рыб, но по гороскопу она совершенно другой знак — знак Девы. Как и Рыбы, она создана из противоречий, подвержена множеству противоположных желаний, стремлению к таинственному, необъяснимому, влечению к миру искусства. Пожалуй, стоит упомянуть еще одно качество, приписываемое Рыбам: неумение распоряжаться финансами, проще говоря, экономить. Это качество присуще как никакое иное (а может и в равной степени с остальными) самой Гала. От Девы же ей достаются: уверенность, твердая жизненная позиция, воля, высокое самомнение, переоценка возможностей.

Странное дело, но даже в тяжелое время она покупает ненужные вещи, иногда очень дорогие. Тратить деньги, украшая семейный быт и самое себя — почти единственное утешение, когда рядом нет мужа. Молодой семье Элюаров (вскоре после женитьбы Эжен Грендель окончательно станет Полем Элюаром)

повезло, после войны бизнес отца — продажа земельных участков в промышленной зоне — идет в гору. Бывший солдат вынужден помогать родителю. Денежное благополучие восстановлено. И если прежде Гала тратила на маленькие прихоти и, конечно же, на книги, то теперь появляется возможность пороскошествовать. Молодые люди посещают лучшие рестораны, путешествуют, наслаждаются жизнью и продолжают… искать себя. Рядом с ней все еще «любимый Поль Эжен, мой маленький мальчик, мой ребенок». Они все еще заботятся друг о друге, их любовь переросла в пылкую страсть.

Гала была настолько упряма, что всегда добивалась всего, чего хотела

Но над Европой давно уже дует ветер перемен. Катастрофы, происходящие в России, интересуют Гала меньше, чем их с мужем личные отношения. Они венчались 21 февраля 1917 года. Это событие произошло в церкви, посвященной святой Женевьеве, в стенах которой в свое время молилась Жанна д'Арк. Венчание,

которому предшествуют годы яростной, упорной и по-своему ненормальной любви, мало напоминает праздник. Всему виной внешние обстоятельства. Но, кажется, Гала совсем не тяготит то, что она предстала в столь торжественный день в зеленом, а не белом платье. Все происходит слишком обыденно, без богослужения и в окружении немногочисленных свидетелей — родственников Эжена. Со стороны Гала нет никого, ни родителей, ни родственников, ни подруг. В который раз близкие предают ее. Да, собственно говоря, ей никто не нужен, кроме мужа. Она слишком самодостаточна и готова принадлежать только одному человеку. Ее «сиротство» имеет значение для близких Эжена, но не для нее самой! Начиная со знакомства в Клаваделе, вся русская семья Дьяконовых и ее уклад вмещался в одной Гала. С этим пришлось смириться не только нетерпеливой и по-матерински ревнивой мадам Грендель, но и ее строгому мужу.

О том, что у Гала присутствует своеобразный, но истинный, тонкий вкус, говорит выбор свадебного наряда. Белый цвет во время войны неуместен (когда все это происходило, Эжену предоставили несколько дней отпуска), кремовый или бледно-голубой тоже смотрятся вызывающе. Гала верующая и, возможно, суеверна. Она не хочет «сглазить» то, что для нее давно реально — их будущее. Зеленый — цвет жизни и волшебства, цвет надежды и вдохновенья, но в то же время смиренья во времена всеобщего горя. Но она умеет ждать, мечтая сделать комнату Эжена в родительском доме их семейной крепостью.

21 февраля 1917 года Гала и Поль обвенчались

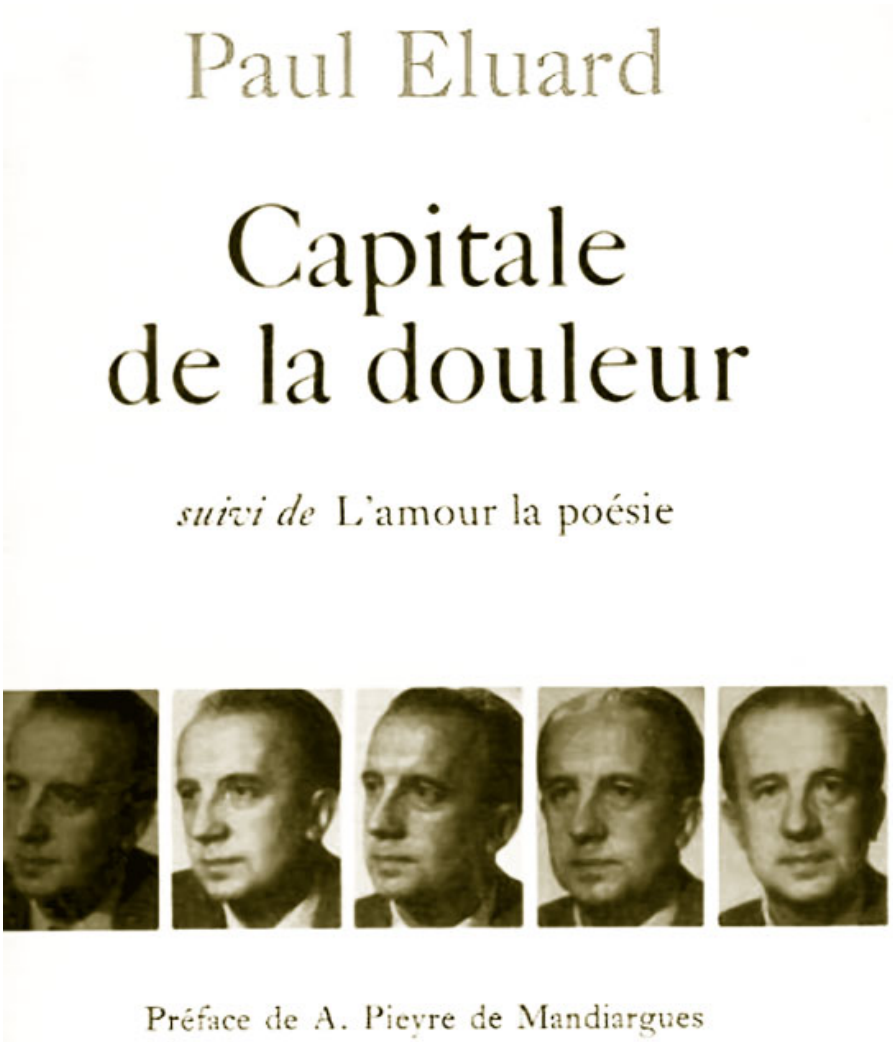
Говорят, что любовь помогает увидеть в этом мире новые реальности. Во времена Поля Элюара мир становился другим вопреки любви. Что значила любовь единиц, если мир пережил ненависть? Все вокруг требовало перемен. Бунт — едва ли не единственное желание молодых, кто вышел из той войны. Бунт находил единомышленников с разных сторон баррикад, он делал их равными, почти братьями. Те, кто сражался на полях Европы,

начали возрождать свой общий полуразрушенный дом, стараясь перечеркнуть то, что принадлежало их отцам, не уберегшим хрупкий мир. Стремление все уничтожить и возродить наново проявилось в первую очередь в искусстве. О том, что их ожидают новые потрясения, Гала и Эжену стало понятно уже в 1918 году.

10 мая 1918 года у этой пары появилась дочь Сесиль. В честь ее рождения отец пишет прекрасные стихи. Война вызвала в нем страстное желание слагать «Стихи во славу мира». Этот цикл, а также сборник «Долг и тревога» подписаны именем Поль Элюар.

Отныне он стал Полем Элюаром, и подумывает всерьез о карьере поэта. Вместе с ним желают воплотиться в творчестве десятки убитых молодых литераторов, чьи имена могли принести славу своему Отечеству. Злой гений войны оборвал их жизни. Тем яростнее молодые творцы стремятся излиться вовне, выжимая свой талант до последней капли. «За себя, и за того, кто…» — таково мировоззрение 19–25-летних. Их вера в собственные силы подкреплена ненавистью к войне.

Поистине парадокс: ненавидя насилие, они собираются улучшить мир через… насилие. Но таковы мужчины, их грубая психология покоится на воинственных принципах.



Сборник стихов Поля Элюара «Столица боли»

Глава 4. Воплощенная в стихах, или Как разглядеть и завоевать гения

Прежде чем перейти к интересующему нас периоду, повлекшему за собой сначала смятение, а затем эйфорию вседозволенности, взрывную революцию чувств и мыслей, оказавшей влияние и на наше с вами время, мы вернемся в 1914 год.

Время первой влюбленности. Какие черты в Гала привлекли внимание молодого француза? Чем она тронет его юное сердце? Как это ни странно, те же качества в ней позже покорят и Дали. Вряд ли наш короткий последующий анализ можно назвать уроком «Как разглядеть и завоевать гения», но если одной хрупкой женщине удалось завоевать не одного, а даже двух величайших гениев XX столетия, то почему не поучиться на примере?

Эжен Эмиль Поль Грендель, этот хрупкий мальчик, родился в Париже 14 декабря 1895 года. Он из простой семьи и гордится этим обстоятельством, по линии матери его предки были крестьянами и металлургами. Первым, кто вышел из этого круга, стал его отец, начавший рабочую карьеру конторским служащим, а позднее занявшись земельным бизнесом. Можно сказать, что в их семье деньги появились после 1900 года, с тех пор, как Клеман Грендель потихоньку начал становиться на ноги, покупая и продавая участки в промышленных районах. С ростом индустриализации начал процветать бизнес такого рода. Согласно сведениям из книги Д. Бона, «Эжен посещал коммунальную школу. Хотя его родители разбогатели и живут в достатке, они все же остались верны народным традициям и никогда не желали дать своему сыну никакого иного, кроме светского образования. Клеман Грендель — убежденный атеист: хотя его сын и был крещен по настоянию жены, закону божьему он никогда не учился. В противоположность Гала Эжен не получил религиозного воспитания и не был знаком с христианскими обычаями. В коммунальной школе, затем в коллеже он был послушным учеником, успевал средне, никогда не блистал в учебе, как Гала. Он никогда не проявлял выдающихся способностей ни во французском языке, ни в других школьных дисциплинах, не получил ничего, кроме одного похвального листа по английскому языку. Ему недавно вручили свидетельство об окончании коллежа, и в лицей поступать он не собирался. В лицеях в основном учатся дети буржуа. Эжен

никогда не получит степень бакалавра».

Париж. Начало XX века

Мир поэзии, привлекший Эжена, был чужд его родителям и всем их родственникам. Первым, кто обратил внимание на его творчество, естественно, была русская девушка Гала. Влюбленная в литературу, начитанная, она понимала разницу между «талантливо» и «пустяки», к тому же французский язык, на котором писал юноша, был ей понятен, и она легко смогла убедить Эжена, что то, чем он занимается — это прекрасно, это выше всяких похвал. Не потому, что в стихах семнадцатилетнего юноши просматривается талант, а потому, что само занятие этим — допуск в сферу неизведанного. Если Эжен пишет, значит, он избранный.

Гала сама интуитивно стремится принадлежать к кругу избранных. И молится Богу (в которого она искренне верит) о том, чтобы ее жизнь была не похожа на жизнь других людей. Ее манит иной мир, мир грез и неземных желаний, а поэзия — вестница того неизведанного мира. Гала не рассуждает, она действует, как будто заранее знает обо всем, что ее ждет на этой земле.

Чувства познать себя через творчество и с помощью творчества проникнуть в иной мир, словно бы обостряет болезнь

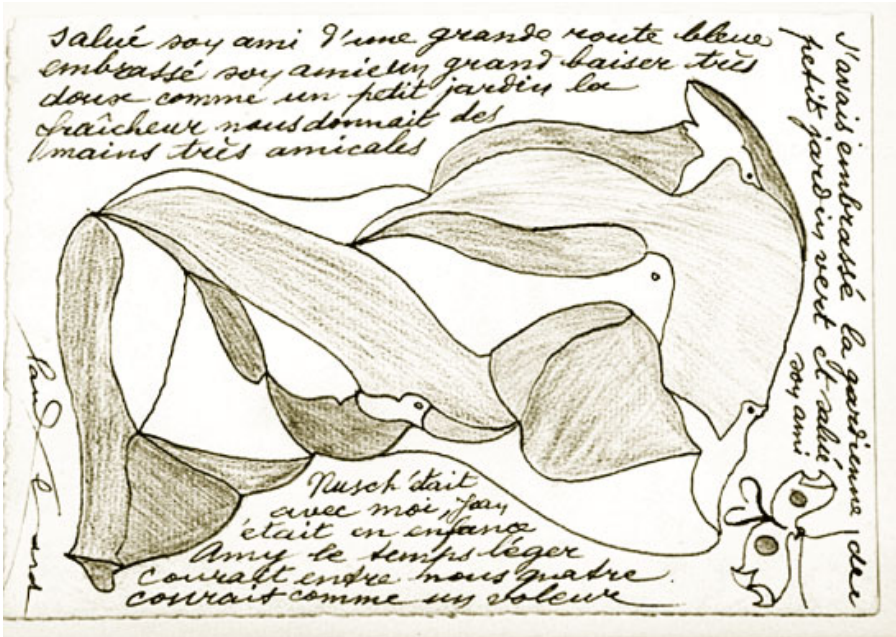
двух молодых людей. Они боятся умереть молодыми и спешат: жить, интересоваться, проявляться, любить. Дети, полные комплексов, они строят планы относительно своего взрослого мира, раскрепощаясь и радуясь одновременно. Гала более самостоятельная (ведь она одна), и своим поведением показывает пример, что уже гарантирует ему право на самостоятельность даже рядом с родительницей (с ним постоянно мать Жанна-Мария).

Гала и Поль Элюар. Коллаж

Не умея и даже не пробуя делать то же самое, Гала остается только наблюдать, как работает юноша. Вдохновение накатывает на него в самое разное время и он, как одержимый, исписывает страницы. Гала уже была знакома с одним молодым поэтом на Родине, и сестра ее подруги — Марина Цветаева — тоже знает, что девушка восхищалась ее стихами. Для Гала поэзия — одна из

самых значительных ценностей в жизни. У американцев есть характерное слово «уик-энд», означающее время отдыха и веселого времяпрепровождения. Даже если выходные прошли не так, как планировалось, это все равно «уик-энд», почти что маленькое Рождество. В какой-то степени поэзия для Гала означало тот же праздник в выходные, который никогда не закончится. Вообще, как оказалось, ничто — ни материальное положение, ни уверенность в завтрашнем дне — не было таким значительным, как Творчество.

Он уже читал свои стихи друзьям и даже своей матери, но это совсем не то, как умеет слушать она. Эжен пишет новые строки — для нее. Так по воле случая две родственные души обрели друг друга. Ее вера в то, что он будет знаменит, проявляется почти сразу после знакомства, в одной из записок она напишет Эжену: «Вы станете великим поэтом». Что это на самом деле, — неясно. В равной степени это может быть комплимент, утешение, предчувствие. Но только не случайно брошенные слова. Получив его доверие, молоденькая русская девушка становится одновременно Музой и критиком. Вот, наконец, то, что нужно гениям! Быть Музой и критиком все равно, что быть для одного человека женой и любовницей. Это талант. Он проявляется в Гала при первом удобном случае, то есть, после знакомства с Эженом. Сначала она стала любовницей в стихах. Влюбленный юноша откровенно описывает ее тело, пока не доступное ему, он желает ее, жаждет. Он описывает ее образ, с этого момента и всю последующую жизнь создавая портрет этой манящей женщины. Гала, воплощенная в стихах. Об этом только можно было мечтать. Она поддержит этого мальчика на первом этапе, даст ему веру в свои силы и вдохновенье-крылья, станет лелеять его талант, причащаясь к Творчеству и существуя в Творчестве.



Элюар не только создавал прекрасные стихи, но проявлял себя как художник

Быть Музой — такова отныне ее роль в этой жизни, в этом состоит цель ее рождения.

Чувственность порождает в нем вкус к поэзии, к ее новому звучанию, чтобы было жарко, а не пресно. Гала в его ранних стихах — не дама сердца, а нежная и робкая инфанта. Она — башня, которую берут штурмом. То, что она старше, даже приятно; он, привыкший к опеке, в ней нуждается. Ему и нужна будет женщина, могущая заменить мать, и которая хоть иногда будет звать его «мой дорогой, мой любимый мальчик». В тот момент, когда он напишет: «Мой идеал с небес спустился», — он будет покорен хрупкой девушкой, обладающей несгибаемой силой воли.

Вместе с тем интересно наблюдение молодого Поля Элюара за своей избранницей.

Русский тип — неврастенический,
Без конца изучающий, копающий
Проблему психологическую.
Присваивает себе силу магическую.

В «Русской балладе, написанной триолетом», даются и другие характеристики: «энигматический, странный», имеющий «сардонические манеры». Несмотря на юный возраст, Эжен метко подметил многие неприглядные стороны, характерные Гала и другим славянским девушкам. Может, он впервые сталкивается с таким непостоянством характера, настроение Гала часто меняется, оно — как стрелка испорченного компаса.

Но при всем том в ней существует и такая удивительная славянская черта, как желание раствориться в любимом, в ее мужчине. Это замечали и современники. Черта, совершенно противоположная эгоизму, не только сохранилась, но и доминировала позже, когда Гала стала жить с Дали. Будучи рядом с мужчиной, эта женщина не делала попыток выделиться, проявить себя, играть на публику. Она была просто тенью, почти постоянно следующая за кем-то, и чаще всего тенью молчаливой. Но те, кто хорошо знал ее настоящую жизнь, понимали, что без этой тени не было бы солнечного света — той яркости и блистательности, характерных и Полю Элюару, и Сальвадору Дали.

Пейзаж с двумя обнаженными женщинами. Коллаж Поля Элюара

Будучи молодой женой, в чужом городе, среди чужих людей, Гала не чувствовала обреченности или униженности, или ненужности. Она была любима, а главное — она вдохновляла Творца. У Поля появилось много друзей-поэтов, у него есть нелюбимая, но работа (в конторе отца), его свободное время ограничено. Она, желавшая видеть его постоянно, чувствовать его присутствие, часто предоставлена сама себе. Ничегонеделанье —

вот любимое занятие этой женщины. Гала старательно избегает всего, что может сказаться на ее внешности или самочувствии; она ничего не делает в доме; уборка, приготовление обедов — этим ведает свекровь. Гала же тщательно следит за собой, своим телом и руками, прохаживается по улицам, заглядывая в милые магазинчики и антикварные лавки. Интересно, что через время в ней все же проявится (талант или жесткая необходимость?) хозяйственность, и эта белоручка будет не только готовить, но мыть полы и стирать. Из странных полос сложится ее жизнь: любовь — благополучие — достаток; любовь — нищета — достаток. Для этой женщины-звезды на земле главное не рождение и не смерть, и даже не появление ребенка, а — любовь. Любовь, дающая бессмертие, потому как длится дольше жизней любящих людей. Чувства, которые совершенствуются в духовном мире, изменяют внутреннюю сущность, проливаясь дождем на благодатную почву таланта. Смутное время обостряет все чувства. Война ускоряет процессы и торопит познавать и создавать.

Поль и Гала в Индокитае. 1924 г.

Глава 5. В маленьком замкнутом кругу желающих «взорвать мир»

Существует такая статистика. Во время Первой мировой войны в боях за Францию погибает 450 поэтов и прозаиков, среди них — Луи Перго, Шарль Пеги, Гийом Аполинер и многие другие. Их энергетика, их талант взывал об отмщении. Но насилие, как таковое, было ненавистно тем, кто выжил. Осознание гибели своих собратьев по творчеству, необратимости процесса приостановленного прогресса культуры, невозможность создать то, на что были способны загубленные таланты, — все это послужило основой появления новых течений, мини-революций в мировом масштабе искусства. Так появляются течения, вызывающие неприятие старшего поколения, а вместе с тем и отрицание классического искусства. Это не тот случай, когда новое — хорошо забытое старое. И хотя творчество дадаистов и сюрреалистов чем-то похоже на творчество первобытных, стоящих у истоков цивилизации, их подача и манера зиждется на принципах не познания, но — отрицания и духовного раскрепощения.

Но продолжим наше своеобразное введение в историю любящих сердец. Повествуя в книге о любви, как не припомнить миф о Пигмалионе, который, создав статую совершенной женщины, умолил богиню Афродиту оживить ее, чтобы она могла стать его женой. В нашем случае поэт, женившись на живой, реальной женщине, превращает ее в статую, вернее, в поэтический образ, наваждение, преследующее его всю жизнь. Кем же он любуется, кого любит: настоящую или придуманную? Но позже и художник, получив в жены Гала, превращает ее в миф (ту же статую, образно говоря), помещая ее изображения на многочисленные холсты, перенося ее тело в свои «фантазмы».

Фотография, сделанная в день окончания Первой мировой войны

Страсть, присутствовавшая в письмах, просматривающаяся в отношениях, постепенно превращается в рутину, вызывающую меланхолию. Но это проявляется только тогда, когда молодые разлучены. А разлучены — значит просто не рядом (не обязательны многие километры между ними); дом для Гала крепость, но она не хочет быть просто хранительницей очага. Одиночество (когда муж на работе или в кругу друзей) и безделье вызывает хандру и подспудное желание перемен. Гала все чаще чувствует себя больной, уставшей, она запирается в комнате и читает или спит. Но чаще — просто мечтает. И если в ее голове не возникают воспоминания и образы Клаваделя, то уж мечты, посещавшие ее ранее, наверняка бередят душу. Она хотела жить в сказке и видеть вокруг себя сказочный мир. Реальность оказывается слишком будничной и серой, чтобы доставлять радость. Но она верит, что когда-нибудь фантастический мир будет принадлежать ей, ведь она выходила замуж за поэта — посланника небес, глашатая волнующих тайн.

Многие исследователи упрекают Гала в корыстолюбии, называя ее жадной и прагматичной. Как любая женщина, она хочет жить в достатке, чтобы не экономить, покупать любимые книжки и безделушки. Но ее интересует не работа мужа, приносящая основной и стабильный доход, а его эфемерный мир,

его хобби, его творчество. Практически никогда поэзия не приносила Элюару заработок. А потому можно сделать вывод, что не деньги главное в жизни Гала, а возможность чувствовать себя сообщницей тайного и возвышенного мира, сказочной принцессой, обожаемой ее прекрасным принцем, готовым кинуть к ее ногам вселенную чувств.

Идет время. Гала злится, нервничает и… ждет. Ее не интересует ничто, ни дочь Сесиль, родившаяся в мае 1918 года (воспитанием девочки занимается бабушка), ни страшная революция, свершившаяся в России, и поставившая крест на ее возвращении в семью. Можно предположить, что именно тогда в ее биографии появляются эти сведения: город рождения Казань (запутать следы, отвести от бабушки, богатых промышленников-дядьев и золотых сибирских рудников) и еврейский отчим с революционными взглядами (для отвода глаз, для возможного спасения семьи — словно дань пришедшим к власти Иудам-большевикам). Тогда, в 1917, 1918, 1919 и даже в 1920-х годах ей еще никто не интересовался, у нее было время «созреть» для умысла создать себе безопасную биографию. Если быть предельно честными, то нужно сказать, что и многие большевики в стране Советов переписывали свои биографии, измышляя самые разнообразные факты, которые затем вошли во все энциклопедии. …Кому, как не ей было наблюдать за всем, что происходило с несчастными дворянскими, мещанскими родами и их отпрысками, пытавшимися найти спасение за границей и во Франции, в частности? Она — думающая, начитанная, жадно читающая прессу — видела изломанные судьбы своих соотечественников, видела как гибнут многие от рук неизвестных бандитов. Была ли она безучастной? И да, и нет.

Рукописное стихотворение Поля Элюара «Хорошее правосудие»

Однажды в ее ожидании перемен произошло чудо! — ее дорогой муж знакомится с писателем, старше его на десять лет. Жан Полан, сын знаменитого французского философа Фредерика Полана, явится как бы визитной карточкой Поля Элюара в мир настоящей литературы и искусства. Именно он познакомил молодого поэта с Андре Бретоном, Луи Арагоном и Филиппом Супо. Друзья-поэты, уцелевшие в лихолетье военного времени, взялись издавать журнал «Litterature». Они, как и Поль Элюар, мечтают видеть поэзию своей профессией, а не увлечением.

Встреча, произошедшая 19 марта 1919 года, наложила свой отпечаток не только на жизнь и творчество Поля Элюара, но и на жизнь Гала. Она тоже познакомилась с троицей молодых, полных амбиций и желаний поэтов, но не стала для них ни сестрой, ни близкой подругой. Все чаще и чаще она будет вызывать у них раздражение; процесс отторжения продлится слишком долго. Несмотря на внутреннее неприятие, Гала останется свидетелем

возникновения и формирования течения «дадаизм», как и позднейших его превращений. Она, имевшая к этому процессу косвенное отношение (будучи женой поэта), все же как бы присутствовала в нем (все по той же причине — будучи женой поэта, воспевавшего ее в своих стихах).

Жан Полан познакомил молодого Поля с Андре Бретоном, Луи Арагоном и Филиппом Супо

Она, вовлекавшаяся в новые процессы творчества через

поэзию, проникла и через живопись, но пока не через гениальную кисть Дали. Кисть другого художника — Макса Эрнста — десятки раз запечатлеет эту женщину на различных предметах и в различных ракурсах.

Почему, взявшись рассказывать о любви Дали к Галарине, мы не избегаем, а иногда и подчеркиваем все предшествующие события и детали? Да потому, что почти все они имели непосредственное отношение к формированию личности Дали, к его творчеству и к его неземной любви. Не имея опыта взращивания таланта, смогла бы Гала стать той женщиной, которую хотел в ней видеть Дали? И не пройдя все препятствия и предыдущие любови, разве смогла бы она понять в первые дни встречи с Дали — молодым, почти неизвестным художником, что ей нужно в этой жизни и что она ему сможет дать? Все, кто вращался вокруг нее в годы жизни в Париже, будут окружать ее и впоследствии. Гала не отказывается от связей (плохих или хороших), она не сортирует людей на «нужных» и «ненужных», даже если они открыто выступают против нее. Ведь все они принадлежат искусству, она же вне этого круга себя не мыслит.

Кто они, эти другие творцы, манящие к себе ее Поля? Они ненавидят все, что так или иначе связано с буржуазными принципами и моралью, их не прельщают деньги и комфорт. Они в большинстве бывшие солдаты, хотят изменить мир и надеются только на свои силы и свой талант. Огромное желание, иногда большее, чем талант, помогает им в новых начинаниях.

Друзья встречаются практически каждый день; их можно увидеть праздно прогуливающимися, сидящими в кафе или книжных магазинах, иногда они собираются в номере гостиницы или идут в кино. Поль все чаще берет с собой Гала. Возможно, он не до конца понимает, что при ее присутствии наблюдаются перемены: друзья меньше откровенничают и спорят, ведь разговоры перестают быть чисто «мужскими». Но и она не похожа на их подружек. Гала всегда старалась выделиться внешне; еще не прошли времена, когда она переделывает одежду, добавляя экзотические детали, опережая время и моду. Их протест сродни ее протесту. Но если они бунтуют «словом и делом», она бунтует молча. Ей знаком мир насилия; она выехала из страны, где сначала готовились к войне, а после воевали, и где перемены были обагрены мученической кровью царской семьи. Были ли в ее душе сожаления о судьбе уничтоженной, захваченной России и ее сыновей? Гала всегда была слишком скрытной, чтобы высказывать вслух свое личное мнение о мировых проблемах. Но то, что с того времени она презирала политику как таковую, доподлинно известно. Да и как иначе? Именно сильные мира

сего, затеявшие резню, чуть не разлучили ее с любимым (ведь он или она могли даже погибнуть!), они повлияли на то, что ее поэт решил бороться, доказывая свою позицию, непримиримость и новое отношение к жизни своим творчеством. Она понимает, что помешать процессу нельзя, наоборот, женщина, мечтающая быть только рабыней и царицей любви, всячески поддерживает своего мужа. Она показывает, что верит в его силы и непревзойденный талант.

Слева направо: Андре Бретон, Рене Ильсом, Луи Арагон, Поль Элюар с наклеенными усами и в париках. 1919 г.

Его стихи о ней — не благодарность, нет! — а дань сумасшедшей любви, этому пьянящему чувству, разрушить которое обстоятельства пока не в силах. Но учась и совершенствуясь в любви, он жаждет увидеть свою Гала… в объятиях других мужчин. Это ли не трагедия?! Изменяя мир, они хотели измениться сами, изменить стиль отношений, познать запретное. Не думая и не подозревая о последствиях. Образуя кольцо — семейную пару, Грендели младшего поколения постепенно расширяли круг, общаясь с равными себе по духу. Так Поль Грендель, становясь Полем Элюаром, вошел в круг новаторского творчества. Им — молодым творцам — казалось, что они вместе с друзьями составляют маленький замкнутый

круг, который «расширившись, попробует взорвать мир»; вот что ждет их впереди.

Гала на отдыхе

Последняя фраза наводит на ассоциацию. В тот момент, когда Сальвадор Дали отрывисто и пылко спросил: «Что ты хочешь, чтобы я сделал с тобой?», Гала ответила: «Хочу, чтобы ты взорвал меня!». Не так ли впервые вслух прорвался бунт, зревший в душе загадочной русской женщины?

Обложка одного из номеров журнала «Литература», издававшегося А. Бретоном, Л. Арагоном и Ф. Супо с 1919 по 1924 год

Глава 6. Дадаизм: как любя одного, принадлежать всем…

Молодежь, отрицавшая классические устои мира и классическое искусство, само по себе искусство не только не отрицала, но и создавала его. Творя в мире поэзии и живописи, им удалось утвердиться в… любви. Рисуя, мягко говоря, странные сюжеты или описывая чувства и переживания «белым» языком хаоса, избегая рифм и ломая ритм, отрицая все и вся, они показали, как сильно любят этот мир, окружающий их с первого вздоха. Только любящие мечтают жить в гармонии, но они не умеют сказать об этом иначе, как разрушив гармонию в искусстве, показать — чего достигли их предки, их отцы, а затем им же и пригрозить: «Этот ваш мир мы видим таким. Но это уже и наш мир». Да, да и да!

Но «дада» звучит с других окраин. Оно ничего не означает, разве только детский лепет, дразнилку; оно пришло из Цюриха, где было озвучено, как символ в 1916-м. Его отыскали пацифисты, объединенные слишком сильным чувством ненависти к войне. Четыре года он будоражил Цюрих и всю Швейцарию, стремясь вырваться за пределы этой страны. Дадаисты печатали свои журналы, проповедниками антиверы ко всем и всему выступали на печатных страницах Тристан Тцара, Хуго Вал, Ханс Арп и другие.

Их поведение было поведением истинных дадаистов: они оскорбляли прохожих, писали на стенах скабрезности, осыпали незнакомцев проклятьями, — словом, вели себя так, как не позволит себе ни один здравомыслящий человек. Отрицание ради отрицания было наполнено иронией, смехом и молодым задором. В 1919-м в Париже наконец обратили внимание на дадаизм. Андре Бретон вместе с Луи Арагоном и Филиппо Супо вступают в ряды дадаистов; им нравится беспорядок и отказ от приличий. В движении участвуют солидные фигуры — художники Марсель Дюшан (брат художника Жака Вийона) и Франсис Пикабиа. И Гала, и Поль, с радостью ставшие дадаистами, с нетерпением ожидают приезд в Париж румынского еврея Самуэля Розенштока, известного как Тристан Тцара. Идейный отец нового течения — дадаизма — Тцара всегда считал себя главным и непревзойденным дадаистом, и, будучи последователем разрушителей, в 1930-е годы вступил в ряды французских коммунистов.

Морис Макс, Макс Эрнст, Симона Бретон, Поль Элюар, Джозеф Делтейл, Гала Элюар, Роберт Деснос, Андре Бретон. Фото Валентина Хуго, 1923 г.

Течение дада стало для молодых родителей Поля и Гала билетом в обратную сторону Времени; желая дурачиться и хулиганить, они могли почувствовать себя юнцами, придумывающими себе невинные занятия в Клаваделе. Безумствовать и при этом не быть безумным — это ли не свобода от всего и всех?!

Тцара знакомится с парижскими единомышленниками, они, втянутые в его игры, пишут и ставят пьесы, которые с треском проваливаются. Но таков успех дадаистов. Поль и Гала тоже появляются на сцене. Как в Цюрихе, публика в Париже злится, клянет и неистовствует. Возмущению нет предела. Выступая против традиционных ценностей, дада создает свои ценности; всёотрицание и раскрепощение явились фундаментом будущего движения — сюрреализма, оставившего настоящие шедевры в мире искусства. Но прежде чем окрестить себя сюрреалистами, многие творцы побывали в рядах дадаистов. Так было и с Сальвадором Дали. Можно отрицать искусство, но нельзя отрицать способы его создания: краски остаются красками, а слова по-прежнему являются первоосновой поэзии.

Нельзя оспаривать тот факт, что Гала была женщиной здравомыслящей, но она во всем потакает Полю, даже когда его осмеивают или забрасывают гнилыми фруктами. Она — любящая,

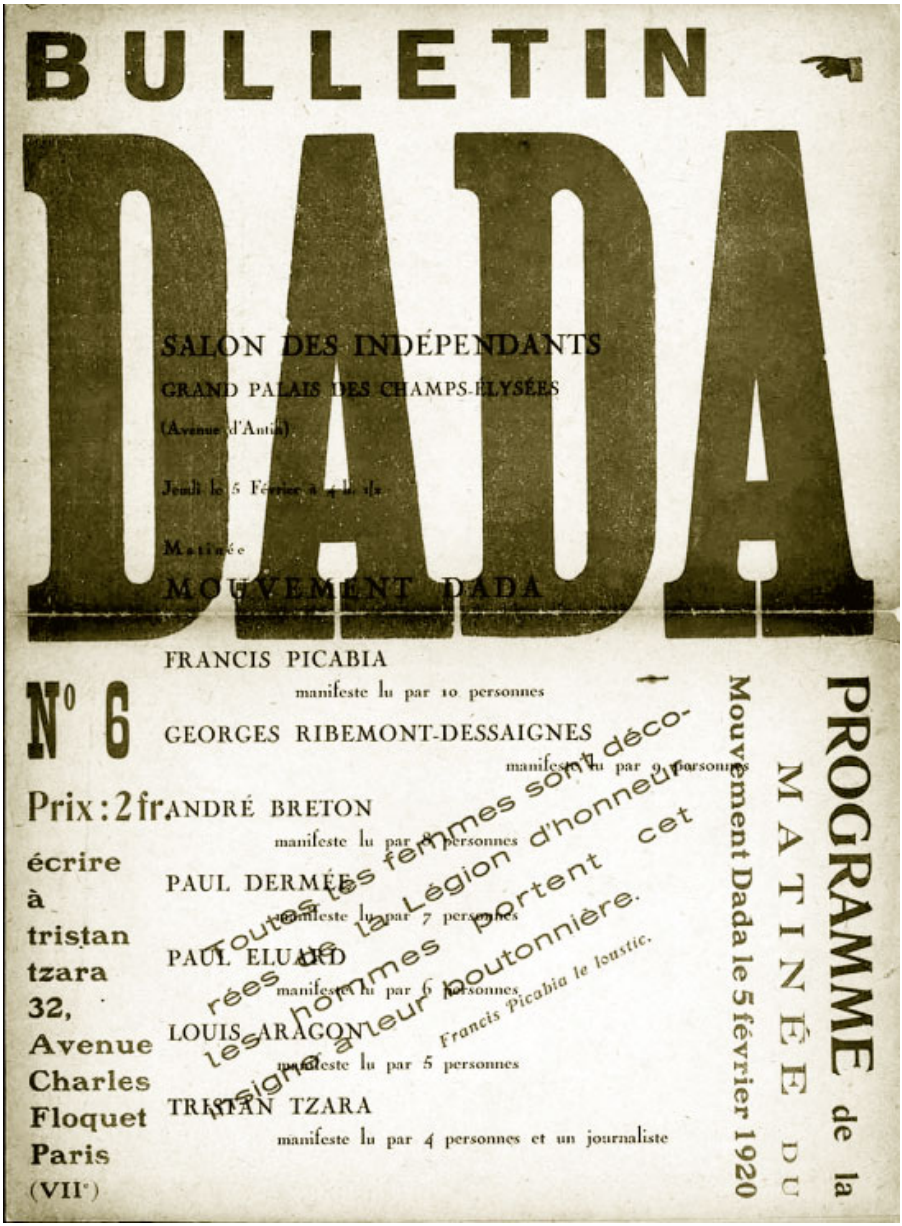
она — в тени, она — поддерживающая, потому как вместе с дада все вокруг меняется и она попадает если не в сказку, то в сумасшедший и загадочный мир, в котором нет места хандре и унынию. Но она умеет удержать мужа, не отдать его друзьям, большинство из которых закостенелые холостяки. Супруги начинают путешествовать: Монте-Карло, Тунис… Потакать и поддерживать человека, совершающего странные поступки (на которые она вряд ли способна в одиночку) — самая сильная черта характера Гала. Она проявится еще сильнее, еще упорнее во втором браке.

Идейный отец течения дадаизм — Тристан Тцара. Фото Андре

Кёртеша, 1926 г.

Талант саморастворения в любимом — дьявольская сила, дающая возможность покорить сердце мужчины. Любовь слепа, но и доверие тоже бывает слепо. Таким оно внушает больше веры; разве можно обидеть человека, который слепо доверяет тебе во всем? Вера, доверие, интуиция — три ипостаси, на которых зиждется любовь Гала. Муза знает о своих достоинствах и не хочет замечать недостатки.

Дадаизм отрицающий привносит очарование свободы и независимости, жизнь холостяцкая и любовь напропалую больше подходят дадаистам, чем семейные отношения. Единожды заронив семя вседозволенности, дадаизм вынуждает вновь и вновь задумываться о немыслимом: любя одну, любить многих. В сборнике стихов Элюара, вышедшим в 1921 году, появились двусмысленные, провокационные строки; он словно ждет: когда же наконец его женщина обратит внимание на других. Сны, воплощенные в стихах (сборник носит название «Потребности жизни и последствия снов»), становятся навязчивой идеей, которой он делится с Гала. Пока что он только спрашивает ее об отношении к любви к другому или любви втроем. Слово «измена», молвленное вслух, разбило сердце Гала. Об этом молчат книги, молчат стихи Элюара, в которых описаны его и только его чувства и переживания. Но как настоящая женщина, добившаяся своего возлюбленного и желавшая принадлежать только ему (вспомним ее практически отказ от воспитания дочери), она не могла не почувствовать внутреннего горького разочарования. Что впоследствии даст ей моральное право спокойно уйти к другому.



Один из журналов, выпускаемых дадаистами

Дада, полностью раскрепостивший ее мужа, разбил ее сердце, чувствительное ко всему, что происходило с ней и с Полем, и такое нечувствительное ко всем остальным…

Симона Бретон, Гала Элюар, Макс Эрнст, Андре Бретон, Роберт Деснос, Поль Элюар и Джозеф Делтейл. 1923 г.

Глава 7. Реинкарнация и фатализм того, кто начал рисовать в шесть лет

Чтобы научиться любить, нужно уметь восхищаться. А чем может восхищаться человек, не достигший зрелости, еще не познавший плотскую любовь? Конечно, искусством: картинами, статуями, архитектурой, природой, в конце концов. Ведь мир окружающий — предпосылка и вдохновитель возникновения искусства как такового.

Безусловно, герой любовного треугольника, состоящего из Поля Элюара, Гала и его самого, Сальвадор Дали владел даром восхищения и талантом передавать свое восхищение на холсте. «Еще с самого нежнейшего возраста у меня обнаружилась порочная склонность считать себя не таким, как все прочие простые смертные. И посмотрите, как блестяще мне это удается», — признался Дали в 1953 году в «Дневнике одного гения». Вполне возможно, он так кокетничает. Но и в кокетстве просматривается непреложная истина: ребенок, пробующий себя, как художник, вызывает восхищение окружающих. Сохранилась небольшая работа, написанная будущим художником в шестилетнем возрасте. Правда, некоторые исследователи творчества Дали утверждают, что тот начал рисовать только в десяти — двенадцатилетнем возрасте. Сам же мастер в одном из интервью, данных во времена СССР собкору газеты «Известия» В. Верникову (сам факт такого интервью в 1986 году — почти сенсация, потому как художник в то время уже лет десять — пятнадцать отказывался от всяких встреч с журналистами) сказал: «Мне… кажется, что я взял кисть еще в колыбели. По крайней мере, сколько себя помню, я всегда рисовал. Учителей в высоком значении у меня не было, но я признаю двух великих художников одной эпохи — Веласкеса и Верлерка де Ленка. С другой стороны, на меня оказали свое влияние все великие художники, но ни один не смог изменить меня». Эти слова сказаны за несколько лет до смерти.

Родные Сальвадора Дали: мать Фелипа Доменч с младшей сестрой Каталиной и отец Сальвадор Дали Куси

Но в те же времена, о которых мы повествуем, Сальвадор Доменек Фелип Жасинт Дали и Доменек, маркиз де Пуболь (таково полное имя Сальвадора Дали) был молод и полон сил. Начав рисовать, да так, что сразу же привлек внимание специалистов, он недолго учился живописи.

Дали родился 11 мая 1904 года в Испании. Все его детство и отрочество прошло в Каталонии, в небольшом городке Фигерас. Он расположен в ста с небольшим километрах от Барселоны, почти у самой границы с Францией; посетившие небольшой городок туристы описывают его как «зеленый, чистенький, старинный». Природа этого края показалась бы европейцу странноватой, пустынной, особенно под полуденным солнцем. Здесь нет изумрудных пастбищ и сумрачно-таинственных лесов, но зато есть иное пространство, иное, более яркое небо, и этот незатейливый пейзаж часто становился фоном работ Дали, приобретая под его кистью фантастическую притягательность. Этому краю останется он верен до конца своей жизни. Здесь познал он любовь к творчеству, здесь познает любовь к женщине.

Первая выставка работ четырнадцатилетнего художника состоялась в муниципальном театре Фигераса. Сын провинциального нотариуса знает, что посвятит искусству свою жизнь, и это не вызывает у его отца никакого энтузиазма. Но никто на земле не владеет силой, которая могла бы заставить мальчика отказаться от избранного пути. Работы юного Дали пока еще подражательные, он пишет под импрессионизм, фовизм,

пуантилизм, но в них уже чувствуется мастерство. Рисовать страстно, жадно, как одержимый — таков девиз Сальвадора. В пятнадцать лет он уже пробует силы в поэзии, пишет материалы на серьезные темы для журнала «Studium» — о Микеланджело, Дюрере, Веласкесе, Гойе и Эль Греко. В 1921 году, в семнадцатилетнем возрасте, Дали держит экзамен в Королевскую Академию в Мадриде, удивив преподавателей совершенством своего рисунка. Ему знакома фраза Энгра, вычитанная в мемуарах: «Рисунок — это честность искусства». Дали нравится примерять эти слова к своему творчеству.

Дом в Фигерасе, в котором родился Дали

Кроме своей исключительности, он во всем хочет видеть фатализм, для него действительно «ничто не случайно». И как пример такого рода — в муниципальном театре Фигераса, где проходила первая выставка будущего гения, сейчас находится «Театр-музей Дали» — величайший в мире сюрреалистический объект.

Возможно, фатализм Дали имеет свои истоки в далеком детстве, когда родители на могиле его старшего брата (умер в

детстве от менингита) сказали Сальвадору, что он — реинкарнация своего братика. Добавим, что у Дали была еще и родная сестра Анна Мария, лучшая подруга его детства и объект для первых художественных работ.

В энциклопедии мы находим любопытные факты: «Обучаться изобразительному искусству начал в муниципальной художественной школе. С 1914 по 1918 год воспитывался в Академии братьев ордена маристов в Фигерасе. Одним из друзей детства был будущий футболист клуба «Барселона» Хосеп Самитьер. В 1916 году, с семьей Рамона Пишо, отправился на каникулы в город Кадакес, где познакомился с современным искусством. В 1921 году поступает в Академию Сан-Фернандо. Рисунок, представленный им, еще абитуриентом, был высоко оценен преподавателями, но не принят из-за малых размеров. Сальвадору Дали дали 3 дня на изготовление нового рисунка. Однако юноша не спешил с работой, чем очень беспокоил своего отца, который и без того за долгие годы натерпелся его причуд. В конце концов юный Дали сообщил, что рисунок готов, но он даже меньше предыдущего, и это стало для отца ударом. Однако преподаватели в силу чрезвычайно высокого мастерства сделали исключение и приняли молодого эксцентрика в академию.

Сальвадор Дали среди студентов Академии художеств. 1922 г.

В этом же году умирает мать Сальвадора Дали, что становится для него трагедией».

Истоки вопиющих противоречий и гениальных прозрений в творчестве Дали, его слабые и сильные стороны лежат в раннем периоде развития, когда еще не был сформирован как течение сюрреализм, ярким представителем которого является сам Дали. В 1921–1929 годы Сальвадор познает и осваивает опыт европейского кубизма и футуризма, конструктивизма и пуризма. Подражательство всем этим «измам» чувствуется в его работах тех лет. «Свой» стиль, который принесет Дали мировую известность, он найдет через несколько лет, после того, как на его пути появится показавшаяся ему неземной женщина со странным именем Гала. Пока же он создает реалистические вещи, к примеру, карандашные портреты отца и сестры, глубокий живописный портрет отца, несколько автопортретов. Часто моделью ему служит сестра Анна Мария. Скоро ему двадцать пять, а он все еще робок с женщинами и не достиг того, чего хотел…

А пока он совершенствуется в творчестве, предчувствуя окончание затянувшегося ожидания встречи с единственной, родной, давно увиденной в снах, его будущая возлюбленная Гала осваивает чужие объятия, приобретая опыт новой любви и чувственности.

Сальвадор и Анна Мария Дали

Глава 8. Тристан Тцара и парижские бунтари. «Почтовые открытки» как вызов обществу

Чувства, охватившие Гала и немецкого художника Макса Эрнста, вряд ли можно охарактеризовать как удар молнии, но творчество Эрнста можно было бы смело охарактеризовать, как удар молнии в грозу. Его мир на полотнах — стихия, которая притягивает, но которой боишься. Ничего демонического и глубоко-философского в работах не наблюдалось, но согласно теории дада, там не должно быть никакой гармонии, а, следовательно, и смысла. Хотя в любой бессмыслице, порожденной психически здоровым разумом, есть особый подтекст.

Настоящим безумием, вызовом обществу было желание дадаистов организовать выставку немца, а значит, недавнего врага, в 1921 году в Париже. К тому же это пафосно антипатриотично (в Первую мировую войну Эрнст служил в германской армии). Но молодые французы, если и считают себя патриотами, то не отдельно взятой страны, а всего мира. Провокационный Тцара приглашает художника, надеясь тем самым вызвать скандал в обществе. Его выбор не случаен: Эрнст известен в своей стране, его имя — на первых полосах газет не потому что блещет талантами, а потому что талант свой превращает в ерничанье, в издевку. Он пишет стихи на французском (на этом языке говорили недавние враги!), печатая их в самых непристойных дадаистских журналах. Он делает картины, которые на самом деле вовсе не картины, а коллажи, автор же представляет их как «почтовые открытки». За основу берутся вырезки из книг по анатомии или зоологии, из газет или старых гравюр. Они наклеиваются хаотично, бессюжетно, автор манипулирует ножницами и клеем, а не кистью и красками.

Портрет Тристана Тцара. Художник Роберт Делоне. 1923 г.

Позже Макс Эрнст определит коллаж следующим образом: «…техника коллажа есть систематическая эксплуатация случайного или искусственно спровоцированного соединения двух или более чужеродных реальностей в явно неподходящей для них среде, и искра поэзии, которая вспыхивает при приближении этих реальностей».

В одном из дадаистских журналов Эрнст как-то заметил по поводу своего искусства: «Я ограничиваюсь тем, что пользуюсь

носорожьими щипцами для отрыжки…». Образ из этой нарочито глупой, эпатажной и практически ничего не значащей фразы еще не однажды возникнет в мыслях, дневниках и картинках его коллеги по творчеству — Сальвадора Дали. Одно время он будет охвачен «носорожьей» манией, строя и развивая теории носорожьих рогов; чего стоит одна только «Юная девственница (Вирджиния) автосодомизирующая рогами собственного целомудрия» — картина, написанная в 1954-м. Была ли связь между носорогом Маркса Эрнста и носорогом Сальвадора Дали? Или эти символы случайны? Но не слишком ли они заметны, чтобы действительно быть случайностью? Но так как прямого ответа нет, будем считать, что иногда происходят удивительные коллизии: необдуманно (?) брошенная фраза становится основой не одного шедевра.

Ожидания дадаистов полностью оправдались, выставка провалилась, вызвав перед тем восхищение молодых парижских бунтарей. Макс пересылал свои работы из Кельна (где он жил) небольшими бандеролями. Дадаисты, в том числе и Поль Элюар, тщательно и аккуратно вставляли «открытки» в багетные рамки, после чего развешивали на стенах книжного магазина, где проводилась выставка. Друзья даже отпечатали каталог под названием «Помещение в морское виски осуществляется в креме цвета хаки и в пяти устройствах». Каково? К большому огорчению, сам виновник действа приехать не смог; незадолго до предполагаемого вернисажа художник, участвовавший в одной из дадаистских акций у себя на родине, был арестован. Заключение длилось совсем недолго, но благодаря неуемным шалостям молодой человек был лишен паспорта и получил запрет на пребывание во Франции.

Одно время Дали будет охвачен «носорожьей» манией, строя и развивая теории носорожьих рогов…

Эрнст, пока еще не известный лично ни парижским друзьям, ни парижской публике, был этой публикой осмеян и освистан: его картины дали основание считать его обманщиком, хулиганом и нехудожником. Некоторые из друзей наоборот, находили в его работах проявление «эйнштейновского мышления». Они полны желания приехать в Германию и самолично познакомиться с творцом, вызвавшим горячий гнев добропорядочных парижан. Узнав о том, что немецкие власти разрешают Эрнсту провести лето в Австрии, Тристан Тцара собирается приехать туда со своей подругой, активно уговаривая сделать то же и остальных друзей-дадаистов. Так получилось, что Элюары смогли к ним присоединиться только в конце каникул, да и то после того, как заботливый Поль удостоверился, что сентябрь стоит теплый, и погода не нанесет вреда здоровью его жены. Среди парижских знакомых в Австрии они повстречали ненадолго задержавшихся Андре Бретона и Симону Кан — молодая пара недавно поженилась.

Но того, кто является целью путешествия, уже нет на побережье, Поль и Гала разочарованы, зато они проведут прекрасный месяц, напомнивший им о Клаваделе, о первом чувстве и открытиях в области любви. Спокойная жизнь на свежем воздухе, безупречное в своем ничегонеделании

времяпрепровождение окажут свое влияние на здоровье и настроение этой пары. Поль, полный сил и энергии, словно влекомый фатальной судьбой, все же захочет познакомиться с нарушителем душевного спокойствия, загадочным Максом Эрнстом.

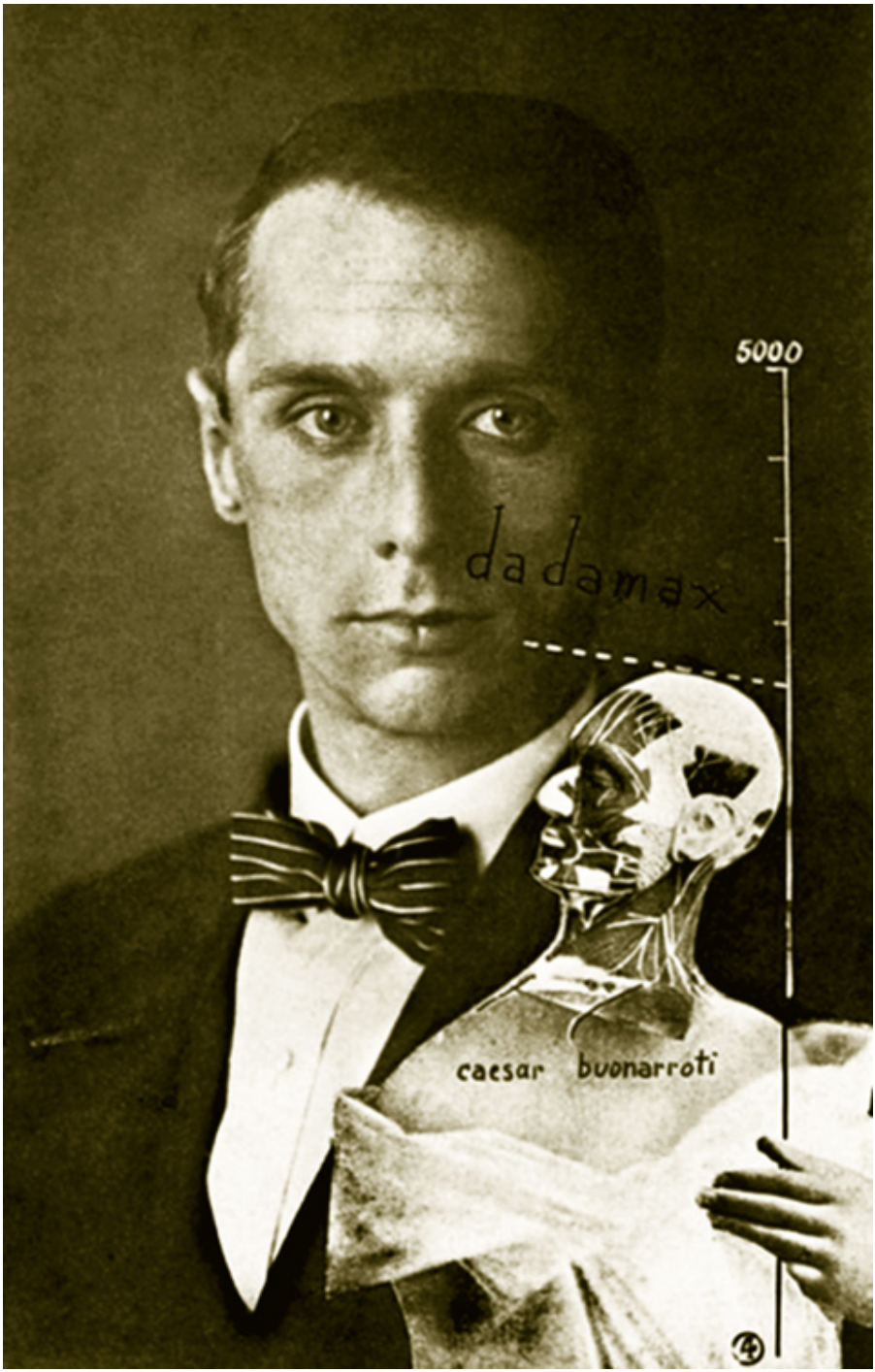
Четвертого ноября 1921 года в Кельне состоялась встреча, поколебавшая счастье Элюаров и оказавшая непосредственное влияние на дальнейшие метаморфозы, произошедшие с его Галой.

Международный конгресс дадаистов и конструктивистов в Веймаре. В центре (целует руку) Тристан Тцара. 1922 г.

Глава 9. Макс Эрнст. Мастер сновидений, переносящий галлюцинации на холст

«Сюрреалист — это я!»; ставшая крылатой фраза была произнесена Сальвадором Дали. Ни один, пишущий о Дали не избежал соблазна привести эти знаменитые слова, ведь в их простоте сокрыта тайна гениального художника. Не только его полотна, но и вся его жизнь — это сюрреализм. Но разве появился бы сам сюрреализм, не будь перед тем дада?

Откроем «Популярную художественную энциклопедию», чтобы с научной точки, а не с точки зрения простого описания, понять, что «дадаизм (фр. dadaisme, от dada — деревянная лошадка; в переносном смысле — бессвязный детский лепет) — модернистское литературно-художественное течение, существовавшее в 1916–1922 гг. Дадаизм зародился в Цюрихе, в среде анархиствующей интеллигенции, воспринявшей Первую мировую войну 1914–1918 как развязывание в человеке извечных звериных инстинктов, а разум, мораль, эстетику — как их лицемерную маскировку. Отсюда проистекали программный иррационализм и демонстративный антиэстетизм дадаизма и конкретные методы его представителей (французы М. Дюшан, Ф. Пикабиа, швейцарец Ж. Арп, немцы М. Эрнст, К. Швиттерс и др.), нередко сводившиеся к разного рода скандальным выходкам — заборным каракулям, псевдотехническим чертежам, комбинациям случайных предметов, наклейкам на холст (коллажам) и т. п. В 1920-х гг. во Франции дадаизм слился с сюрреализмом (перенявшим парадоксальность приемов дадаизма), а в Германии — с экспрессионизмом…».



Макс Эрнст

Так что, не будь дадаизма, не возник бы сюрреализм, и не будь Макса Эрнста, вряд ли Гала решилась связать свою жизнь с

Сальвадором Дали, даже если бы он возник на ее пути и умолял стать его женой. Почему? Кажется, на этот вопрос ответить не так уж сложно. Гала имела опыт общения с необыкновенным человеком (Элюар), жила во власти почти неземного чувства; муж — этот человек, принадлежавший богам, коль скоро он стал известен своим творчеством — сам боготворил ее, простую смертную, не дерзнувшую попытаться соперничать с ним в чем-либо (разве что в силе любви?!). Она, обещавшая ему свою любовь до конца дней своих, не хотела ни измены, ни другого опыта. Об этом свидетельствуют и ее отношения к друзьям Поля, и письма, которые она писала своему мужу во время коротких разлук.

Конечно, ее муж не Аполлон, но ведь не внешность часто привлекает нас в мужчинах. Макс (уменьшительное от Максимилиан) — стройный, мускулистый, пышущий здоровьем и счастьем, вызывает симпатию, он сразу располагает к себе. Во время первой встречи с четой Элюаров Максу было тридцать лет. Его биография вызывала уважение дадаистов: Макс имел опыт общения с блюстителями порядка, сидел в полицейском участке, узнал отречение от него отца и был лишен наследства. Эрнст был женат на красивой белокурой немке Луиз, у них рос годовалый сын Ульрих (отец переименовал его в Джимми, под этим именем тот станет известен, опубликовав в 1986 году свои мемуары). Луиз работает в музее, ее родители не понимают и не принимают зятя, при этом оба они из зажиточных семей, но связь с родственниками почти не поддерживается; правда родители жены из жалости дают иногда деньги.

Такие, как Макс, не вызывают одобрения в глазах состоятельных людей, его отец и вовсе считает, что сын опозорил семью. Существует психологическая драма, о которой не говорят вслух. Макс весел и жизнерадостен, по его виду не скажешь, что ему довелось пережить. Проблема отцов и детей не нова, но слишком остро встает она в это тысячелетие, слишком часто рушатся устои. Разрыв происходит и в семьях, которые, казалось бы, никак не затронуты войной или революцией. Но мировые процессы не так безобидны, отсидеться в окопах безразличия невозможно. Настанет день, и Дали выйдет из-под контроля отца и даже более — отец отречется от сына…

Луиз Эрнст, Поль и Гала Элюар с дочерью Сесиль, Макс Эрнст и Джимми. Инсбрук, 1922 г.

Луиз (или Луи, а еще — Роза) по-своему несчастна: она живет с изгнанником. Что она может дать своему избраннику, кроме любящего сердца и заботы? Но ее жертва не будет оценена по-настоящему; уйдя из семьи, Макс откажется и от этой женщины, и от воспитания сына. Лу сделает почти героическую попытку вернуть мужа, но что может она, добрая и бесхитростная, сделать против загадочной, чертовски притягательной Гала, не обремененной к тому же заботой о ребенке?

Макс Эрнст — этот веселый и общительный малый, вынужден

жить под постоянным наблюдением, он не может спокойно работать: все, чем он занимается, подвергается цензуре. Он должен учиться обходиться замкнутым пространством: Германия и Луиза, дом и родина. Праздник всеотрицания и непослушания не может принадлежать одной стране; он вспыхивает в разных местах, предлагая принять участие всех, называющих себя дадаистами. Разве Эрнст зря рекомендует себя друзьям как Дадамакс? Он верит, что обязательно вырвется из ужасного круга ограничений. А помогут ему в этом Элюары.

Отношения Поля и Макса — пример мужской дружбы, с оттенком нежности и… любви.

Не такая ли противоречивость присутствовала и в отношениях между Сальвадором Дали и Гарсией Лорка? Они с легкостью причисляют своих друзей к гениям и готовы прислушаться ко всему, что говорят гениальные, пока не осознают себя столь же великими, или просто существующими где-то в иных мирах, а не для кого-то рядом с ними…

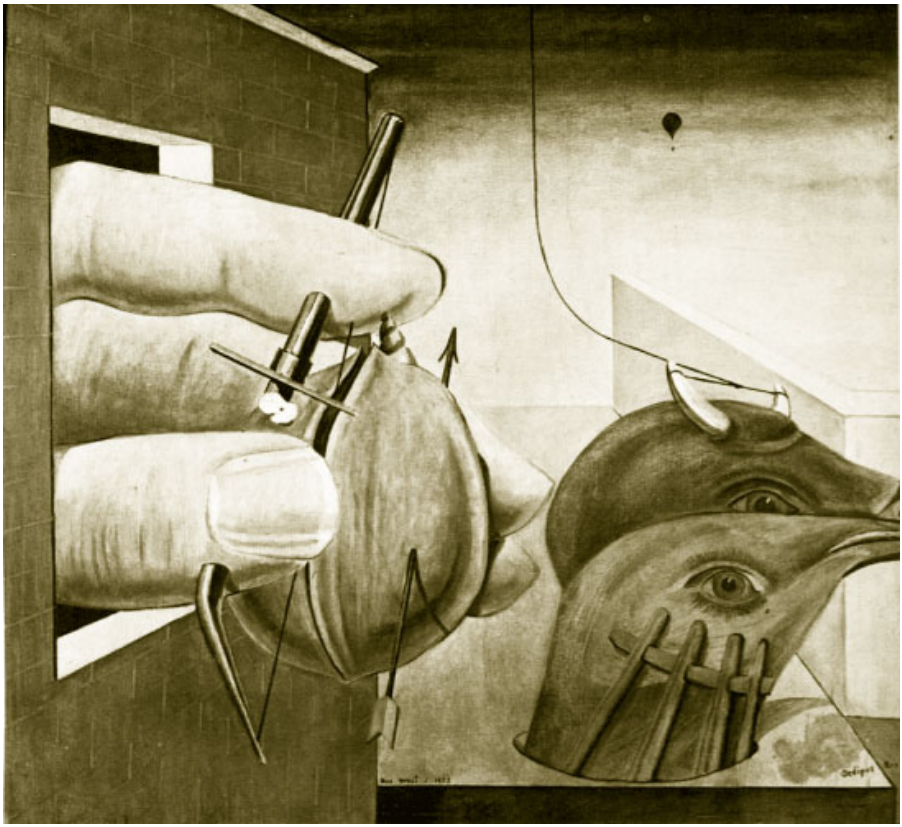
Элюары были одними из первых французов, убедившиеся воочию, что Макс Эрнст рисовать умеет и владеет кистью в совершенстве, а не только играет с клеем и ножницами.

Конечно, Поль Элюар — бунтарь, ведь он осмелился заниматься еще и поэзией, а не только бизнесом отца. И к тому же он тратит свои силы на глупые выходки, прославляя свою религию — дадаизм. Но Макс Эрнст оказывается еще большим бунтарем, он полон молчащих противоречий и похож на Дон Кихота в своем желании сражаться с действительностью. Картины, увиденные Полем в мастерской художника, вызывают еще большее восхищение, чем загадочные «почтовые открытки». Поль, словно любитель и коллекционер, приобретает одну из картин Эрнста. В его работах вряд ли просматривается чья-либо школа, Макс молод, талантлив от рождения. Не пройдя никаких классов живописи, он избежал ошибок: он хочет не повторять, но создавать. Правда, образы на его полотнах странны и непонятны и, возможно, возникают из подсознания. Фантастический и нереальный мир воплощается на картинах; кошмары, пришедшие из снов, оживают, подступают слишком близко… Странные существа, полулюди-полуживотные, жившие, возможно на заре человечества, во времена детства всего мироздания, будоражат воображение. Эти работы не совсем дада, ведь в них есть смысл и какое-то пророчество. Они шокируют и притягивают. Эрнст владеет даром переносить галлюцинации на холст, он поистине мастер сновидений.

Рандеву друзей. Художник Макс Эрнст

И вновь возникает ассоциация: Гала, присутствовавшая при рождении многих снов на полотнах Эрнста, не раз будет наблюдать, как совершенствуется в этом же (!) Сальвадор Дали. И не она ли впоследствии явилась инициатором, подсказав Дали верный способ «поймать сон за хвост», то есть проснуться среди ночи?

У Макса и Поля находится много общего: они оба ненавидят войну, оба знают о ней не понаслышке, оба стремятся к свободе в творчестве. Понадобилась всего неделя знакомства, чтобы они назвали себя братьями. Они любят жизнь и любят… женщину по имени Гала.



«Царь Эдип». 1922 г. Фантастический и нереальный мир воплощается на картинах Эрнста; кошмары, пришедшие из снов, оживают, подступают слишком близко…

Глава 10. Супруг в роли сводника, или Дикие игры в самоотречение

Тогда, как обсуждаются достоинства Макса Эрнста («Он гениален», — не перестает повторять Поль), о достоинствах его жены не вспоминает никто. Она, конечно, мила, но тиха по-домашнему, скромна и незаметна. Гала никогда не была серой мышкой, она легко может вызвать интерес у художника, ограниченного к тому же в дружеском общении. Гала приехала из Парижа — столицы искусств, она замужем за дада, она не такая, как все. Ей приятен Макс, его жена не вызывает в ней никакого видимого интереса, словно ее не существует вовсе.

Приятели развлекаются, насколько позволяют обстоятельства, они посещают театры, кафе, импровизированные вечеринки. Гала всегда с ними, всегда неотступна. На руках у Лу маленький ребенок, она словно щепка, выброшенная из лодки дадаизма. Друзья, воплощающие нежную и внимательную творческую троицу, не нуждаются в чьем-либо присутствии. Макс и Поль занимаются стихосложением; Гала — строгий цензор, помогающий отбирать коллажи Эрнста для книги Поля. И если Поль считает Макса братом, то тот в свою очередь назовет Гала сестрой. Но разве сестра может вызывать столько чувственности?

В Париже выходит книга Поля Элюара с картинками Эрнста, в томике есть стихотворение, посвященное тому, кому дают право верить в братство. Макс уже присматривается к Гала, ей нравится нравиться; флирт, — не более того. Еще ничего определенного, супруги Элюар возвращаются и долгое время проводят в Париже, прежде чем во второй раз приехать, чтоб встретиться с Максом. За это время происходит одно интересное событие, стоящее того, чтобы упомянуть о нем.

Гала приехала из Парижа — столицы искусств, она замужем за дада, она не такая, как все

Два друга, находясь в разных странах, решаются на эксперимент, они отправляют по почте одно и тоже стихотворение, всякий раз добавляя по строчке и при надобности внося изменения в предыдущий текст. Суть в том, чтобы никто из них не смог впоследствии оспорить авторство. Но присутствует в этом и иной смысл, который лежит в поле психологических отношений. Слиться друг с другом, соединиться, раствориться —

это ли не любовь? Конечно, ни о какой любви плотской речь вестись не может, но есть чувства сродни настоящей любви, и жаль, что в русском языке эти чувства никак не названы. К зарождению и проявлению этих взаимных флюидов причастна и Гала: она, если и не создает, то слушает и высказывает свое мнение по поводу того, что сочиняет муж. Она в курсе их отношений и симпатий.

Две семьи (Макс все еще с Лу) встречаются на Пасху, они проводят вместе непродолжительное время. Затем наступает лето, в июне выходит сборник «Несчастья бессмертных», написанный в добровольном содружестве; книга — не только свидетельство дружбы, но и своеобразный талисман их братских отношений. Радуясь такому взаимопониманию, две семьи решают провести лето вместе с друзьями. Они приезжают в Таренц, где должны были встретиться в первый раз, но тогда Эрнсты побывали там летом, а Элюары появились только в сентябре. Зато на Пасху друзья побывали там вместе. Теперь с ними Тристан Тцара и Ханс Арп со своими подругами Майей Крузец и Софи Тойбер.

С Эрнстами находится их маленький сын Джимми, а дочь Элюаров, как всегда, находится с любящей и заботливой бабушкой. Все друзья прекрасно устроены: кто снял домик, кто поселился в гостинице. Через несколько дней происходит событие, ставшее закономерным и роковым одновременно: Макс Эрнст один приезжает в дом Элюаров. На глазах изумленных свидетелей раскручивается роман. Спокойным во всей этой ситуации остается только Поль.

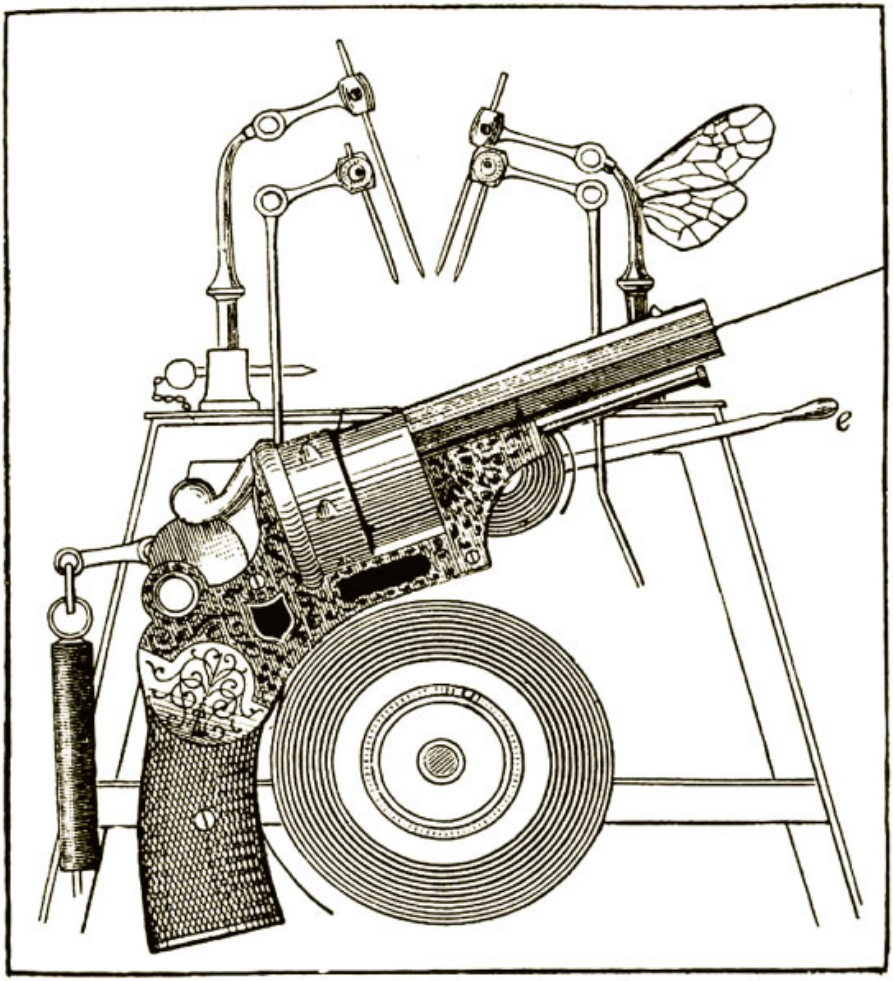


Иллюстрация Макса Эрнста к сборнику «Несчастья бессмертных», написанном в содружестве с Полем Элюаром. 1922 г.

Как свидетельствуют источники, Поль послужил причиной романа, а точнее — он сделал все, чтобы события развивались таким именно образом. Более того, все понимают: Поль одобряет связь своей жены с художником. Ему нравится видеть своего друга влюбленным, видимо, он хочет, чтобы друг чувствовал к Гала то же, что и он сам. Увидеть себя со стороны? Нет, скорее всего, фантасмагорическая троичность, приносящая, дающая любовь, кажется ему совершенством. Поэт, тонкая натура, еще не знает, как опасно играть в эти дегенеративные игры. Ведь не думает же он просто отказаться от своей женщины, отдать ее другому, нет! — он ожидает, что Гала полюбит Эрнста, разделив, а не забирая у мужа всю свою любовь. «Я люблю Макса Эрнста

намного больше, чем Гала», — выскажется как-то Поль. Но без Макса Поль сможет жить, а без Гала…

В некоторой степени влечение к триединству было схоже с теорией яблока: «Мы две половинки одного плода». Гала давно была частью самого Поля, чем-то сросшимся и надежным, но влекомый к непознанному, Поль принял свою наполненность за часть, и признал в Максе вторую половину.

Гала были известны все душевные порывы ее мужа, ведь она была допущена в святая святых — в творческий процесс. Поль поделился с ней мыслями о любви втроем и не единожды возвращался к этой теме. Таким образом, он получил то, что хотел: Гала в объятиях другого. Мы не станем обращаться к психоаналитикам, чтобы проанализировать поведение Поля и весь этот процесс. Если дада — вызов обществу, то почему он не может проявиться и в такой странной форме? Так что же это на самом деле: дада проявляющийся через игру в самоотречение или латентный гомосексуализм, дающий право подложить вместо себя свою женщину?

Гала Элюар. Художник Макс Эрнст

Глава 11. Странный союз двух мужчин и одной женщины

Изучая возникновение и становление того или иного течения в искусстве, воистину можно воскликнуть: «Здесь нахожу я только историю человеческих сердец!». А ведь действительно, можно сказать, что в мире существует только одна история — история человеческих сердец.

Гала смотрит на любовь втроем с ужасом, для нее, любящей любовь, но в рамках уютной семейной жизни, где царствует покой близких душ, теперь настал период кризиса. Душевный покой потерян, если кто и осуждает ее, то не… муж. Ведь это он создал все условия для возникновения этого странного брака двух мужчин и одной женщины. Гала все чаще нервничает, вспыльчивость и раздражительность рвутся наружу. Но Гала не настойчива, она просто растеряна и потому начинает понемногу привыкать к тому, что происходит с ней. И если бы она решилась вдруг защитить свою честь в суде, то наверняка получила бы оправдание всем своим действиям. «Виновен», — сказал бы судья, показав пальцем на Поля. Но прежде он припомнил бы этому странному муженьку эпизод с паспортом.

…Каникулы закончены. Макс Эрнст вместе с женой и маленьким сыном едут в Кёльн. Элюары держат путь в Париж. Макс невыездной, ему запрещено покидать пределы родины. Тогда Поль, зная о страстном желании друга приехать во Францию, оставляет ему свой паспорт. Он заранее объявил о потере документа и сумел получить в консульстве дубликат. Не кажется ли это слишком символичным: муж разрешает любовнику жены существовать под своим именем?! Перевоплотившись в Элюара, Макс Эрнст приезжает в Париж, чтобы воссоединиться с ожидающими его супругами.

Воздушная женщина на звездном небе. Коллаж Поля Элюара

Так суждено было сложиться обстоятельствам, что любовь втроем расцвела и восторжествовала, но не в Париже, а в пригороде, где поселились Элюары. Сен-Брис-су-Форе — небольшая, уютная деревенька, где ничто не могло нарушить покой влюбленных. Были периоды, когда Гала открыто игнорировала… Поля, но чаще все складывалось идиллично. Поль по-прежнему ездил в Париж на работу, его жене оставалось одно занятие — развлекать гостя. Не воспитывать же ей богу, дочь, к которой она не чувствовала никакого влечения (материнские чувства по отношению к Сесиль не проявятся у Гала даже в преклонном возрасте)! Через короткое время Эрнсту удается получить место шлифовщика стеклянных камней на маленькой фабрике. Теперь Гала ожидает к ужину двух мужчин, с которыми делит одну постель, и часто это постель на троих.

Документы Макса выправлены, молодые дадаисты встречаются в небольших уютных кафе; им весело вместе, они обсуждают новые проекты, делятся планами, читают стихи, говорят о картинах и книгах. Изредка среди них появляется Гала, выбравшаяся в Париж побродить по магазинам. Она не только немногословна в компании, она попросту молчунья, но ее присутствие все равно нежелательно: друзья Поля и Макса откровенно недолюбливают Гала. Они жалеют Поля, но стараются не вмешиваться. Один из дадаистов — молодой писатель из состоятельного буржуазного семейства Филипп Супо и вовсе ненавидит эту странную черноглазую женщину. Он остро ощущает, как в душе его друга Поля постепенно нарастает

отчаяние.

Но кто может разобраться в душе самой Гала? Разве есть у нее подруга, с которой она могла бы поделиться своими мыслями, разве есть у нее рядом мать или сестра? Нет, с ней рядом только самый близкий человек. Это Поль. Поль, который души не чает в Максе, Поль, который все еще безумно любит ее.

Автопортрет. Художник Макс Эрнст. 1909 г.

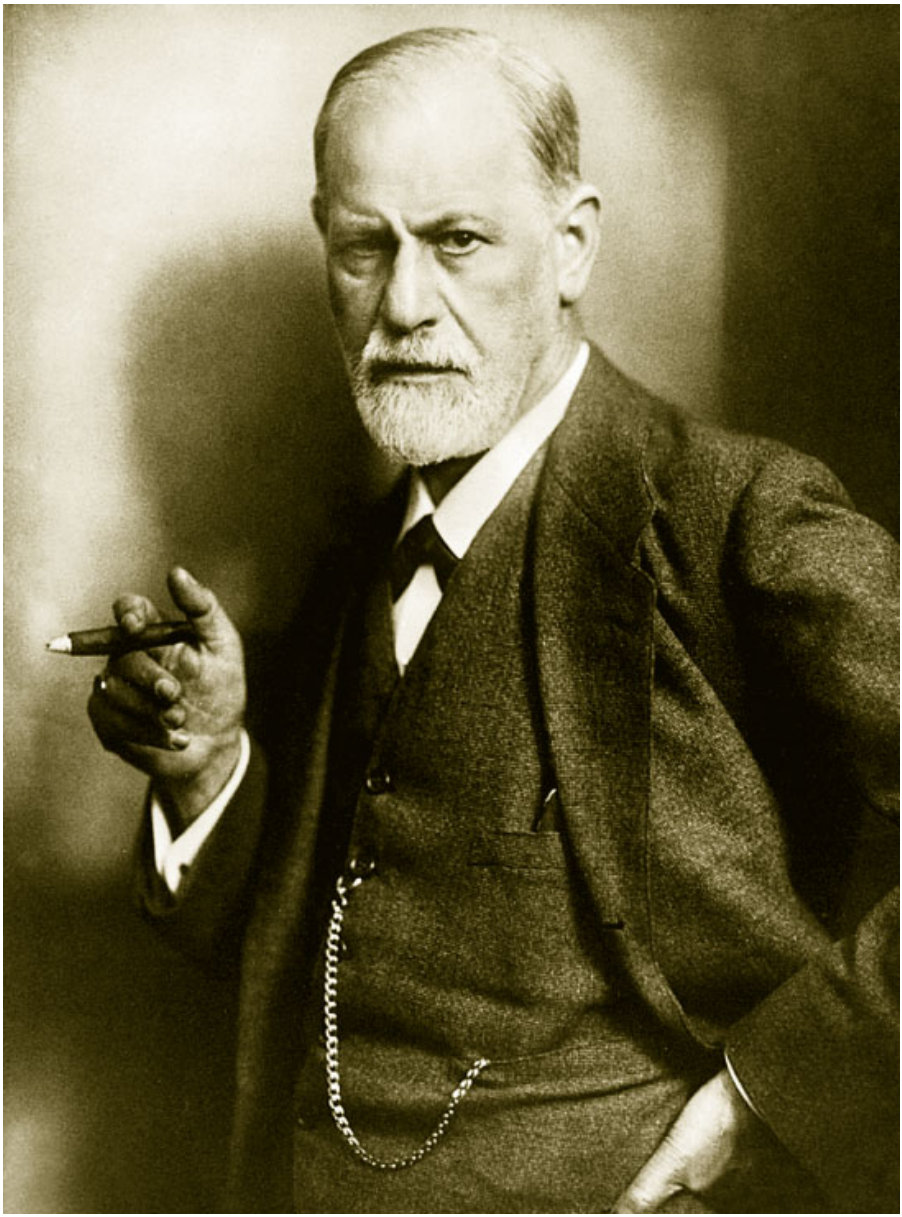
Сердце человеческое с наибольшей полнотой проявляется в любви, а любовь человека наибольшее проявление получает в творчестве.

И если Поль Элюар благодаря Гала развил талант поэта, то можно сказать, и Макс Эрнст во время связи с Гала наиболее проявил свой талант, создав определенный, узнаваемый стиль. Все, что пишет художник в 1923–1924 годах, появляется на одном дыхании. Его творческая энергия неисчерпаема. Он создает множество картин, он рисует везде и на всем, и вскоре весь дом в Обоне, куда переехали Элюары, превращается не в мастерскую, а в бесконечную картину Эрнста. Часто на холстах изображена женщина, слишком похожая на Гала, чтобы не быть ею, через тело женщины видно пространство: пейзаж, цветы, пляшущие человечки. Если Элюару Гала закрыла мир собой, то для Макса ее образ — это дорога в мир иной — в мир фантазий и иллюзий, похожих на сон.

В это время среди дадаистов распространилась игра в «плодовитые сны». Игроки соблюдали ряд незамысловатых, но странных правил: следовало собраться за одним столом и путем гипноза ввести одного желающего в состояние полусна. Дремлющий должен был отвечать на заданные вопросы. Часто играющие находили, что ответы символичны и философичны. Даже в прямом несоответствии вопросу ответ наполнялся потаенным смыслом. Недаром многие тогда увлеклись новомодными теориями Фрейда; подсознательное приобретало больше смысла, чем реальная жизнь.

Подсознательное оживало на картинах Макса, но наибольшее воплощение получило оно, как уже говорилось, в работах Дали. Недаром каталонец научился вскакивать среди ночи, чтобы запечатлеть обрывки снов.

Поль, побывавший в роли сводника и наблюдателя, все чаще чувствует себя изгнанником. Он не хочет видеть свою жену счастливой рядом с другим. Да и дом в Обоне (кукольный домик, купленный Гренделем-старшим для сына в надежде, что их наконец-то покинет немецкий нахлебник, открыто живущий с невесткой) становится больше домом художника, чем пристанищем поэта. Здесь все: стены, двери и даже потолок представляет собой сплошную картину. Безумные воплощения художника пугают редких гостей, они не понимают диких нагромождений, марсианских пейзажей, фантастических существ, изображенных вокруг. Поль и Гала живут в обстановке, напоминающей кошмарный сон.



Зигмунд Фрейд, новомодными теориями которого увлеклись многие творческие люди

Несмотря на внутренние переживания, Поль по-прежнему верит в талант и необычность Эрнста. Те, кто считает, что такие работы может написать только сумасшедший, по-своему правы. Интересно, как реагировал всегда безупречно милый и доброжелательный Поль на бесчисленные портреты своей жены, исполненные рукою Макса, где Гала выглядела то как галактическая вамп, то как труп со вспоротым животом, то как

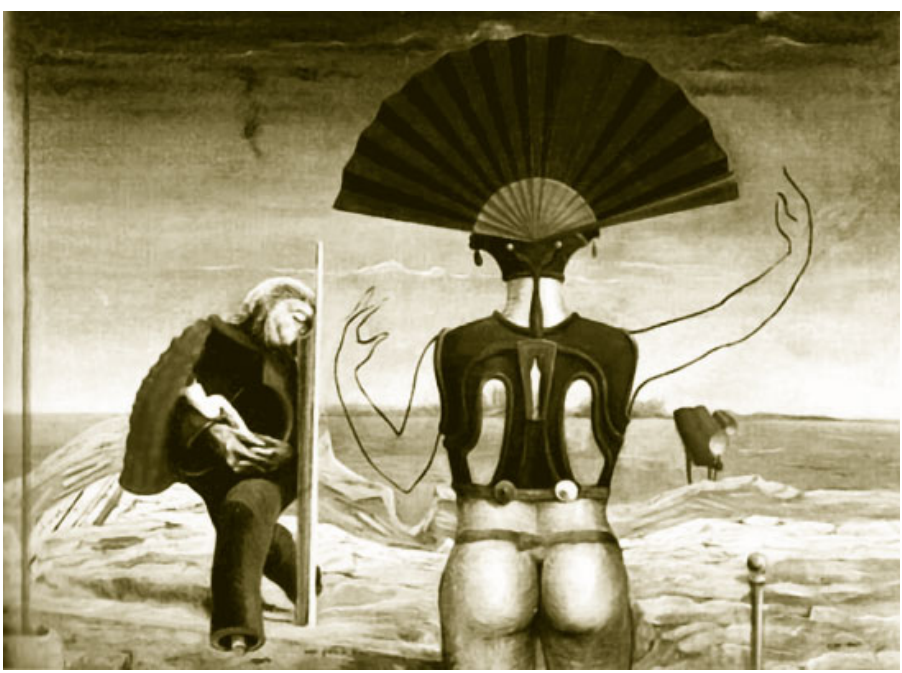
безликое, облепленное насекомыми существо? Разве такой — красноволосой и с безумным взглядом — представлялась ему его любимая женщина? Или вот такой: с обнаженной грудью и завязанными глазами, обвивающая синюю лиану женщина-лиана с пауком в руке?

Недаром у Андре Бретона, приехавшего как-то в Обон, вырвался крик ужаса при виде всех этих фантазмов.

Поль впервые такой долгий период пребывает в грусти; он мало пишет. В его стихах — тишина и беспомощность.

Я не двигаюсь,
Я на них не гляжу,
Не говорю им ни слова,
И все-таки я живой,
Потому что моя любовь
И отчаянье живы, —

пишет он тогда же в поэме «Обнаженность правды». Он обнажает свои чувства перед любимой, он хочет сказать, как ему горько и больно. Гала как всегда молчит. Она не сделает шаг навстречу. Она все еще выжидает: что будет дальше; кому все же принадлежит большая часть ее сердца?



Женщина, старик и цветок. Художник Макс Эрнст. 1922–1923 гг.

Любовь втроем, прервавшись на время отчаянного бегства Поля в экзотические страны, возобновится вновь. И вновь потянутся дни стыда, боли и разочарования, пока не будет прерван этот порочный круг. Настанет время, и Гала вновь будет принадлежать только Полю. Но опыт, приобретенный благодаря попустительству любящего, не будет забыт. Скорее всего Гала расценила сексуальную прихоть Поля как подталкивание к пропасти: из любви — в нелюбовь, из верности — в предательство. Есть натуры, которые прощают ошибки, но не прощают предательства. Гала из тех, кому проще забыть, начать все с нуля; только так можно сохранить уважение к себе самой. Черта, характерная многим загадочным русским женщинам — отомстить предательству забытьем.

Гала из тех, кому проще забыть, начать все с нуля; только так можно сохранить уважение к себе самой

Глава 12. «Любовь, о моя любовь, я дал обет тебя утратить…»

Самые прекрасные молодые годы Гала пришлись на время становления дадаизма. Время сюрреализма, повлекшее за собой плавное перетекание «дада» в «сюр», будет иметь непредсказуемые последствия в жизни этой странной женщины.

Название сюрреализм появилось значительно ранее самого направления. Автором этого слова, ныне обозначающего программную эстетическую концепцию целого направления в искусстве и литературе, был французский поэт Гийом Аполлинер. Теоретическое обоснование движения принадлежит его безусловному идеологу — французскому поэту и психиатру Андре Бретону. В октябре 1924 года появляется его «Манифест сюрреализма». Приведем полностью обозначение этого термина, чтобы ясней представлять жизнь и творчество последователей этого нового «изма», и его главного, наиболее яркого представителя Сальвадора Дали.

«Сюрреализм, — писал Бретон в «Манифесте», — представляет собой чистый психологический автоматизм, с помощью которого словами, рисунком, либо иным каким способом делается попытка выразить действительное движение мысли. Это запись мышления, которое совершается без всякого контроля и со стороны разума и по ту сторону каких-либо эстетических или моральных соображений. Сюрреализм основан на вере в высшую реальность определенных, до этого игнорировавшихся форм ассоциаций, во всемогущество сна, в нецеленаправленную игру мышления. Его цель — окончательное уничтожение всех других психологических механизмов, для того, чтобы на их место поставить решение важнейших проблем жизни».

Термин «сюрреализм» принадлежит Гийому Аполлинеру

Бретон берет на себя смелость перечислить и тех, кого он относит к настоящим сюрреалистам. В списке — Арагон, Бретон, Деснос, Кревель, Навиль, Ноль, Пере, Супо, Элюар и некоторые другие. Поэты основали «Бюро сюрреалистических исследований», они издают журнал с претенциозным названием «Сюрреалистическая революция». Огромное влияние на все эти перемены по-прежнему оказывает австрийский психиатр Зигмунд Фрейд. В основе его теории лежит психоанализ, в котором психика подчинена особым и непознаваемым силам, находящимся за пределами сознания. Фрейд утверждал, что на сознательную, реальную жизнь человека влияет бессознательное, именно оно является глубинным фундаментом психики. Согласно теории, вся внутренняя сущность любого человека, все, чего он стоит, проявляется через бессознательное в искусстве и сновидениях.

По сравнению с сюрреализмом дадаизм — бунт детей против мирового порядка, каприз, который не может обосновать свою позицию. Сюрреалисты, рисуя устрашающие картины будущего,

апокалипсис всего мира и вселенной, тем самым пытались предотвратить неизбежное. Дадаисты показывали смешные и нелепые стороны людей, сюрреалисты же старались обострить чувства зрителей до предела и тем самым вызвать обратную реакцию: чувства человеческого в человеке. Сюрреализм отрицал пассивную позицию.

Весной 1925 года, во времена зарождения и прорастания нового движения — сюрреализма — в Париже выходит маленький сборник стихов «Вместо молчания» со стихами Поля Элюара и рисунками Макса Эрнста. Уже прошло то время, когда Гала одаривала Макса любовью, но дружба двух творцов продолжалась. Книга вышла анонимно, но была вся посвящена загадке женщины, которая представлялась то демоном, то обольстительницей, то колдуньей. Видимо, ангелом в умах этих творцов ей не суждено быть.

Андре Бретон

«Любовь, о моя любовь, я дал обет тебя утратить», — прозвучало в одном из стихотворений этой книжки. Поэт, конечно же, предчувствовал утрату. Но желал ли он ее так скоро? Элюар, ставший наравне с другими поэтом-сюрреалистом, много времени отдает сочинительству, изменяются ритм и тематика его поэзии. Гала все чаще скучает, рутина убивает ее мятущуюся душу. После бурных месяцев любви, горения, страданий и счастья она вновь

превратилась в маленькую женушку. Но эта роль никогда не вызывала в ней вдохновенья. И она начинает искать новых впечатлений. Тем более что муж не скрывает от нее своих любовных похождений в поисках вдохновения. Они по-прежнему близки, но одному Богу известно, что творится в душе Гала.

№ 2 — Première année — 15 Janvier 1925

LA RÉVOLUTION SURRÉALISTE

ART FRANÇAIS — DÉBUT DU XXe SIÈCLE

SOMMAIRE

LA DERNIÈRE GRÈVE : André Breton.
Textes surréalistes :
Georges Bessière, Pierre Naville, Paul Eluard, Antonin Artaud.
ENQUÊTE SUR LE SUICIDE :
Francis Jammes, Pierre Reverdy, Michel Corday, Victor Margueritte, Monsieur Teste, etc.
Le sanglant symbole : Jacques Vaché.
Chroniques :
Sûreté générale : Antonin Artaud.
La mort : Robert Desnos.
Sciences morales : Louis Aragon.
La vie : André Breton.
Le sommeil : René Crevel.
Le plaisir : Francis Gérard.
Le pays de mes rêves : Michel Leiris.
Communisme et révolution : Louis Aragon.
Illustrations : Photos Man Ray.
Pablo Picasso, G. de Chirico, Robert Desnos, Man Ray, Pierre Naville, Oscar Kokoschka, André Masson, Max Ernst, Jacques Vaché, Georges Bessière, Dédé Sunbeam.

ABONNEMENT, les 12 Numéros : France : 45 francs Etranger : 55 francs

Dépositaire général : Librairie GALLIMARD 15, Boulevard Raspail, 15 PARIS (VII')

LE NUMÉRO : France : 4 francs Étranger : 5 francs

Журнал «Сюрреалистическая революция»

Глава 13. Лето в Каталонии, или Юноша дик, пуглив, неотесан…

Поль, ведущий после смерти отца в 1927 году богемный образ жизни, посещает то рестораны, то мастерские художников. Он и его жена — прекрасные коллекционеры. В последнее время они разъезжают по миру в одиночку. На сей раз отсутствовала Гала. Поль отправился провести вечер в модный ресторан «Тобарэн». Здесь ему был представлен некий загадочный молодой человек с тонкими, словно проведенными карандашом, усиками. Этот испанский художник напоминал дикого кота не только внешне. Он был внутренне сжат и насторожен, в некоторые моменты он казался слишком напуганным. Поля тронуло и озадачило поведение незнакомца. Но, тем не менее, он с охотой согласился провести некоторое время в Кадакесе — небольшом каталонском рыбацком поселке, где жил и работал молодой художник. Элюару удалось уговорить Гала поехать в Испанию. Вместе с ними дальнее и веселое путешествие предприняли их бесшабашные друзья-товарищи. Средиземноморское солнце предвещало иссушающую жару, и Гала никак не предполагала, что в первую очередь это жгучее солнце, спустившись на землю в образе дикого кота, опалит дыханием именно ее сердце. Она просто бежала в новое путешествие, как бежала до этого в другие, словно надеялась убежать от себя. «Нам понравится все, что ты будешь делать, — в любом случае», — написал Элюар своей жене перед самым отъездом в Испанию. Он вновь благословил ее на… свободу.

Каталония сразу же не понравилась разбалованной Гала, она любит мягкий климат. А этот край выглядит будничным и суровым, в нем нет видимого изящества. Культурный и цивилизованный Париж остался позади, а она — верная дочь хорошего общества — оказалась в первобытной пещере. Долгое время ее тяготит все: море, поселок, солнце и… Сальвадор. Этот юноша совершенно не в ее вкусе, он дик, пуглив, неотесан, он слишком странный. Но его работы напоминают ей полотна Макса Эрнста, на них тоже изображены навязчивые фантазмы художника. Да и выглядел каталонский художник, которого звали Сальвадором Дали, не лучшим образом: худой, черный от загара, в шелковой рубашке с жабо и узких брюках, с бусами на тонкой шее. Он, безусловно, вызывал смех. Но то, что было в нем смешным, со временем станет его гениальной узнаваемой оболочкой. Он понимал, какое впечатление производит на

окружающих, но даже будучи дико стеснительным, не желал ничего изменить в своем имидже. Гала, научившаяся быть снисходительной, не станет навязывать ему свой вкус утонченной светской женщины. И тем самым поможет ему обрести уверенность. Вот он — верный путь оценить талант и помочь сделаться ему истинным гением.

Сальвадор Дали

Очень скоро Гала понимает: как дорог каталонцу его край; он

с восторгом показывает приехавшим природу окрестных мест, с восхищением рассказывает о море и скалах. Он обожает уютные бухточки. Сальвадор живет у родителей, в доме, который расположен за деревней. Его отец тоже родом из этих мест, он служит нотариусом в Фигерасе. В этом городке родился и учился Сальвадор. Исследователи его жизни и творчества характеризуют Дали, как скрытного своенравного ученика, папенькиного сынка, бесконечного фантазера шалостей. Мальчик рос в лучах любви: отец его добр, как и средиземноморское солнце. Мать Сальвадора, которую он безумно обожал и боготворил, умерла от рака в 1921 году.

В книге «Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим», в футуристическом дневнике воплощенного гения, мы прочтем строки, относящиеся к этому скорбному событию. Также следует не забывать, что и его возлюбленная Гала в свое время находилась в подобном состоянии, когда приходилось бороться за жизнь, препятствуя смерти, уповая на молодость и благосклонность судьбы. Возможно, именно это — долгое нахождение некогда на краю гибели — и сделало женщину малочувствительной к катаклизмам истории, к войнам и революциям, проходившим в Европе, к тому, то могло и что случилось с ее родными в России.

Кадакес

«Моя жизнь, в постоянной борьбе за утверждение личности,

была в каждый миг новеллой о победе моего «Я» над смертью, тогда как в своем окружении я видел только сплошной компромисс с этой смертью. Я же отказывался вступать с ней в сговор.

Смерть моей матери, в том же году, была для меня самой большой из потерь. Я обожал ее. Для меня она — единственная и неповторимая. Я знал, что ее золотая, ее святая душа настолько выше всего самого человечного, и не мог смириться с утратой существа, на которое бессознательно рассчитывал невидимыми изъянами своей души. Она была так добра, что я думал: «Этого хватит и на меня». Она любила меня всепоглощающей и возвышенной любовью — а значит, не могла заблуждаться. Даже мои злые выходки должны быть чем-то чудесным! Ее смерть показалась мне насмешкой Судьбы. Невозможно, чтобы такое произошло с ней или со мной. Мстительное чувство наполняло мое сердце. Стиснув зубы, я поклялся, что вырву мать у смерти и судьбы, даже если потребуются для этого снопы света, которые в один прекрасный день дико засверкают вокруг моего прославленного имени!»

Юноша пережил травму, его отец женился вторично на младшей сестре матери Сальвадора и Анны Марии. Молодой Дали, как истинный максималист, счел это предательством. В его душе все перевернулось. Он не может ни говорить, ни вспоминать о смерти любимого человека. Но его желание видеть возле себя мать, чувствовать именно материнскую любовь материализуется, когда он познакомится с Гала. Любовь Дали к ней будет троякой; Гала воплотит в себе тройной образ: мать, девочку из детских снов и самое себя.

Порт Альгер. Художник Сальвадор Дали, ок.1923 г.

Глава 14. Двадцать пять — число любви к русской женщине… девочке в шубке…

Когда Сальвадор встретил женщину своей мечты, ему было двадцать пять лет. Гала в это время исполнилось тридцать пять. Несмотря на возраст, Дали еще не знал женщин, он был девственником. Сам художник не скрывал, что в то время думал о себе как об импотенте, о человеке, не способном на нормальный секс с представителем противоположного пола. Но и неестественного влечения к своему полу он никогда не испытывал.

Их встреча разбудила в нем физическое влечение. Он без устали разглядывал, будто изучал ее фигуру. Она напомнила ему девочку, которую он любил в детстве. Это видение очаровывает и возбуждает. Благодаря этим фантазмам Дали верит, что Гала предначертана ему судьбой. Он, как и Гала, фаталист и готов во всем видеть проявление высших сил. У Гала великолепная фигура: маленькие ягодицы, стройные ноги, узкие плечи и осиная талия. И вообще, она умеет подать себя. Ее обнаженная спина сводит Дали с ума. «Углубление спины было крайне женственным и грациозно соединяло сильный и гордый торс с очень изящными ягодицами, которые осиная талия делала еще более желанными», — писал позднее Дали, вспоминая те благословенные деньки. Еще не раз вернется он к образу Гала первых встреч в своей книге «Тайная жизнь Сальвадора Дали».

Разница в возрасте, этот контраст совсем не смущает Дали, хотя бросается в глаза остальным. Он, опаленный каталонским солнцем, выглядит моложе своих двадцати пяти. Гала — зрелая женщина в цвете лет. У нее светло-матовый цвет кожи и суровое выражение глаз. Они часто прогуливаются вместе, одни в пустынной местности; вокруг скалы и море. Для тех, кто впервые видит эту парочку, Гала может показаться молодой матерью рядом со взрослым сыном. Это сравнение, выскажи кто его прямо в лицо Сальвадору, нисколько не оскорбило бы его слух. Наоборот, Дали мечтает иметь мать, эта мысль сидит глубоко в подсознании. Да, она, эта русская женщина, эта девочка в шубке, что катится со снежной горки — словно наваждение детских снов — уже рядом и ведет себя, как мать, всячески подчеркивая свое превосходство в житейских делах и вопросах. Со временем она станет не только необходимой, но и незаменимой.

Ее обнаженная спина сводит Дали с ума…

Двадцать пять… казалось бы, Дали с его темпераментом и мощью, с его жаждой познать все новое, должен был если не любить, то хотя бы иметь опыт отношений с девушками. Но он ждал и верил, что настанет время и он обязательно встретит одну-единственную достойную его и нужную ему женщину. В связи с этим вспомнилась еще одна история любви, начавшаяся в… двадцать пять лет. Что еще лишний раз подтверждает истину: нет истории как таковой, есть только история человеческих сердец, оказавшая влияние на развитие искусств, ремесел и человечества в целом.

«В сопоставлении с ее душой все высшее в поэзии,

философии и искусстве кажется тривиальным», — написал английский философ Джон Стюарт Милль о женщине, с которой познакомился, когда ему было двадцать пять.

«Мне видятся двое рыцарей. Один из них наг, второй тоже голый. Каждый из них вот-вот готов пуститься в путь по одной из двух совершенно симметричных улиц и их кони, одинаково подняв одну ногу, уже устремились вперед. Но одна из улиц залита холодным безжалостным светом объективности, вторая же заполнена ясным, словно на свадебных торжествах рафаэловской мадонны, прозрачным воздухом, который обретает вдали безупречную чистоту кристалла. Внезапно одну из улиц заволакивает непроницаемый туман, он все густеет, превращаясь в какую-то непроходимую свинцовую тучу. Оба рыцаря — это два Дали. Один из них принадлежит Гала, другой — тот, каким бы он был, если бы никогда ее не встретил». Эти слова взяты из книги Сальвадора Дали «Дневник одного гения». Он всю жизнь, с первой минуты, любил Гала настолько, что ни перед кем не боялся выглядеть смешным или чересчур восторженным.

Она, эта русская женщина, эта девочка в шубке уже рядом, и ведет себя, как мать

Те же равнозначные чувства испытывал и упомянутый здесь английский философ Д.С. Милль.

В двадцать пять он тоже познакомился с замужней женщиной, женой его друга детства, мистера Тейлора. Он долгое время поддерживал с ней возвышенные, интеллектуальные отношения, и, читая свои черновики, желал услышать ее мнение. Джон Стюарт верил, что его возлюбленная могла бы стать одним из ведущих членов общества, поводырем общественного мнения, если бы в то время женщинам был открыт свободный доступ к общественной жизни. Он подтверждает эту мысль в своей «Автобиографии»: «В высших сферах умозрения так же, как в мельчайших деталях повседневной жизни, она всегда умела схватывать самую суть явления…». Когда Тейлор, муж его любимой умер, они поженились и жили замкнуто и уединенно. Она умерла через семь лет счастливой семейной жизни. «Отныне, — написал Милль знакомым, — жизнь моя подточена в самом корне».

И если Сальвадор Дали вряд ли бы подписался под цитируемыми рассуждениями о душевном складе и уме возлюбленной Милля, то под последней цитатой он — даже если б не умел писать — поставил отпечаток своего пальца, смочив тот в капле собственной крови…

Английский философ Д.С. Милль

Глава 15. Фобии детства и лозунг: «Лень не породит шедевра!»

Кто же такой этот странный Сальвадор Дали? Как прошло его детство; какой отпечаток наложило оно на его душу? И кто же все-таки учил рисовать этого непонятного, взбалмошного мальчика? Разве вокруг него живут столь одаренные люди, что рождение гения для них привычное дело? Почему юноша, занятый живописью, не обращает внимания на молоденьких девушек, расцветающих в этом ярком, контрастном краю? Какие чувства зрели в самом Дали до того, как он встретил Гала? Постараемся постепенно разобраться и ответить на поставленные вопросы.

В своей семье маленький Дали — центр вселенной, отец и мать в нем души не чают. У него есть младшая сестра Анна Мария, которая станет его первой и верной натурщицей, его личной моделью. Малыш слишком эксцентричен, он шокирует близких непонятными выходками — так ему легче привлечь внимание. Он хочет отвлечь отца и мать от мыслей об умершем брате. Он, живой Сальвадор Дали, совсем не такой, как тот, что умер за девять месяцев до его рождения. Его брат (по одним сведениям, тому было семь лет, по другим — два с половиной года) ушел в мир иной, а родители никак не могут смириться с этой мыслью и все высматривают в мальчике следы того, ушедшего. На Сальвадоре лежит комплекс вины, с первых минут после рождения он вынужден доказывать всему миру свою индивидуальность.

Благодаря обожанию близких, Дали и в самом деле начинает чувствовать себя маленьким самодержцем. Он любит играть в короля. Нацепив на себя самодельную корону и карнавальный костюм, он расхаживает по дому и отдает приказания. К его словам прислушиваются, его поступки одобряют.

В своей семье маленький Дали — центр вселенной, отец и мать в нем души не чают

Нам рассказывают такую историю. В детстве Дали был сообразительным, но заносчивым и неуправляемым ребенком. Однажды он затеял скандал на торговой площади ради леденца, вокруг собралась большая толпа любопытных и сочувствующих, и полицейские попросили хозяина лавки открыть ее во время сиесты и подарить-таки капризному, непослушному мальчику леденец. Дали всегда добивался своего капризами и симуляцией, всегда стремился выделиться и привлечь к себе внимание. Многие считали эти черты характера Сальвадора неприятными, несносными, ненужными, пока в дело не вмешалась Гала, превратив эти недостатки в достоинства уникальной

взбалмошной натуры.

Будучи уже истинно знаменитым, художник напишет несколько книг, предельно откровенно признаваясь в своих претензиях к миру, своих слабостях, фобиях и ожиданиях. В его книге (или все же дневнике?) «Тайная жизнь Сальвадора Дали» в главе «Истинные воспоминания детства» описывается следующее:

«Закрываю глаза и ищу в своей памяти то, что явится мне произвольно и зримо. Вижу два кипариса, два больших кипариса, почти одного роста. Тот, что слева, все же чуть пониже, и клонится верхушкой к другому, который, наоборот, высится прямо, как латинское «i». Я смотрю на них в окно первого класса школы Братьев в Фигерасе — этап, следующий за пагубными педагогическими опытами г-на Траитера. Окно, обрамляющее эту картину, открывалось только после обеда, но с этой минуты целиком поглощало мое внимание. Я следил за игрой тени и света на двух деревьях: перед самым заходом солнца острая верхушка правого кипариса темно-красная, как будто ее залили вином, а левый уже в тени и весь как черная масса. Звенел колокол Анжелюса — и весь класс стоя хором повторил молитву, которую наизусть читал тихим голосом Старший брат, сложив руки перед грудью. Кипарисы таяли в вечереющем небе подобно восковым свечам — и это было единственное, что давало мне представление о течении времени, прошедшего в классе. Если у г-на Траитера я то и дело отсутствовал, то в новом классе — в том-то и заключалась разница — мне надо было бороться с доброй волей Братьев, усердно, а порой и жестоко пытавшихся научить меня прилежанию. Но я не желал, чтобы меня трогали, чтобы со мной говорили, чтобы «беспокоили» то, что творилось во мне. Я продолжал витать в облаках, как и у г-на Траитера, и, догадываясь, что моим грезам грозит опасность, все больше цеплялся за них, как за спасательный круг. Вскоре кипарисы совсем растворялись в вечерних сумерках, но и тогда, когда исчезали их очертания, я продолжал смотреть туда, где они стояли. Справа в коридоре, ведущем в класс, зажигали свет, и сквозь стеклянную дверь мне были видны написанные маслом картины, висящие на стенах. Со своего места я видел только две картины: одна изображала голову лисы, вылезающей из норы и держащей в пасти дохлого гуся, другая была копией «Анжелюса» Милле.

Портрет сестры. Художник Сальвадор Дали. 1925 г.

Эта картина вызывала во мне беспричинный страх, такой пронзительный, что воспоминание о двух неподвижных силуэтах сопровождало меня в течение многих лет, вызывая одно и то же чувство подавленности и тревоги. Это тянулось до 1929 года, когда картина исчезла из моей памяти. Тогда же я нашел другую репродукцию и был заново охвачен подобной тревогой.

Изображение снова навязчиво преследовало меня, и я стал записывать психологические явления, которые следовали за его восприятием, затем вдохновляясь на свои поэмы, картины, композиции. Наконец я написал эссе, которому еще предстоит выйти в свет: «Трагический миф «Анжелюса» Милле», который я считаю одним из главных документов далинийской философии.

«Анжелюс» вызывал у меня тревогу и одновременно скрытое наслаждение, которое проникало мне куда-то под кожу, как серебристое лезвие ножа. Долгими зимними вечерами, когда я ждал нежного звонка колокольчика, извещавшего о конце уроков, мое воображение постоянно охраняли пять преданных стражей, могучих и величественных: слева от меня два кипариса, справа — два силуэта «Анжелюса», а передо мной — Бог в лице молодого Христа, пригвожденного к кресту из черного дерева, стоявшего на столе Брата. У Спасителя на коленях было два страшных рубца, прекрасно инкрустированных блестящей эмалью, которая позволяла увидеть кость под кожей. Ноги Христа были грязные, противного серого цвета: ежедневно каждый из нас перед уходом целовал волосатую руку Старшего, а затем должен был обязательно коснуться черными от чернил пальцами раненых ног Распятого».

Портрет моего умершего брата. Художник Сальвадор Дали. 1963 г.

Если эти воспоминания (а подобных откровений мы обнаруживаем сотни страниц в книгах Дали) искренни, то теперь нам понятны и образы, появившиеся на полотнах художника в зрелом возрасте. Они — не только его фантазмы, не только его воплощенные сны, но фобии и воспоминания.

Однажды родители Сальвадора привезли сына погостить к своим друзьям Питхотам; в их летнем имении, находящемся недалеко от Фигераса, мальчик впервые увидел картины, написанные художником-импрессионистом Рамоном Питхотом. Работы так потрясли Сальвадора, что он тоже решил заняться рисованием. Теперь для него не существовало более важного дела, чем упражнений в рисовании. В округе начинают говорить, что малыш Дали пишет красками с колыбели. Как и Макс Эрнст, Дали не получил специального образования, но он талантлив и развивает свои способности каждодневным упорным трудом. В

доме отца у него появилась отдельная комната, которую с правом можно назвать мастерской. В то время, когда в ней работает Сальвадор, никто не смеет заходить туда.

Проучившись недолгое время в Мадридской академии искусств Сан-Фернандо, Дали решил забросить академическое учение раз и навсегда и совершенствоваться самостоятельно. По правде сказать, юношу просто выгнали из высшей школы за скверный характер, неповиновение и отрицание авторитетов.

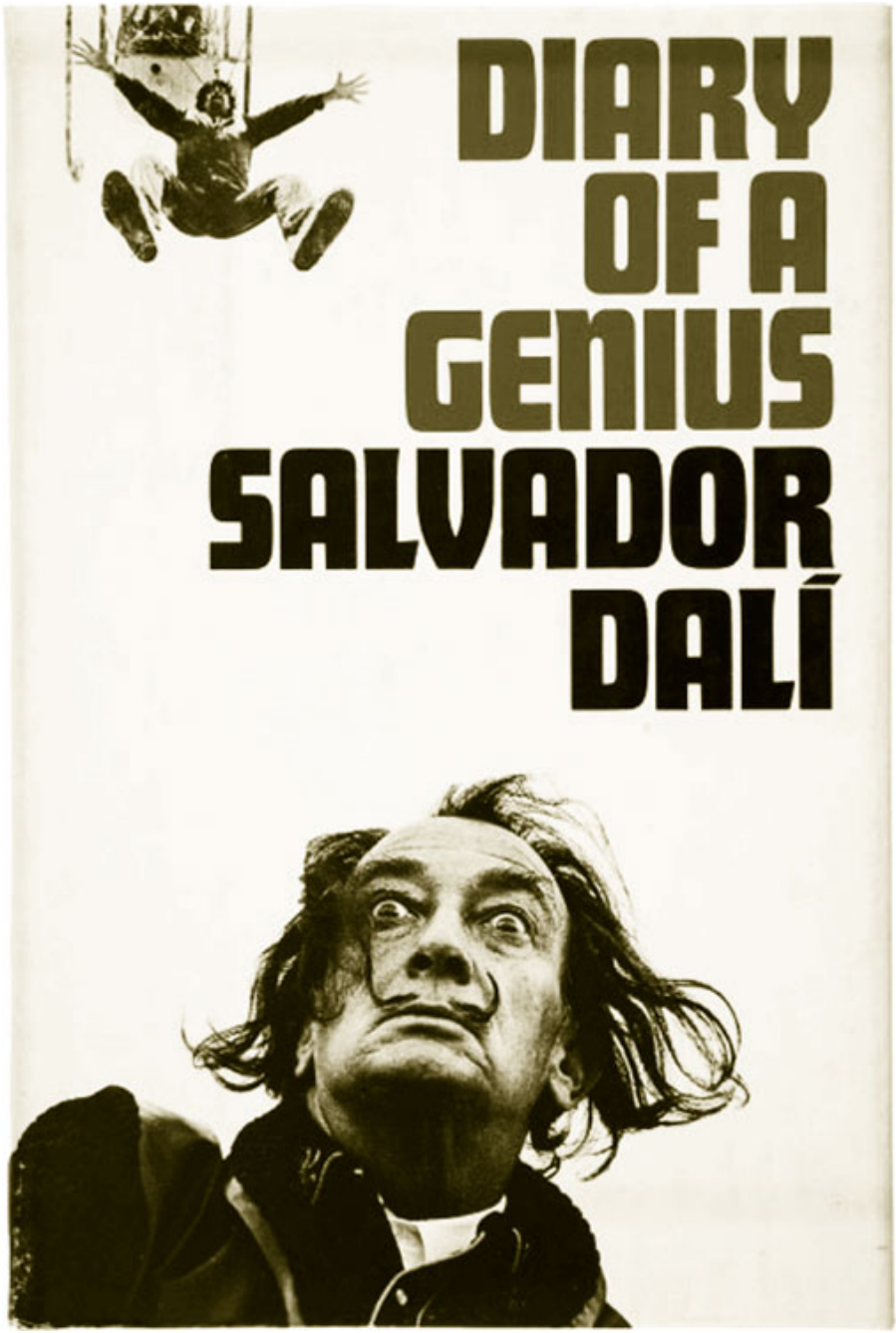
Будучи зрелым человеком, Дали выпустил книгу «50 магических тайн», где привел десять правил для тех, кто стремится стать настоящим художником. Все его выводы сделаны на собственном опыте. Конечно, есть среди «правил» и эксцентричные, типа: «Художнику лучше быть богатым, чем бедным». Но есть и те, в которых раскрываются тайны восхождения Дали к вершинам искусства. «Начинай учиться рисовать и живописать подобно старым мастерам; потом сможешь делать, что захочешь, но все будут уважать тебя». Сам Дали с уважением относится к знаменитым испанским художникам, он любит работы Гойи, Веласкеса, Вермера, всех импрессионистов, и по многу часов копирует их, постигая тайны мастерства великих предшественников. Традиция для Дали не пустое понятие. В отличие от многих современников, отрицающих классицизм, отметающих прошлое, в той же книге «50 магических тайн» автор утверждает: «Если ты принадлежишь к тем, кто верит, будто современное искусство превзошло Вермера и Рафаэля, брось эту книгу и пребывай в своем блаженном идиотизме».

С. Дали. «50 магических тайн»

В другой книге — «Дневник одного гения» — Дали в своей непревзойденной повествовательной манере рассуждает о картинах и французском Лувре. «Я уже тогда был пылким поклонником ультраретроградной живописи, нашедшей свое самое законченное воплощение в работах великого Месонье, — которого я считал неизмеримо выше Сезанна. И, естественно, я был в числе противников поджога Луврского музея… Совершенно ясно, что, если музей все-таки решат сжечь, Джоконду в любом случае надо спасти, даже если для этого ее придется срочно

переправить в Америку».

Признавать чужое мастерство и хранить память о предыдущих мастерах — вот в чем секрет преемственности в искусстве. Изучать ремесло, быть мастером в старинном значении этого слова — в этом, полагал Дали, и состоит долг настоящего художника. Кстати, своим двум из десяти правилам Дали следовал всю жизнь. Они слишком просты и понятны, но как ярко характеризуют своего последователя! Первое: «Лень не породит шедевра!» и второе: «Художник, рисуй!».



С. Дали. «Дневник одного гения»

Глава 16. Луис Бунюэль. Друг, ставший всемирно известным режиссером

Прежде, чем Дали предпочел художническую вольницу Парижа, он успел познакомиться с двумя пылкими юношами, оставившими впоследствии яркий след как в жизни знаменитого художника, так и в современной истории. В то время Сальвадор учился в Мадридской академии искусств.

Один из друзей — Луис Бунюэль, невзрачный, маленький и коренастый. Он слишком энергичен и деятелен, чтобы возле него можно было чувствовать себя спокойно. Но его энергия идет во благо: он заряжает ею других, заставляя придумывать всевозможные планы и затем осуществлять их. Его мечта — «делать кино». Свой первый фильм он поставил вместе с Сальвадором, написав прежде совместный сценарий. Этот фильм назывался «Андалузский пес». «Андалузскими псами» презрительно называли южан; прозвище означало: слюнтяй, маменькин сынок, недотепа. Фильм шел на экранах многих стран, в том числе и в СССР, что по существу, являлось сенсацией: Дали, как только приобрел известность, вышедшую за пределы его родины, тут же был благополучно оклеветан и забыт для всего населения великой и необъятной страны Советов. Возвращение имени Сальвадора Дали, как и знакомство с небольшой частью его творчества, произошло незадолго до смерти мастера. Вот что писала советская пресса в 1988 году перед открытием первой выставки рисунков всемирно известного художника: «15 апреля в музее имени А.С. Пушкина открывается первая выставка работ (рисунки) Сальвадора Дали. Шесть десятилетий его творчество служит олицетворением сюрреализма — крупнейшего течения модернистского искусства XX века. «Гений» и «безумец», забавляющий пресыщенных снобов, — таковы на Западе полюса оценок личности Дали.

Луис Бунюэль

Искусство Сальвадора Дали в нашей стране известно лишь специалистам, работы художника в советских музеях отсутствуют. Долгое время имя Дали служило у нас неким зловещим символом распада современного буржуазного искусства, чему в немалой степени способствовали экстравагантные эстетические декларации художника.

Но давно известно, что лучший и самый строгий арбитр в эстетических спорах — неумолимое время…».

Просим прощения за то, что перескочили через время и заглянули вперед. Но, без сомнения, читатель должен был знать,

что и в 20-е годы, во времена создания фильма «Андалузский пес», и много-много позднее о Дали на родине его супруги Гала никто вообще не хотел вспоминать. Великой стране чужие творцы были не нужны. Не знаем точно: когда впервые советская пресса упомянула имя Луиса Бунюэля, но в статье-некрологе, вышедшей в «Известиях» после смерти С. Дали, Бунюэль упоминается как «всемирно известный режиссер».

О чем же этот не раз упомянутый фильм? Да ни о чем.

В нем, как и в характере Дали, нет основы, только раздражающие, скандальные, часто непристойные и некие патологические картинки. Кого-то это забавляет, кого-то приводит в шок. Трупы животных, кровь, голые люди, рояль, бритва и множество других несовместимых предметов проносятся перед глазами зрителей. Многие из предметов появятся и на картинах Дали. Вспомнив о времени расцвета дада и зарождения сюрреализма, об условиях, в которых возникли эти течения, разве можно фильм «Андалузский пес» назвать странным? Было бы действительно странным, если бы там на самом деле присутствовал хоть один представитель псовых.

Сальвадор Дали, Хосе Морено Вилья, Луис Бунюэль, Луис Гарсия Лорка и Хосе Антонио Рубио. Мадрид, 1926 г.

Фильм начинается сценой, в которой мужчина средних лет

(играет Луис Буньюэль) точит лезвие бритвы, выходит на балкон, смотрит на полную луну, а затем делает лезвием надрез по глазу девушки, сидящей в кресле. В это же время тонкое облако пересекает диск луны. Звучит фраза: «Моя подруга любит нежность легких разрезов скальпеля на выпуклости зрачка», придуманная мрачным гением Сальвадором Дали. Сам худощавый и темнокожий от загара Дали промелькнул в конце фильма в абстрактной роли молодого мужчины на пляже.

Критики пытаются передать фабулу такими словами: «Мы видим руку с дыркой, из которой выползают муравьи; оторванную кисть руки; мужчину, который тащит за собой два рояля с полуразложившимися мёртвыми ослами и двумя привязанными к роялям священниками; человека, стреляющего в другого человека; женщину, перекатывающую по мостовой отрубленную руку, и так далее. Все эти образы к концу фильма так и не складываются в подобие сюжета, оставаясь неопределенными».

В общем, полный бред двух резвящихся от вседозволенности умов, перегретых на ярком каталонском солнце. Не зря же на премьеру своего 16-минутного сюрреалистического фильма, проходившую в Париже в 1928 году, испанский режиссер Луис Бунюэль запас полные карманы камней, чтоб в случае скандала иметь возможность отбиться от разъяренных зрителей.

Трагичным и вполне закономерным итогом этой беспредельной немой глупости стала судьба двух актеров, показавшихся в кадре. Пьер Батчефф (Мужчина в фильме) и Симона Марей (Девушка) в разное время покончили жизнь самоубийством: Марей подожгла себя в 1954 году, Батчефф умер от передозировки вероналом в 1932 году.

Режиссер Луис Бунюэль со своей бредовой идеей приехал в Кадакес в тот период, когда там отдыхали гости из Парижа, среди которых была и соблазнительная Гала. Его целью была подготовка нового сценария, отработка главных сцен. Луис, как всегда, полон энергии и единственное, чего он не может понять и принять, это нежелание его друга работать с полной отдачей, как надо. А Дали поглощен новым процессом: он созерцает и изучает Гала, он потрясен ее странной внешностью, ее красивым телом, высокосветскими манерами. Впервые он пренебрегает дружбой ради женщины.

Афиша к фильму «Андалузский пес»

Позднее, когда чары Гала возымеют над ним безграничную власть, художник напишет в своем «Дневнике»: «Когда мне было

двадцать семь лет, я, чтобы иметь возможность поехать в Париж, сделал вместе с Луисом Бунюэлем два фильма, которым суждено навеки войти в историю, это — «Андалузский пес» (1929) и «Золотой век» (1930). С тех пор Бунюэль работал в одиночку, снял и другие фильмы, чем оказал мне неоценимую услугу, ибо убедительно продемонстрировал публике, от кого в «Андалузском псе» и «Золотом веке» исходило все гениальное и от кого — все примитивное и банальное». Видимо в «Дневник гения» закралась ошибка; ведь его фильм про пса без пса был сделан раньше, чем художнику исполнилось двадцать семь.

Портрет Луиса Бунюэля. Художник Сальвадор Дали. 1924 г.

Глава 17. Федерико Гарсиа Лорка. Поэт, вышитый на полотне времени

Вторым другом Дали и не менее выдающейся личностью, чем первый, был испанский поэт, также ставший впоследствии мировой знаменитостью. Он родился в 1899 году под именем Федерико Гарсиа Лорка. Его отец — человек богатый, владеющий землями в окрестностях Гренады. Гренада имела не меньшее значение для Лорки, чем андалузский Порт Льигат для Дали. Между прочим, в 40-е годы Дали написал монументальное полотно под названием «Мадонна Порт Льигата», на которой изобразил Мадонну с чертами Гала. Энциклопедическая информация о данной картине передает: «В Порт Льигат он начал работать над образом Мадонны, законченным в 1950 году и знаменующим начало его религиозного периода. Мадонна была благословлена папой Пием XII, которому Дали подарил ее. К этому времени художник уже создал культ Галы как некоего полубожественного существа, однако в придании Мадонне ее черт есть нечто неуместное, даже если оставить в стороне ее известное пристрастие к молодым мужчинам и крупным, не всегда добытым честным путем, суммам денег. Влияние искусства Возрождения в этой работе достигает едва ли не высшей точки».

Мадонна Порт Льигата. Художник Сальвадор Дали. 1950 г.

…Молодой поэт Лорка оказал огромное влияние на своего друга-художника. Лорка был очарователен, красив и элегантен, прекрасно владел гитарой, играл на пианино. Он любил читать свои стихи под аккомпанемент музыки. У него есть странная и любопытная привычка: он никогда не расстается с куклами-марионетками, вытаскивая их при всяком удобном случае, чтобы инсценировать стихи или комедию. Он, автор нескольких поэтических сборников, посвящает поэму своему другу:

О Сальвадор Дали с оливковым голосом,
Я говорю о том, что мне говорит
Твоя личность и твое творчество.
Я воспеваю также твое астрономическое нежное сердце…

Поэма в сто тридцать строк под названием «Ода Сальвадору Дали» посвящена творчеству, таланту и нежной дружбе двух молодых людей, восхищающимися как самими собой, так и своей прекрасной, красочной родиной.

Родители Сальвадора благоприятствуют этой дружбе, Лорка часто гостит в Кадакесе. Их дни заполнены не только бесконечными прогулками и купанием, но и совместным творчеством, приносящим необычные плоды. И если из дружбы с Бунюэлем рождались фильмы, то дружба с Лоркой способствовала появлению спектаклей. «Марианна Пинеда» — так называлась трагедия, которую написал Лорка в честь республиканской героини. Спектакль был поставлен и прошел с большим успехом в театре Гойии в Барселоне. Все декорации и костюмы нарисовал Сальвадор Дали.

Эта дружба привнесла странный опыт в жизнь художника. Сексуальная ориентация поэта (Лорка был гомосексуалистом) вносила пикантность в отношения двух молодых людей. Дали, которого впоследствии некоторые злые языки склонны были обвинить в разделенности чувств к Лорке, тем не менее сам никогда не подтверждал факт каких-либо интимных отношений между ними. А ведь Дали был более чем откровенен в своих книгах!

Во время каникул, которые Лорка проводил в доме Дали, он ухаживал за сестрой своего друга Анной Марией. Его возбуждение не могло не передаваться Дали, но художник (по его собственному признанию) не шел на этот контакт и не мог отгородиться от притязаний.

Федерико Гарсиа Лорка

Поэт, чьи стихи волнуют тысячи умов, тот, кто однажды сказал: «Мама, на подушке твоей вышей меня», был запечатлен на картинах своего гениального друга, «вышит» красками на полотне времени.

Возможно, знакомство с тем, кто умеет и пишет стихи, дало толчок к проявлению поэтического таланта у самого Дали. Художник не то чтобы регулярно занимается стихосложением, но

прибегает к этому жанру в определенные моменты жизни. К примеру, в 1935 году Дали посвятил поэму Пикассо, где собраны все его мысли о личности и творческих опытах того, кого он считает… своим вторым отцом.

Жизнь Пикассо
Заложит еще непонятную
Полемическую основу
В соответствии с которой
Физическая психология
Снова пробьет
Брешь из живой плоти
И кромешной тьмы
В философию и т. д.

Так новаторски писал Дали, живущий и творящий во времена великих новаторов. Наверняка любовь к поэзии развил в нем тонкий лирик и чувствительный эстет андалузец Лорка. Ассоциация со словом «андалузец» возникает при упоминании о совместном с Бунюэлем опыте — постановке фильма «Андалузский пес», но, безусловно, это только внешнее совпадение, просто звучное слово, и к Лорке фильм не имеет никакого отношения. Возможно, сексуальные пристрастия поэта каким-то образом повлияли на поведение Дали, оттянув тем самым его контакт с женщиной. Как мы помним, каталонец был девственником, когда познакомился с Гала.

Лорка и Дали в Кадакесе

О влиянии Лорки на интимный мир Дали можно только рассуждать. Но неприятие анормального сексуального опыта самим Дали скорее всего повлияло на разрыв между друзьями. В какой-то момент Дали отправляет Лорке дерзкое, резкое и злое письмо по поводу выхода одного из произведений поэта («Romancero Gitano»). Дали вдруг понадобилось сказать, что его друг пишет ретроградные и стереотипные вещи. Этот поступок

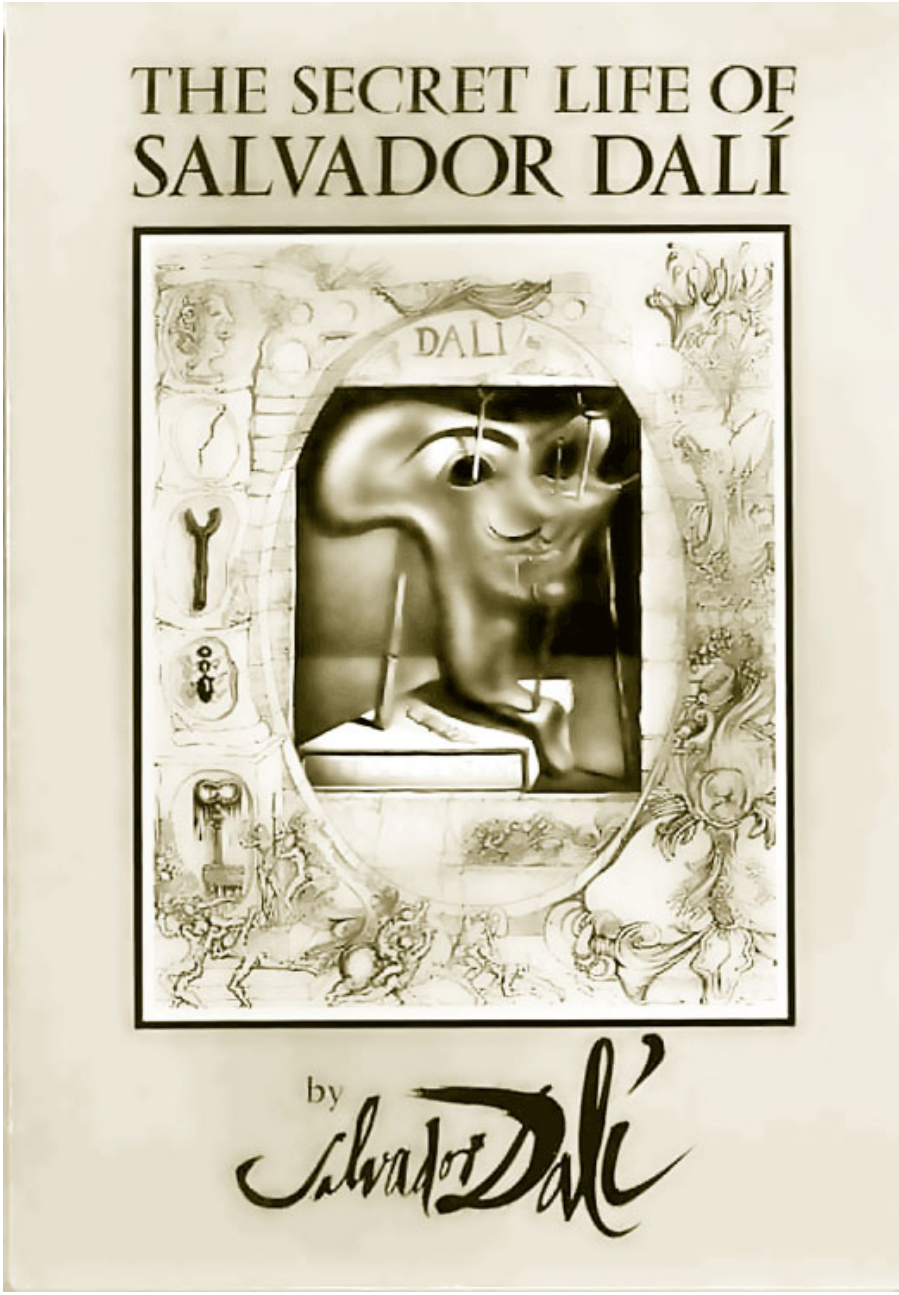
впоследствии назовут «беспричинным». Но причина разрыва банальна, хоть и сокрыта глубоко в душе художника. Талантливый в жизни, эксцентричный в любви и времяпрепровождении, Сальвадор Дали всегда будет избегать гомосексуальных связей, не приемлемых для его настоящей мужской натуры.

Книга, ставшая причиной раздора…

Глава 18. Kopros в искусстве, или Секрет человеческого долголетия

Дали с юных лет пребывает в мире фантазмов, он рисует, мечтая о славе, пишет, измышляя и фантазируя. Даже его отношения с Лоркой, их обоюдный флирт — это тоже своеобразный фантазм, предощущение настоящих чувств. Пока любовь, нормальные плотские отношения с женщиной остаются для Сальвадора чем-то сродни фантазиям. «Никогда в жизни еще я не занимался любовью. Мне казалось, что для этого акта требуется ужасная сила, диспропорциональная моей физической мощи; это было не для меня», — напишет художник в своей скандальной книге «Тайная жизнь Сальвадора Дали». Он даже признается в том, что до встречи с Гала искренне считал себя обреченным на одиночество, потому как относил себя к импотентам. Немудрено, что половые члены его товарищей казались ему и больше и длиннее собственного.

Но вот перед взором художника возникает девочка из видений, а значит знакомая, которой можно доверять не только во всем, но (главное!) — доверить себя. Девочка из видений, его Galutchka Rediviva («воскресшая»), бесспорно, должна принадлежать только ему. Дали не скрывает от всех, равно как и от мужа Гала, свои пылкие притязания. Она, воспетая в стихах Элюара и перенесенная на полотна Эрнста, знает, что такое Любовь. Но во взглядах Дали просматривается нечто большее, чем желание и обожание; он боготворит ее как мадам Грендель. Он же интересен ей только потому, что вызывает любопытство у всех приехавших: им хочется знать о нем больше, их интригует поведение загорелого каталонского дикаря. И тогда Поль решает вновь использовать Гала, он просит жену помочь им всем разобраться в натуре необъяснимого художника. О, судьба! Поль сознательно подталкивает Гала к другому, как уже было не раз. Он тысячу раз будет жалеть о том, что внушал Гала право на свободу и независимость от супружеского долга, но выражать свои сожаления он будет… доказывая, а вернее, говоря о своей неимоверной и непреходящей любви к ней, — единственной, желанной, неповторимой… Муж, желающий выступать в роли вечного страдальца, но не желающий при этом признавать собственную глупость.



«Тайная жизнь Сальвадора Дали»

Мало кто из мужчин знает: предательство психологическое наносит большие раны, чем предательство физиологическое.

По решению приятелей Гала должна расспросить художника о… копрофагии (как трактуют энциклопедические справочники по сексологии, слово «копр… (греч. kopros — кал), составная часть сложных слов, означающая «относящийся к калу»,

«грязный»). Какие только гнусные фантазии, изложенные друзьями в стихах, картинах, театральных постановках, кино и проч., не представали за последние годы взорам взбалмошных дадаистов и сюрреалистов. Но и там был предел гнусному. А этот же художник не стесняется не только говорить о низменном, но и возводить его в ранг высокого искусства. Дали рисует отходы жизнедеятельности человеческого организма на полотнах. В компании он смеется над своими выдумками: ему представляется птица, приклеивающаяся к головам сидящих своими экскрементами; он захлебывается истерическим смехом, а затем пересказывает свои ощущения потрясенным присутствующим (они чуть не приняли его за сумасшедшего).

Гала приступает к своим обязанностям не без чувства брезгливости. Но очень скоро во время уединенной прогулки она слышит клятвенные уверения в том, что художник не копрофаг, а непристойности, кровь и насекомые — это выраженный наяву внутренний страх, навязчивый фантазм ужаса, который он переживает в своих сновидениях. Он убеждает женщину в своей нормальности, он жалуется, надеясь на ее понимание, изливает ей душу, и вскоре между ними устанавливаются почти доверительные отношения.

Поль сознательно подталкивает Гала к другому, как уже было не раз…

Обращение к низменному — своеобразная защита Дали от окружающего мира. Сперва это только протест, затем — поза, жест, впоследствии — навязчивая идея, где смешиваются шутки, игра и здравый смысл. Он по-прежнему шокирует публику, но его аудитория уже исчисляется десятками, сотнями тысяч, а то и миллионами людей. Приведем цитату из «Дневника одного гения», она подтвердит, что интерес художника к измышлениям

на тему экскрементов с годами не только не угас, но перешел в новую стадию. Итак, цитата из 1952 года.

«Ныне утром, пока я находился в интимнейшем месте, меня вновь посетило гениальное предчувствие. Впрочем, стул мой в то утро был до неправдоподобия странен — он был жидким и совсем без запаха. Я был поглощен размышлениями о человеческом долголетии… Интуиция подсказывает мне, что если бы человеческие экскременты приобрели консистенцию жидкого меда, то это привело бы к увеличению продолжительности человеческой жизни, ведь экскременты, как считал Парацельс, представляют собою нить жизни, и при всякой заминке, паузе, выпуске газов от нее отлетают мгновения… Секрет бессмертия следует искать в отходах… и ни в чем другом… А поскольку наивысшая миссия человека на земле — одухотворять все вокруг, то именно экскременты-то и нуждаются в этом в самую первую очередь… И прискорбно сознавать, что многие выдающиеся умы до сих пор продолжают справлять свои естественные потребности точно так же, как это делают и простые смертные».

И противно, и забавно, не правда ли? Тут и позерство, и ирония, и мечта об избранности. Больше всего Дали занимает то, что он вынужден «справлять свои потребности как и все другие». Не единожды он будет говорить о человеке, как о пчеле, вырабатывающей золотое душистое лекарство, но слишком странен человеческий «мед», слишком прямо и грубо указывает он на то, что место каждого человека — земля, а не — небо. Знание, не дающее Дали признать себя богом перед всеми.

Тлеющий осел. Художник Сальвадор Дали. 1928 г.

Глава 19. Воплощенная в картинах, или Как разглядеть и завоевать нового гения

В то время как молодые люди наслаждались солнцем и морем Кадакеса, Гала была занята почти неразрешимой дилеммой: что ей делать с этим сумасбродным юношей, чьи глаза, как колдовские черные угли, следят за каждым ее движением? Ни у кого уже не возникает сомнения: художник влюблен, его обуревают чувства на грани безумия, он не видит в своей избраннице земную женщину, чужую жену, он верит, что Гала — богиня.

«Вы обладаете необъяснимым секретом все крепче, все сильнее к себе привязывать: моя преданность вам возникла не внезапно, как она иногда возникает и так же внезапно исчезает. Мой гений шепнул мне, когда я увидел вас впервые, что это знакомство не будет безразличным для моей души, для моего характера, для моего призвания. Когда я познакомился с вами, мой разум и мое сердце влекли меня к вам все ближе, а теперь узы эти стягиваются еще теснее. Как вы это делаете? Или, скорее, как делаю это я? О, мне это слишком хорошо известно. В вас может клад, он открывается лишь по доброй воле и не расточается без разбора, а радостно настроенной души он раскрывается все больше и влечет ее к себе». Так написал бы Дали, живи он… в XVIII веке. Но слова, полностью соответствующие мыслям, желаниям, настроению Дали, задолго до него сказал замечательный немецкий философ Иоганн Фихте. В 1788 году в Цюрихе он познакомился с Иоганной Ран, которая через четыре года стала его женой. О чем говорит этот, взятый как бы случайно пример? Безусловно, о том, что все влюбленные похожи друг на друга и что любовь, как наивысшее чувство, остается неизменным во все века.

Сальвадор не видит в своей избраннице земную женщину, чужую жену, он верит, что Гала — богиня

«…Никогда я еще не чувствовал к женщине того, что чувствую к вам. Такого искреннего доверия, без тени подозрения, что вы можете играть роль, без тени желания скрыть от вас; такой жажды представляться вам именно таким, каков я есть; такой привязанности, в которой пол не играл ни малейшей, хотя бы самой отдаленной роли, — ибо глубже знать свое сердце не дано ни одному смертному; такого истинного преклонения перед

вашим умом, такой полной покорности вашим решениям — я еще никогда не испытывал…». Да, все тот же Фихте; и все тот же Дали. Ведь после знакомства с Гала это он — именно он! — испытывал полную покорность «решениям своей возлюбленной». Просто он уповал на ее милость, вознамерившись неуклюже завоевать сердце опытной Женщины.

Безусловно, пребывая много лет среди талантливейших людей своего времени, Гала научилась отличать «зерна от плевел»; но, скорее всего, она обладала сильной женской интуицией и почти безошибочно могла определить степень чужого таланта. Дали покорил ее не столько тем, что был талантлив, сколько своей живописью, непосредственностью и детской наивностью. Поль долгое время приучал ее жить в искусственном мире, где можно было говорить о незыблемости чувств и в то же время делиться этими чувствами с другими. Гала хотела царить безраздельно в сердце одного-единственного мужчины. И она разглядела преданного гения, но прежде всего узнала в нем своего единственного. Сквозь маску безумца и притворщика на нее смотрел Влюбленный Мужчина.

«Вечером Гала приходит в восторг от моих картин. Я ложусь спать счастливым. Счастливые картины нашей фантастической реальной жизни. О милый сентябрь, эти дивные полотна делают нас еще прекрасней. Спасибо, Гала! Это ведь благодаря тебе я стал художником. Без тебя я не поверил бы в свои дарования! Дай же мне руку! А ведь правда, что я люблю тебя с каждым днем все сильней и сильней…», — уверяет Дали в 1953-ем (желающие могут сосчитать: сколько лет было Гала в ту пору, впрочем скажем сразу: 59). Разве же это не прекрасное и сильное чувство, крепнувшее день ото дня, несмотря на все то, что происходило в мире?

Имперский монумент женщине-ребенку Гала. Художник Сальвадор Дали. 1929 г.

Только настоящая женщина, тонкая натура, обладающая интуицией, сможет прочувствовать степень влюбленности в нее мужчины; но только такая как Гала сделает все, чтобы он, ее возлюбленный, зависел от нее всегда, — в любую минуту дня и ночи, и не мог бы самостоятельно (или не желал) принимать каких-либо решений. Этот вариант устраивал Сальвадора изначально. Он мечтал о девочке, и он ее увидел. Он мечтал о женщине, и она принадлежала ему. Он хотел видеть возле себя женщину-мать, и она стала заботиться о нем. Такой тип отношений идеально подходил и для Гала. Она, брошенная родителями и сама бросившая ребенка, перенесла нерастраченную материнскую любовь на каталонского художника. Вспомним: в то время, как Дали хандрил и отказывался работать в мастерской, она — по словам самого же Дали! — «словно мать страдающему отсутствием аппетита ребенку, терпеливо твердила» о том, что достала какие-то необычные краски, всячески соблазняя того взять в руки кисть. И преуспела в этом!

Потому как она, повинуясь сиюминутному вдохновенному импульсу, ниспосланному бездонным средиземноморским небом, прошептала оглушенному этим тихим шепотом мужчине: «Мой мальчик, мы больше не будем расставаться». Еще сама не веря до конца в обещание, она предлагала ему свою нежность, верность, заботу и защиту. Она, умная, опытная, в расцвете сил и женской красоты, завоевала гения, который в благодарность за ее слова и чувства подарил ей не только себя, но и свое искусство. Полностью, без остатка…

Сальвадор мечтал о девочке, и он ее увидел… Он мечтал о женщине, и она принадлежала ему…

Глава 20. Градива. Непорочная муза сюрреализма

Прежде, чем решиться сделать выбор, Гала должна была очень и очень хорошо подумать. Поль Элюар еще не был всемирно признанным поэтом, но у него были поклонники, стабильный заработок, наследство, имущество. У них был ребенок, в конце концов. А кем был в то время двадцатипятилетний каталонец? Всего только начинающим художником без постоянного заработка, любящий живопись больше, чем женщин. Это Макс Эрнст, художник, оставшийся в воспоминаниях Гала, был знатоком тел и душ прекрасной половины человечества. Он будил в ней чувственную любовь. Этот же сам не знал о любви тел ничего, кроме того, что вверглось в его фантазмы и сны. Реши она остаться с Сальвадором, ей придется учить его разным наукам: умению ценить свое творчество, умению держать себя в обществе, умение быть уверенным и, безусловно, умению любви между мужчиной и женщиной. Она, привыкшая к роскоши и безделью, должна подумать о будущем на неизвестные денежные средства с неизбежным душевным самокопателем.

И, удивительная вещь, — она сделала выбор, и он оказался не в пользу мужа. Думала ли Гала, что любовник моложе ее на десять лет и что в какое-то мгновение, познав ее, он может пресытиться ее телом и начать искать новые ощущения? Гала слишком мужественна и слишком решительна. Она вдруг уверовала в то, во что пока свято верит молодой каталонец: в божий промысел, соединивший два одиноких сердца. Мадам Гала Грендель прекрасно понимает: возврата к прошлому нет, между ней и мужем больше не существует той основополагающей нити, которая держит вместе две половинки. Поль все еще любит ее, но он — причина разочарования и охлаждения. А Гала не из тех, кто оглядывается назад. Позже даже Дали заметил в ней эту черту и был поражен этим.

Удивительная вещь, — Гала сделала выбор, и он оказался не в пользу мужа

Конечно, Гала не только подчиняла мужчин, но и подчинялась им сама. Разве исполнение желания ее Поля увидеть Гала в объятиях другого — не подчинение? Но душа этой женщины не хотела делить свою любовь одновременно с несколькими претендентами. Гала не нашла гармонии в тройственном союзе. Она, как и раньше, в годы юности, мечтает о счастье вдвоем.

В том 1929 году Гала — грустная, разочарованная и раздраженная, ей дано внезапное знание, что у нее совсем немного времени и шансов на то, что изменить свою жизнь. Все, что она умеет и желает — это нравиться мужчине. А если учесть, что Сальвадор слишком молод (потому как еще и девственник), то Гала сможет стать прекрасным поводырем, его нянькой и суженой, без которой он никак не сможет обойтись. Не отсюда ли ее: «Мальчик мой, мы больше не будем расставаться»? Она оказалась права… оставшись рядом с ним в первый раз, как сотни раз после той судьбоносной встречи. «И вновь Гала Градива, «шествующая вперед», «Непорочная интуиция» оказалась права, — скажет Сальвадор Дали через двадцать три года. — Сегодня я могу сказать вам, что из всех моих убеждений лишь два нельзя объяснить простой волей к власти: первое — это обретенная мною с 1949 года вера в Бога, а второе — непоколебимая уверенность, что Гала будет всегда права во всем,

что касается моего будущего».

Интересно, что эпитет градива (gradivus, лат.) использовался древними поэтами исключительно с именем бога войны Марса, вступающего в бой. Однако существует более тривиальное разъяснение, как и откуда этот термин вошел в словарный запас Дали. Оказывается, Градива близка к Галатее и близка к сновидениям, к вере, что его Гала пришла к нему из детских снов и мечтаний.

Градива — древнеримский мраморный барельеф

Согласно энциклопедии, «Градива» (Gradiva) — древнеримский мраморный барельеф из собрания ватиканского музея Кьяромонти, повторяющий неизвестный древнегреческий оригинал периода раннего эллинизма. Изображает молодую женщину, которая шагает, слегка приподняв подол. Название переводится с латыни как «шагающая» (жен. форма от Gradivus, один из эпитетов бога Марса).

В 1902 г. в одном из венских периодических изданий появился роман В. Йенсена «Градива». В нем рассказывается про археолога, который влюбился в увиденный в музее античный рельеф, заказал себе копию и повесил на стене своей комнаты. Ночью ему приснилась женщина, шагающая на фоне горящего Везувия. Йенсен приехал в Помпеи (древний город, разрушенный извержением этого вулкана), где встретил девушку из своего сна. Роман — первый пример т. н. литературы снов, которая получила распространение в Австрии начала XX века («Голем» Мейринка, «Повесть-сновидение» А. Шницлера). В одной из своих первых работ по эстетике Зигмунд Фрейд истолковал одержимость героя Йенсена шагающей женщиной его вытесненным фетишизмом, который, в свою очередь, восходит к «детским эротическим впечатлениям» автора книги.

Поскольку литература снов предвещала французский сюрреализм, Андре Бретон и другие деятели этого направления подняли на щит роман Йенсена и объявили «женщину-сновидение, шагающую сквозь стены», музой сюрреализма. В 1937 г. Бретон и Дюшан открыли художественную галерею «Градива» на левом берегу Сены. Сальвадор Дали использовал это имя применительно к циклу полотен, изображающих его жену и музу Галу. У Андре Массона есть полотно «Метаморфоза Градивы» (1939)».

Была ли Гала для Сальвадора счастливым талисманом, шагающей богиней, готовой сражаться за него и их обоюдное счастье со всем миром? Она старше и опытнее, следовательно, вполне может справиться с этой ролью. Гала с успехом прошла первое испытание: она околдовала его мгновенно, притянула, словно богиня. Второе испытание было не менее успешным: она оказалась столь желанной и в то же время недосягаемой, что Дали больше не желал сомневаться в ее неземном происхождении. Он готов был тысячи раз снимать и надевать туфли на ее ноги, обожать ее всю, слепо, без остатка. Кажется, что их первый поцелуй потряс их обоих, — настолько неожиданными были ощущения и слова, вырвавшиеся затем. «Я еще никогда не целовал так глубоко, я не знал, что так можно. И сразу все мои

эротические парсифали проснулись от сотрясавшегося в моей столь измученной плоти желания. И этот первый поцелуй… был лишь началом голода, заставившего нас кусать и съедать друг друга до самых глубин». «Что вы хотите, чтобы я с вами сделал?» — восклицал возбужденный молодой человек, забыв о сексуальных страхах и волнениях. «Я хочу, чтобы вы заставили меня взорваться», — вырвалось из губ холодной и уставшей от внутренней скуки женщины. Она больше не хотела быть той, кем была последнее время, к ней возвращалась большая любовь, а значит, молодость, надежды и мечты.

Градива. Художник Сальвадор Дали. 1932 г.

Гала больше не хотела быть той, кем была последнее время, к ней возвращалась большая любовь, а значит, молодость, надежды и мечты

Глава 21. «Великий Мастурбатор», который боится кузнечиков

Итак, дорогая избранница, я торжественно отдаюсь тебе и этим обрекаю себя на служение тебе. Благодарю, что ты не сочла меня недостойным стать твоим товарищем на жизненном пути… твоя любовь, твое благосклонное мнение обо мне, быть может, даст моему несовершенству то, чего мне не достает. Здесь не царство блаженства; я теперь знаю это: здесь — страна труда, и каждая радость, которая нам дается, есть лишь подкрепление для следующей, более трудной работы. Рука об руку мы пойдем по той стране, окликая друг друга, подкрепляя друг друга, сообщая один другому свою силу, — пока наши души, — о, если бы это могло свершиться одновременно, — не вознесутся в обитель вечного мира…». Это рассуждает все тот же романтик, немец-философ Иоганн Фихте. С таким же успехом наш взгляд могли привлечь строки из писем Жана-Жака Руссо или Джорджа Байрона, Стендаля или Франческо Петрарки. Для влюбленных нет таких оттенков чувств, которые бы не переживались другими влюбленными. Во времена знакомства со своей Галариной, в чудесное первое лето любви, Дали пребывал в стадии романтической чувственности.

Гала вновь обожаема, романтический флер придает ее взгляду нежную задумчивость, она все чаще улыбается, подставляя лицо и губы навстречу жаркому солнцу любви. Гала цветет, ее тело меняет оттенок и формы; жар и ветер делают ее кожу бронзовой, длительные прогулки и плавание подчеркивают округлость и упругость лодыжек, ягодиц, грудей. Гала «такая загорелая, красивая и восхитительно растрепанная» (как любовно опишет ее Сальвадор) — все время новая, но больше, чем на земную женщину, она похожа на золотую статую, которую жадно исследуют руки художника.

Гала вновь обожаема, романтический флер придает ее взгляду нежную задумчивость

Солнечные каникулы Гала продолжаются без мужа; он вынужден был вернуться в Париж. Прекрасным предлогом остаться послужила болезнь Сесиль, которая отдыхает здесь же. Мать и дочь живут в отеле «Мирамар», но пребывание у постели занемогшей девочки недолго удерживает Гала на расстоянии от любовника. Здоровье дочери не имеет значения, если в опеке Гала нуждается любимый мужчина. И, не раздумывая, женщина возвращается к тому, кто ее ждет на бесконечном пустынном берегу; маленькие бухточки укрывают их от случайных взглядов. Сменив шикарные парижские платья и изящные туфли на тонких шпильках на простой наряд и сандалии, которые носят

каталонки, Гала становится удивительно похожей на местную жительницу. Ее больше не тяготит ни местность, ни климат; черноглазая загорелая Гала получает от возлюбленного новые ласковые прозвища «моя оливка», «олива», «мой мускат» — названия, соответствующие внешнему антуражу.

О чем думали влюбленные, оттягивая разлуку? «Я думал, — уверяет Сальвадор в своей «Тайной жизни…», — что она научит меня любви, и потом я снова останусь один, как я всегда желал». О мыслях Гала неизвестно никому. Безусловно, она будет вынуждена вернуться в Париж, чтобы объясниться с супругом и решить, что ей делать дальше. Уверена ли она, что не ошиблась, остановив свой выбор на неизвестном широкой публике художнике? Что прельщает ее в нем: талант или любовь? Пока они уверены только в одном: на конец ноября припадет их следующая встреча, она состоится в Париже, где должен будет выставить свои работы Сальвадор Дали.

Великий провокатор

Гала возвращается домой; Поль чувствует, что внутренне его жена готовится принять какое-то решение. Он не хочет мириться с мыслью, что она может его покинуть навсегда. И даже после окончательного разрыва он не один год будет надеяться, что она вернется. Его письма будут полны любви, нежности и надежды. Он будет плакаться в письмах, как маленький обиженный мальчик, потерявший дорогую его сердцу игрушку. Но душа Галы уже закроется для него. Она не желает делиться любовью, и никогда этого не желала по своей воле!

Почти два месяца влюбленные не виделись. Эта первая разлука из разряда полезных, «ибо постоянное общение порождает видимость однообразия, при котором стираются различия между вещами. Даже башни кажутся вблизи не такими уж высокими, между тем, как мелочи повседневной жизни, когда с ними близко сталкиваешься, непомерно вырастают. Так и со страстями. Обыденные привычки, которые в результате близости целиком захватывают человека и принимают форму страсти, перестают существовать, лишь только исчезает из поля зрения их непосредственный объект. Глубокие страсти, которые в результате близости своего объекта принимают форму обыденных привычек, вырастают и вновь обретают присущую им силу под волшебным воздействием разлуки».

Можно было не напрягаться, чтобы отыскивать столь здравое суждение, высказанное другим человеком. Достаточно было знать: что было до разлуки и после нее, чтобы охарактеризовать глубину чувств Гала и Дали. Какое искушение дать слово влюбленному. Сколько прелести и очарования в желании и возможности проводить параллели между влюбленными парами из разных столетий. Возможно и тот, кто думал, что его только научат любви, и он вновь останется один, вдруг за время разлуки увидел, что его любовь «предстает в виде великана», стоит лишь любимой оказаться вдали.

Разве мог сказать Дали, что ему будет совершенно безразлично, как пройдет его первая выставка в Париже, этом городе снобов и столице искусств? Тем не менее тот, который собирается посвятить (и посвятит) живописи всю жизнь, исчезнет из Парижа за два дня до персональной выставки. Для этого ему достаточно было только встретиться с Гала! А первое, что этот молодой человек делает, попадая в город, где живет с семьей его возлюбленная — отправляет на ее имя шикарные красные розы. Вряд ли окружающие, и тем более Поль, могли подумать, что Гала способна на откровенные безумства; она если и участвовала в бесшабашных выходках дада, то только из-за мужа, а не в силу характера.

Сальвадор Дали с крабом

За время короткой разлуки Сальвадор Дали успевает написать полотно, ставшее одним из самых известных. Оно носит странное название «Великий Мастурбатор» (1929), и на нем представлены давние фантазмы художника: муравьи и кузнечики, кишащие во вспоротом животе худосочного и нескладного человека, чье тело не подчинено никаким канонам и пропорциям. Эта картина Дали в стиле сюрреализм в наше время выставлена в

Центре искусств королевы Софии в Мадриде (Испания). Мелкие твари в живом организме — это внутренние страхи, переживания, то есть, то, чем заполнены мысли художника. Было ли его тогдашнее состояние ужасом, сжатым в упругую пружину? И не явилась ли новая встреча с Гала счастливым разрешением внутренних проблем?

Заглянем в энциклопедию. «В детстве Дали был сообразительным, но заносчивым и неуправляемым ребенком… Он добивался своего капризами и симуляцией, всегда стремился выделиться и привлечь к себе внимание. Многочисленные комплексы и фобии (страх перед кузнечиками и другие) мешали ему включиться в обычную школьную жизнь, завести с детьми обычные связи дружбы и симпатии. Но, как и любой человек, испытывая сенсорный голод, он искал эмоциональный контакт с детьми любыми способами, стараясь вжиться в их коллектив если не в роли товарища, то в любой другой роли, а точнее той единственной, на которую был способен — в роли эпатажного и непослушного ребенка, странного, чудаковатого, всегда поступающего вопреки чужим мнениям. Проигрывая в школьных азартных играх, он вел себя так, будто выиграл, и торжествовал. Иногда без причины затевал драки. Частично комплексы, приведшие ко всему этому, были вызваны и самими одноклассниками: они относились к «странному» ребенку довольно нетерпимо, использовали его страх перед кузнечиками, подсовывали ему за шиворот этих насекомых, чем доводили Сальвадора до истерики, о чем он позднее поведал в своей книге «Тайная жизнь Сальвадора Дали, рассказанная им самим»…»

Великий Мастурбатор. Художник Сальвадор Дали. 1929 г.

Пока в Париже с 20 ноября по 5 декабря 1929 года проходит выставка, которую посещает большое количество публики, в том числе Андре Бретон и Поль Элюар с друзьями, Дали наслаждается обществом черноглазой страстной женщины. Их медовый месяц проходит в Ситжесе, находящемся неподалеку от Барселоны. Море в это время года холодное, а пляжи пустынные, но уединенье не тяготит влюбленных. И сейчас, и в будущем они будут сознательно стремиться к полному уединению.

В глазах знакомых Гала второй раз становится предательницей. Позже за связь с ней Сальвадор будет отстранен от отчего дома, но ничто не пугает влюбленных, они спешат познать друг друга и тем самым укрепить свою позицию в сердце избранника.

Прекрасное романтичное время, если не оглядываться и не рассуждать о тех, кого считали родными и близкими. Но те, кто впоследствии интересовался необычными отношениями этой пары — журналисты и писатели — не могли не задаваться вопросами. Была ли Гала уверена в том, что ее избранник прославится, а тем более разбогатеет? Разве готова эта белоручка жить в нищете? И сможет ли она пойти на конфликт со всем обществом, желая открыто жить с молодым мужчиной, почти юношей?

«У нас с Гала словно медовый месяц. У нас такие идиллические отношения, каких не было никогда прежде.

Чувствую, как ко мне приближается мужество, которого мне все еще не хватало, чтобы окончательно превратить свою жизнь в шедевр героизма. Чтобы добиться этого, мне придется ежеминутно совершать деяния, достойные героя», — нескромно заявляет Дали во времена, когда он действительно позволял вести себя нескромно и даже эксцентрично. Шел 1953 год. Точь-в-точь эти же слова он мог произнести и в 1929-м, и в 1931-м, и в 1964-м…

Пока в Париже проходит выставка, Дали наслаждается обществом черноглазой страстной женщины

Для него каждый месяц, проведенный рядом с любимой, «блистательной» и неповторимой Гала, был поименован «медовым».

Силы небесные сжалились над влюбленными: почти все картины, выставленные на вернисаже, были проданы. Дали получил любовь, веру в свои силы и закрепил успех. Он с восторгом и воодушевлением собирал первые дивиденды.

Почти все картины, выставленные на первой выставке Дали, были проданы

Глава 22. Проклятые любовники. Полный разрыв с семьей

Сальвадор Дали возвращается домой, в Испанию, тогда как Гала — к Полю Элюару. Идет Рождество. Но праздники не дают им обоим возможности расслабиться и радоваться вместе с близкими. В доме у Дали гость — Луис Бунюэль приехал навестить друга. Но в день возвращения «блудного сына» он вынужден присутствовать при громком и грозном скандале. Отец Сальвадора, распаляясь все больше и больше, клянет порочную связь его сына с замужней женщиной, у которой нет ни стыда, ни совести. Она виновата даже в том, что русская, потому как русские женщины в представлении Дали-отца существа изначально порочные и развратные. Она намного старше Сальвадора, следовательно, она содержит его сына в роли альфонса, кормит и поит его за то, чтобы юноша доставлял ей плотские удовольствия. Дали-отец почернел от злости. Да и есть от чего: он узнал, что на одном из рисунков, выставленных недавно в Париже, его сын собственной рукой начертал: «Иногда я плюю ради удовольствия на портрет моей матери». Об этом раструбила мировая пресса. Отец не совсем неправ, обвиняя в случившемся Гала. Вряд ли бы Сальвадор, этот сынок, болезненно любящий рано ушедшую мать, посмел написать нечто подобное. В этой реплике его эксцентризм превзошел все возможные границы. Но в какое-то мгновение он почувствовал и понял, что имеет сильную защиту, опору, надежду. Новая женщина избавляла его от наваждений вспоминать и видеть во снах маму, — женщину, которая умерла молодой и красивой. Были ли они похожи с Гала? И что общего, кроме характера, имели эти две: ушедшая и существующая?

Портрет моего отца. Художник Сальвадор Дали. 1925 г.

Что мог ответить разъяренному отцу безоглядно влюбленный сын? Что он произвел обмен? Или что устал от кошмаров и бессонницы и использовал первый же шанс избавиться от них? Никто не может доподлинно знать истинную причину несуразного поступка, хотя рассуждать об этом можно бесконечно. Причем, ответ может лежать совершенно в другой области: оскорбив самое святое, Дали мог тем самым просто привлечь внимание публики к своей персоне. Или: оскорбив мать, он тем самым бросил вызов обществу. Как знать, как знать… Дело сделано, и отец в приступе ярости, обвинив в соучастии Гала, выгоняет сына из дома и лишает того наследства.

Сальвадор вынужденно порывает с семьей, отныне он, как и его Gala, почти сирота. Но ни видимого сожаления, ни раскаяния не наблюдается в его дальнейшем поведении. В знак протеста проклятый сын обрил голову наголо. Теперь его решение бесповоротно, отец не имеет больше влияния на сына и

Сальвадор решает забрать Гала, чтобы жить вместе. Художник вновь покидает свою любимую Каталонию, чтоб поспешить в Париж.

Он, худой, бледнолицый, немного сутулый, с висящими вниз усами, являет собой противоположность Дали его собственных фантазий, — противоположность тому, кто придет на смену этому робкому параноику. Следует только запастись терпением, чтобы разобраться в самом себе и заставить других уважать свои принципы и жизненную позицию. Он шокирует друзей Поля Элюара, называющих себя сюрреалистами. Испанский художник никак не может приспособиться к городу, он боится ездить в метро, с тем же страхом он переходит улицу. В самый неподходящий момент он, как безумный, может разразиться громким хохотом.

Единственное, что привлекает в нем сюрреалистов (Бретона, Арагона, Элюара и других), так это его умение писать необычные картины. Они рассуждают о присутствии в нем таланта, но пока никто не может разглядеть степень его талантливости, как никто не замечает, какой гордыней может быть обуян этот человек.

В знак протеста проклятый отцом сын обрил голову наголо

Во время приезда возлюбленного в Париж Гала придется взять на себя новую роль: она перед всеми, повсюду и всячески расхваливает Дали. Остальным остается только прислушиваться к ее мнению и верить, или нет. Но слово сказанное остается; постепенно формируется мнение. Гала таскает с собой отрывки текстов в прозе и стихах, написанных Сальвадором в Кадакесе. Она перечитывает их знакомой публике, пытаясь убедить поэтов в избранности каталонца. Не исключено, что она пытается оправдать свой выбор в глазах остальных. Ей доводится учить Сальвадора хорошим манерам и сдержанности. Она восхищена тем, что он пробует себя в письме, ей нравится слушать стихи и прозу, рождающуюся буквально на ее глазах. Она привыкла быть критиком и теперь уверена, что если взять руководство в свои руки, то Дали удастся написать настоящую книгу.

Сперва она упорствует, но не настолько, чтобы это стало явным. Если Дали не нравится Париж, если он мечтает уехать из этого города, пожалуйста — можно ехать, но никак не в

Каталонию, куда рвется ее ненаглядный. Гала увозит Сальвадора в пригород Марселя, где в одном из отелей они снимают две комнаты. Здесь влюбленные проведут два месяца. Дали работает над картиной, Гала составляет из разрозненных рукописных текстов Дали нечто, что в дальнейшем может стать романом.

Добровольное заточение сыграло свою роль: они еще больше привязались друг к другу. Дали очень скоро понял, что Гала необходима ему во всем. С ее помощью он «узнавал любовь с таким же изнурительным фанатизмом», с каким относился к своим работам. С ее помощью он забывал о несправедливом отношении к его персоне со стороны окружающих людей. Она укрепила его веру в себя и свой талант. Они оба понимают, что союз их скрепляется магической верой друг в друга.

Дали очень скоро понял, что Гала необходима ему во всем

Несмотря на то, что Поль Элюар еще не теряет надежды и негодует из-за слишком длинного романа Гала и Дали, даже не заехав из провинции в Париж (она вообще не захочет посмотреть на дочь!), любовники уезжают в Испанию. Дали больше не может находиться вдали от места, которое он до конца дней будет называть своим домом.

Они приезжают в Кадакес. Но здесь нет ни одной души, радующейся их внезапному возвращению. Владелец отеля не сдает им комнату, боясь тем самым вызвать гнев Дали-отца; местные жители демонстративно отворачиваются от проклятой

парочки. Слишком неуютно себя чувствует Сальвадор на родине, но он молод и горяч, и сдаваться — не в его правилах. Интуитивно он чувствует, что нигде, ни в одном месте земного шара он не сможет так вдохновенно и продуктивно работать. Наконец им удалось найти пристанище. Это бухточка, находящаяся на окраине деревни и зажатая холмами, носит название Порт Льигат. Она считается дикой и пустынной, здесь скалы и голые камни, ничего, кроме обреченности и безнадежности. Они — каталонский любовник и светская вамп — ютятся в хибарке размером четыре на четыре метра, которую им из жалости уступила вдова моряка Лидия. Изгнанники благодарны судьбе и за эту милость. Этот домик, где пока нет удобств, нет света и воды, со временем превратится в настоящий большой дом, вместилище картин, планов, фантазий и любви.

Любовники вернулись не в самое лучшее время — над Порт Льигатом дуют пронзительные ветры, холодное море и свинцовое небо не греют душу. Удивительно, как Гала переносила все тяготы той поры, неудивительно только то, что старая болезнь напомнила о себе: женщина надолго заболела, обострился кашель, появилась боль в груди. Безусловно, Поль знал о болезни Гала, он умоляет ее вернуться и пожить какое-то время в санатории, чтобы восстановить силы. Он надеется, что сможет вновь завоевать непокорную. Напрасные надежды, ведь о ней всерьез надумал заботиться другой. Дали увозит Гала поближе к солнцу, в Андалузию. У них нет денег, и художник расплачивается за пребывание в гостях своей картиной. Спартанская жизнь вряд ли устраивает Сальвадора и Гала, но они не паникуют, достойно проживая это тяжелое время. Казалось, что она рвет тонкую нить, связывающую ее с Францией, мужем и дочерью, но не со всем, что было в ее прежней жизни, потому что поправившись, ей удается уговорить любовника вернуться в европейскую столицу, где им удастся найти деньги. Гала знает, что настало время претендовать на часть нажитого совместно с мужем имущества, Поль никогда не сможет отказать ей в каких бы то ни было прихотях и притязаниях. Даже если ему (не впервой же) придется помогать обустраивать счастливый быт более удачливого соперника.

Дом Сальвадора и Гала в Порт Льигате

Важно отметить, что пока Гала пребывала в Порт Льигате, Поль Элюар снял шикарную квартиру в Париже, и все это время обустраивал новое жилище в надежде переселиться вместе с женой. Но, увы, так и не пожив ни дня в только что отремонтированной квартире, он безоговорочно уступает ее, как только видит Гала, ведущую за руку Дали. Экс-муж переезжает в однокомнатную квартирку в тот же дом, где живет его давний друг Бретон. Но Гала все еще не порывает с Полем до конца, его надежда подпитывается интимными ласками, которые она ему иногда дарит. Их разрыв перемежается бурными постельными сценами. Но вряд ли тут присутствуют иные мотивы, чем жалость и привычка. Хотя, как знать…

Дали, несмотря на оторванность от дома, упрямо и настойчиво работает. Каждый день Гала ищет покупателей рисунков и картин, созданных им; она бегает по галереям и по знакомым, очаровывая одних и убеждая других. Они — Гала и Дали — оба идут к одной цели: собрать деньги, чтобы побыстрей уехать в свой Порт Льигат и отремонтировать их дом. Тяжелое, но не слишком продолжительное время лишений помогает Гала постигать науку хозяйствования, она вынуждена не только продавать, но убирать, стирать и готовить. А кроме того, что, безусловно, не менее важно — напрочь забыть о печалях, чтобы у

Дали не возникло и тени сомнения, что их союз случаен. «Наша сила состояла в том, что мы вели правильный образ жизни, всегда одни, вдвоем», — опишет это время в «Тайной жизни…» художник.

Портрет Поля Элюара. Художник Сальвадор Дали. 1929 г.

Как ни странно, но время нищеты можно назвать и временем триумфа Гала. Ведь Сальвадор впервые так ясно, так сознательно понял и принял истину: отныне он не сможет обойтись без своей мужественной помощницы, Гала Градивы. Она заставила

убедиться, что в ее избраннике есть необычный талант и это подтвердил виконт Шарль Ноай. Он отправит на имя Дали чек в двадцать девять тысяч франков за будущую картину; огромные деньги принесут различные измышления и догадки, вместе со сплетнями придет восхищение. Аванс приблизил не только конец бедности, но и долгожданное возвращение в рыбацкую хижину, в места, дающие спокойствие, уверенность и жизнестойкий ребячий эксцентризм, проявляющийся пока только в родной местности. Дали уезжает туда, где возрождается его неповторимое «я» и где создастся вскоре облик знаменитого художника с неимоверно длинными, запоминающимися усами.

Гала и Сальвадор, начало отношений. 1930 г.

Глава 23. Порт Льигат — самое благословенное место на всем Средиземноморье

Вместе с принадлежностями художника и картинами в Порт Льигат попали предметы из шикарной парижской квартиры. Гала не удержалась, чтобы не привезти с собой изящные столики, стулья и зеркало, купленные на деньги мужа. Коллекции насекомых и почтовых открыток призваны украсить их более чем скромный дом и напоминать о времени, проведенном в чудесном, но чужом для Дали городе. Не единожды эта парочка будет курсировать между Испанией и Францией, выдерживая тяжелейшую дорогу. Гала спокойная и уверенная, а у Дали любая длинная дорога еще долго будет вызывать панические ощущения. И все же, через много лет художник сможет успокоиться и прийти почти до состояния Гала (ведь она всегда будет рядом!), он почувствует свои силы и желание рассуждать, давать оценки и критиковать страны, дающие ему пристанище. Философствуя, Дали напишет, вполне искренне признаваясь в тонкостях заигрывания с французской публикой: «Я заранее решил приберечь для Парижа самые свои сногсшибательные заверения — ведь Франция недаром снискала себе репутацию самой разумной, самой рациональной страны мира. Я же… происхожу родом из Испании — самой, что ни на есть иррациональной и мистической страны, которая когда-либо существовала на свете…». Несмотря на то, что «никто так не чувствителен к комплиментам, как французы», — полагал Дали, — время от времени «полезно и даже просто необходимо, чтобы испанцы вроде нас с Пикассо… появлялись в Париже, дабы дать возможность французам воочию увидеть сочащийся кровью кус натуральной, сырой правды».

Обстановка в доме Дали и Гала в Порт Льигате

Но прежде чем записать подобные измышления в «Дневник одного гения» (было это в декабре 1955-го), Дали должен был научиться базироваться не на чувствовании, а на уверенности. А уверенность ему мог дать только Порт Льигат, ту глубокую и твердую уверенность, позволяющую незыблемо стоять на этой грешной земле. И не последнее значение тут имело то, что Порт Льигат — самый восточный географический пункт Испании, дающий художнику каждое утро становиться «первым испанцем, прикоснувшимся к солнцу».

В этом крошечном местечке живут люди со странными именами (хотя для них лично все имена привычные), дающие новую пищу для размышлений: Маркиз, Министр, Африканец. «Пожалуй, — удивленно восхищается Дали, — немного найдется в мире мест… где могли одновременно встретиться сразу три Иисуса Христа!».

Не ежедневные ли встречи с тремя Христами зародили в Дали в 1951 году желание написать огромное полотно со своим Христом? Но и до 50-х, и после, именно в Порт Льигате, в этом благословенном месте Сальвадор Дали написал свои лучшие работы, исчисляющиеся сотнями. Он счастлив оттого, что «давно и прочно поселился в Порт Льигате. И как прекрасно, что я здесь!». Так кто сомневается, что это место не дает испанцу жизненные силы? Кто угодно, но — не Гала. Она прилагает

максимум физических и психологических усилий, чтобы их место, их дом стал настоящим раем для двоих.

Христос святого Хуана де ла Крус. Художник Сальвадор Дали. 1951 г.

Она скрупулезно расставляет вещи, привезенные из Парижа, каждая мелочь для нее — целое богатство. Кастрюли, керосиновые лампы, изящные салфетки — все они являются пособниками семейного счастья. Какое-то время их единственная отремонтированная комната будет служить кухней, спальней, гостиной и мастерской. С появлением свободных денежных средств эта комната начнет обрастать комнатами-соседками, большими и маленькими, затем появится второй этаж и двор, вымощенный особым способом. Пертурбации будут продолжаться до тех пор, пока это место не превратится в огромный дом, в крепость для всемирной знаменитости и его любимой женщины.

И если Дали обожествлял свою подругу, то не менее возвышенные чувства дарил он и этому месту, приютившему их обоих. Даже близким знакомым это место должно было внушать те же ощущения, что и самому хозяину. Вот как писал знаменитый художник о времени пребывания у них парижского друга Рене Кревеля: «Самые трудные периоды эйфории и восстановления сил после очередных попыток «загнуться» Рене проводил у нас в Порт Льигате — этом месте, достойном самого Гомера, который принадлежит лишь Гала и мне. Это, как он сам признавался в своих письмах, были самые прекрасные месяцы его жизни. Пребывание у нас, насколько возможно, продлило ему жизнь… Он вставал раньше меня, еще до солнца, и все дни… проводил в оливковой роще… обративши лицо к небу — самому суровому и самому ляпис-лазурному на всем Средиземноморье…».

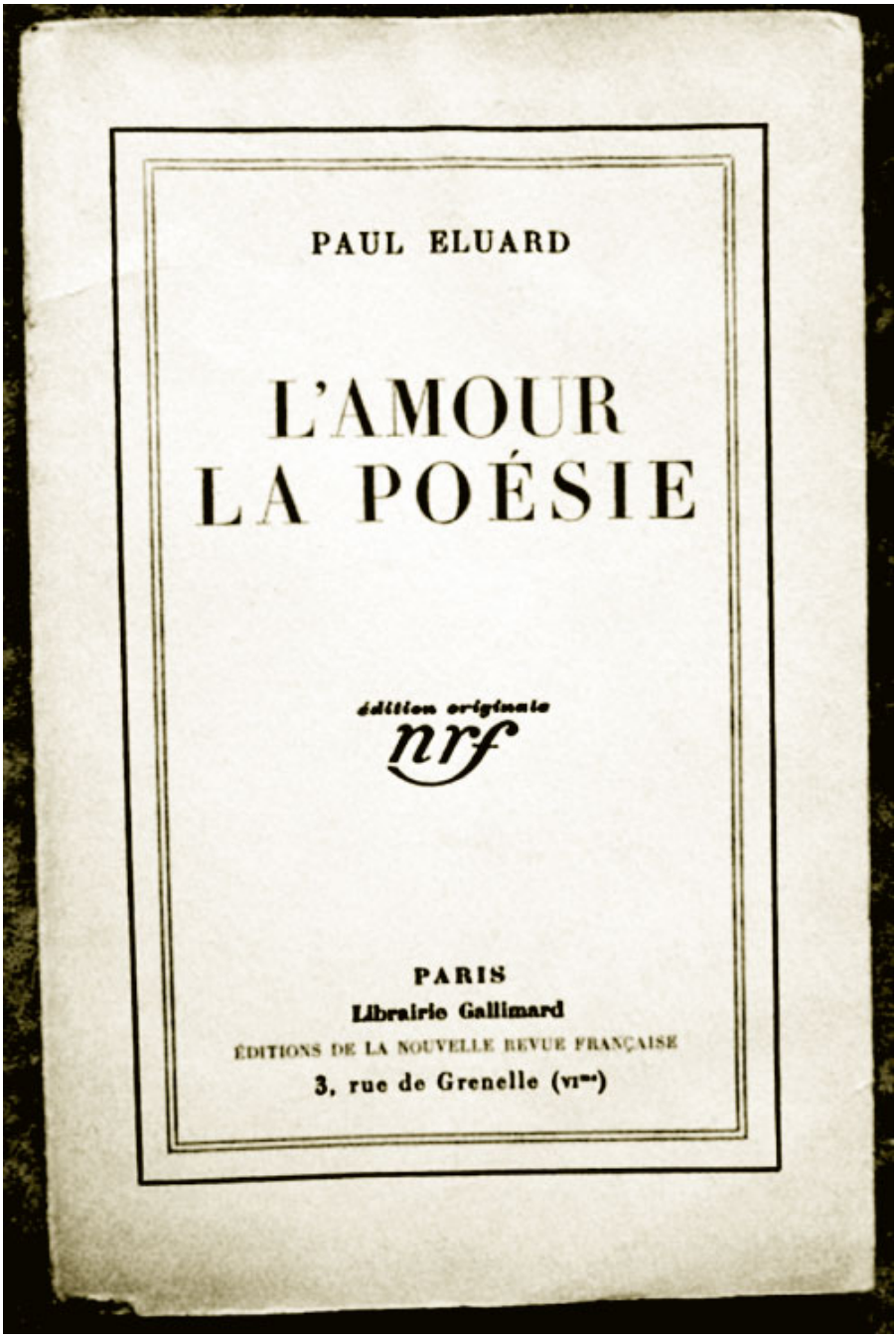
Мастерская Дали в Порт Льигате

Глава 24. «Гала, видишь, ты — это я, ты зеница моего ока…»

В те дни, когда Гала, подоткнув подол, словно простая рыбачка, стирает белье или чистит на берегу рыбу, в Париже выходит сборник Элюара «Любовь поэзия». «Посвящаю Гала эту книгу без конца», — объявляет автор и подписывает экземпляр: «Гала, все, что я сказал, — только для тебя. Мой рот так и не смог расстаться с твоими глазами». В этом же, 1929 году, он признается другу: «…я восемнадцать лет люблю Гала — ты ее знаешь, ты ее видел. Если бы не она, ты не знал бы меня, мой дорогой… друг». И вновь обратится к утраченной навсегда (о чем он не хочет пока думать и во что не верит) любимой:

Я так тебя люблю, что я уже не знаю
Кого из нас двоих здесь нет.

Гала получила свой экземпляр книги «Любовь поэзия», но возник ли в ее душе трепет хотя бы как слабый отголосок воспоминаний? Зародилось ли в ней сожаление; уныние; рассеянность; печаль? Какие чувства господствовали в то время в душе этой странной женщины, желавшей быть лишь счастливой?



Сборник стихов Поля Элюара «Любовь поэзия», посвященный Гала

…Похоже на то, что она изменилась, переродилась — другая женщина в старой оболочке. Она живет по неписанным строгим традициям их немногочисленных соседей-бедняков; Гала стирает,

подметает, наводит порядок в доме и в… душе. Всегда молчаливая, она делается еще более замкнутой, потому как недосягаема для близких и знакомых. Но ее замкнутость сродни счастливой самодостаточности. Ее мир сузился до размеров Порт Льигата, а иногда даже комнаты размером четыре на четыре метра. Ее дни и вечера протекают однообразно и аскетично, а в это время неуспокоенный Поль погружается в фантазмы, которые описывает в подробных посланиях к Гала. Ушедшая все чаще и чаще представляется ему «похотливой и разнузданной, такой, к какой ты меня приучила. Я люблю тебя и хочу тебя ужасно».

Но теперь его «похотливая и разнузданная» Гала с другим, она одаривает своего нового избранника ласками, удивляя смелостью и темпераментом. Этому способствует все, начиная от бескрайнего моря, бездонного неба и умиротворенной обособленности от всех и всего. Для того, чтобы съездить за покупками, они вынуждены пользоваться лодкой, — настолько они оторваны от цивилизации. И даже этим средством передвижения они пользуются редко; рыбаки удивлены их способностью довольствоваться малым. И Дали, и Гала иногда сами ловят морскую живность: рыбу, ежей, ракушки. У них на столе не только рыба и ракообразные, но и свежие овощи с огородов ближайших соседей. Иногда крестьяне продают этим счастливым затворникам курятину, яйца, колбасу и хлеб.

Все вокруг знают о ежедневных долгих прогулках влюбленной парочки, о часовых заплывах. Две томные фигуры в несколько фривольных позах, лежащие на нагретых солнцем камнях, могут удивить разве что туристов, но они слишком редко встречаются в этих отдаленных краях. Гала теперь меньше всего похожа на изысканную парижанку; солнце, вода и воздух сделали свое дело: она стала здоровой и крепкой, и болезни больше не сломить ее. Во взгляде этой женщины вы не увидите скуку, теперь ее глаза сияют глубоким потаенным счастьем. Это подмечает Дали, занятый работой, но поворачивающий голову на уверенный и спокойный, молчаливый зов любимых глаз. Их взгляды встречаются и супруг (именно таковым он себя и считает) улавливает выражение одобрения и гордости за то, что он делает. Гала никогда не критикует, она считает, что все, над чем он работает — выше всяких похвал.

Ее мир сузился до размеров Порт Льигата, а иногда даже комнаты размером четыре на четыре метра

Они, любящие, все еще привыкали друг к другу, можно сказать, прорастали друг в друга глубже и глубже. Так глубоко, что щемящее чувство короткой разлуки вырвет из Дали полные боли и тонкого очарования слова: «Добрый вечер, Гала, видишь, я хватаюсь за дерево, чтобы отвести от тебя любую беду. Ведь ты — это я, ты зеница моего ока, ты зеница наших очей, твоих и моих».

Гала не только молчаливо одобряет новые работы Дали, но и исподволь готовит его к тому, что им следует выезжать в шумный, чужой мир, которого они избегают. Дали скоро начнет нуждаться в общении с коллегами, критиками, его работы должны быть выставлены в разных галереях, — иначе мир не будет знать о его существовании, а тем более амбициях. Ведь Дали желает покорить целый мир, чтобы бросить его к ногам своей возлюбленной. Приучив мужчину к подобным мыслям, Гала вынуждает его согласиться раз в год (регулярность тут обязательна) приезжать в Париж, где есть знакомые, а главное — потенциальные покупатели. Они уверены, что с аскетизмом должно быть покончено и приложат все усилия, чтобы добывать как можно больше денег.

Тяга к «золотому тельцу», как утверждалось впоследствии, была присуща только Гала, а никак не Сальвадору. Но желания иметь средства к жизни совпадают, отчего Гала — любящая и любимая — становится еще и счастливым оберегом. И в один из многочисленных моментов обсуждения денежных дел Дали «торжественно пробормотал»: «Да будет так!». «А потом я расцеловал мое божество, мое сокровище, мой талисман!».

Но прежде, чем они оба вступили в игру светских условностей, прошло счастливое лето и половина осени. Их поездка в Париж станет ритуалом еще по одной причине: зима в Средиземноморье с ее ветрами и холодом — слишком суровое испытание для Гала. Да и дом еще не скоро будет приспособлен к тому, чтобы пережить в нем тяжелое время года.

Желая покорить мир, Дали и Гала, эти временные дикари, прорываются на высшую ступень, значительно более высокую, чем та, на которую в свое время поднимались Гала и Поль Элюар. Новоиспеченные супруги, далекие от светских привычек и правил, решают завоевывать мир через сердца и кошельки властителей, богатых буржуа. Через тех, кого отрицали дадаисты и высмеивали сюрреалисты. Гала первая понимает выгоду от знакомства с Шарлем де Ноайя, который в свое время авансом купил у ее мужа работу. Виконт де Ноайя обладает огромными связями, именно он ввел Дали в высший свет общества.

Они, любящие, прорастали друг в друга глубже и глубже

Именитые благосклонно воспринимают художника, представляющего им эксцентричные и непонятные картины. Но таковы времена, что прослыть авангардистом — и модно, и престижно. Дали удается, как в сказке, возникнуть в свое время на своем месте.

Богема искусства, так долго избегавшая дружить с «денежными мешками», была милостиво допущена в высшую иерархию в лице Дали и Гала. Причем «денежные мешки» даже потерпели за свою благосклонность, вынужденные уезжать на время, чтобы в обществе стихли возгласы недоумения и удивленного оскорбления. Так поступили благородные супруги де

Ноайи, устроившие в своем доме первый показ скандального фильма «Золотой век» (второе детище Бонюэля и Дали). Общество шокировано, молва выходит за пределы блистательного дома виконта.

Но прежде, чем произошло это действие, Дали преподнес другой шокирующий момент для близких гостей этого же любезно принимающего их господина. Долго ли думали Гала и Дали над тем, как привлечь внимание богатых мира сего к персоне художника? Безусловно, все будут знать о том, что мастер беден, но Дали не нужны сочувствия и подачки; он хочет продавать свои работы по той цене, сколько на его взгляд (или все же на взгляд Гала?) они стоят, и даже сверх того. Но для этого надо покорить потенциальных покупателей и запомниться им с первого мгновения. Теперь они не должны путать его имя с многочисленными именами других художников-новаторов!

И на пышном приеме, устроенном в доме де Ноайя, испанец вдруг молчаливо отказывается вкусить изысканные блюда, одно за одним подаваемые к столу. Его тарелка девственно пуста на протяжении всего вечера. Наконец поведение гостя вызывает недоумение и закономерный вопрос. На что Дали отвечает (в той манере, которую со временем признают как «далианскую»), что он не голоден и поужинал у себя дома, он съел десерт из стекла и дерева. Он привлек внимание гостей не только рассказом об этом ужине и своем желудке, но и непривычным акцентом. Успех первого опыта общения с богатой публикой очевиден: хозяин в хорошем расположении духа, он доволен, что сильно удивил друзей и приятелей, пригласив столь необычный экземпляр.

Кровоточащие розы. Художник Сальвадор Дали. 1930 г.

Возможно, если бы не молчаливое твердое одобрение, читаемое Дали во взгляде постоянно присутствующей рядом с ним Гала, художник не смог бы так уверенно и с таким апломбом и далее преподносить людям свои глупости. Но игра, начавшаяся однажды, продолжается всю жизнь. Гала понимает, что партия может быть выиграна только в том случае, если ее муж начнет подачи, концентрируясь только на своей собственной игре и презирая противников. Ее одобрение и восхищение поведением мужа — главное, чего ждет Дали.

Странное поведение заезжего художника сыграло свою роль:

в 1931-м, 1932-м и 1933-м годах в одной из парижских галерей состоялись персональные выставки работ Сальвадора Дали, о чем написали все мелкие и крупные газеты. Испанец стал почти знаменитостью; паяц, с серьезным видом говорящий глупости, с таким же серьезным видом подтверждаемые его женой, станет вскоре самым желанным гостем в домах богачей, а его картины будут экспонироваться в разных галереях мира.

Дали стал почти знаменитостью; паяц, с серьезным видом говорящий глупости, станет вскоре самым желанным гостем в домах богачей

Глава 25. Дали: Планетарный, Молекулярный, Монархический, Галлюциногенный, Будущий

Ну а Гала, как и раньше, не только во всем соглашается с мужем, но и помогает ему утвердиться. Если в недалеком прошлом она бегала по Парижу, предлагая знакомым и в галереях рисунки Дали, только бы заработать на кусок хлеба, то теперь ее планы гораздо шире. Она запросто заходит к богатым мира сего, к людям, с которыми познакомилась у виконта; она не стесняется говорить им об избранности испанского художника и его блестящем будущем. Но для того, чтобы будущее оказалось именно таким, художнику нужны деньги. Она заставляет других подумывать о реальной помощи для бедного художника. Наконец просьбы загадочной (молчаливой в обществе) женщины обретают реальное воплощение. Князь де Фосини-Люсэнж предлагает замечательную идею; его стараниями создается клуб «Зодиак» из двенадцати близких князю людей, которые общими усилиями станут выплачивать художнику две тысячи пятьсот франков в год, но за это получают право выбирать одну большую или одну маленькую картину и два рисунка из выполненных, свежих работ.

«Зодиак» определил каждому участнику этой благотворительной акции (пока картины испанца не приобрели всемирную известность) определенный месяц, во время которого и можно было выбирать продукцию художника. Акции Дали поползли резко вверх; достаточно сказать, что среди членов этого, в шутку сказать, заговора, значились де Ноайя, Робер де Ротшильд, князь Поль Сербский, графиня Пекки-Блюнт и другие богатые особы.

Гала становится импресарио своего мужа

Было бы ошибкой не упоминать больше бывшего мужа Гала Поля Элюаря. Да, она из тех, кто забывает прошлое, не допуская воспоминаний в свое холодное сердце, но как раз не из тех, кто, забывая, теряет связи. Даже с теми, кому она сама более чем безразлична, она старается связь сохранить. Ее умение в разные моменты жизни дергать нужные нити просто фантастическое. Времена «Зодиака» — не исключение. По рекомендации Элюара в клуб введен издатель Рене Лапорт.

Благодаря жизненным обстоятельствам и необходимости наведывать Париж, Гала постигает новое для себя занятие, почти профессию — она становится импресарио своего мужа. Вместе со средствами к ней возвращается природный вкус и желание хорошо одеваться. В 1930-м году у того же Ноайи она знакомится с Коко Шанель, которая с этого момента станет одевать Гала, превращая ее в элегантную жену испанского художника. Роскошь и сдержанность — черты, присущие желанному стилю, выбранному раз и навсегда. Но такова Гала, влекомая в высшее общество и чувствующая, что есть только один путь наверх — это играть по правилам, придуманным давным-давно.

Согласно теории русского критика Е. Заводской, в описываемое нами время Дали вступил во второй этап своего творчества. Три основных этапа по Заводской были охарактеризованы следующим образом: «Первый — до 1928 года — время детских впечатлений, учебы, знакомства с классическим

искусством и с важнейшими современными направлениями; второй (1928–1947) — период программного сюрреалистического творчества; третий (1948) — обращение, после возвращения в Испанию, к классическому наследию, художественному и философско-религиозному, создание серий религиозных полотен, интенсивная работа в графике». Сам же художник так называемый первый период исключал, его личная периодизация начинается с 1928 года, со времени работы с Луисом Бунюэлем над кинокартиной «Андалузский пес». Время становления и расцвета Дали охарактеризовал по-своему претенциозно: Дали — Планетарный, Дали — Молекулярный, Дали — Монархический, Дали — Галлюциногенный, Дали — Будущий. Пять мифических этапов приписывает себе художник, давая эту характеристику не столько для современников, сколько для будущих поколений. Со временем разве кто станет рассуждать о застенчивости, наивности и страхе художника перед обществом, которое он мечтал покорить? В будущих книгах, к примеру, «Дали по Дали» (1970), откуда взята мифическая периодизация, испанец рассказывает о себе таком, каким он хотел бы выглядеть в глазах всех остальных.

Сальвадор Дали и Коко Шанель

Но мы-то с вами знаем, что прежде, чем почувствовать себя великим, художник прошел этапы борьбы, нищеты, усталости, страхов, настойчивости и влюбленности. Чтобы яснее понять: что происходило тогда в обществе, отвлечемся ненадолго от повествования о личной жизни Дали, чтобы описать, так сказать, Дали в контексте истории.

В 1929 году, за год до демонстрации нашумевшего фильма «Золотой век», в последнем номере журнала «Сюрреалистическая революция» Андре Бретон обнародовал свой второй Манифест, приведший к расколу группы парижан-сюрреалистов. Одни покидают это движение, другие присоединяются. Среди новых членов значатся Луи Бунюэль, Тристан Тцара и Сальвадор Дали. Так испанец официально входит в состав сюрреалистов.

В 1930-м вышел «Третий манифест сюрреалистов», составленный поэтом Робером Десносом, вышедшим из объединения после раскола. В новом документе Бретон обвинялся

в стремлении подчинить движение оккультизму. В защиту своего лидера с открытым заявлением выступили Арагон, Тцара, Бунюэль, Эрнст, Элюар, Дали и другие деятели культуры. Как видим, кроме завоевания симпатий у знатных и богатых, Дали активно занимается культурой, участвуя в различных акциях.

1930-й год можно назвать значительным в жизни художника; кроме появления упомянутого «Золотого века» в Париже открывается выставка коллажей Дали, а также публикуется первое литературное произведение художника «Женщина невидимая». Дали семимильными шагами обходит своих соперников-творцов, покоряя взыскательную публику. Он движим неугасаемой идеей, вдохновляемый и поддерживаемый любимой женщиной.

Коллаж Рене Магрита для журнала “Сюрреалистическая революция”, на котором изображены деятели сюрреализма

Глава 26. Когда все смотрят на Восток, или Не поддающаяся расшифровке логика

И если с 1930-го происходит яркое и быстрое восхождение Дали как абсолютно новой звезды сюрреализма, то с этого же времени начинается и конфликт художника со своими менее успешными собратьями-сюрреалистами. Поэтическая среда, которая составляет основу движения, постепенно поворачивается спиной к слишком самостоятельному и своенравному художнику. Настанет время, когда среди всех сюрреалистов Сальвадора Дали будут воспринимать и защищать только Поль Элюар и Рене Кревель. Вокруг творчества Дали будут разгораться слишком яростные споры, его искусство получит две полярные оценки: академическое и «скатологическое».

Трогают ли все эти перипетии сердце Дали? Если да, то не слишком и ранят, ведь рядом с ним женщина, помогающая не только забыть неприятности, но из неприятностей даже получать выгоду. Он выдвигает сюрреалистические идеи в критическо-параноидальном стиле, постепенно утверждая свое видение этого мира и процессов, происходящих в нем. Постепенно становится понятным странное мировоззрение Дали как художника.

Впервые он выступает, как философ, с готовой концепцией и ясным изложением фраз (хотя и слишком запутанных, как того требовало время и движение сюрреализма) в книге «Видимая женщина». Предисловием к этой книге послужили слова Поля Элюара, восхищенного тем, что Дали осмелился охарактеризовать мысль, как «параноидально-критическую» или «критически-параноическую». Разве не странен творческий союз соперников, и разве не доказал Элюар, что искусство для него важнее несчастной любви? Абстрактный стиль, выбранный художником для повествования, отныне станет узнаваем, как его полотна. Безусловно, Гала импонирует, что ее возлюбленный занимается еще и литературным творчеством, — так у него больше шансов самовыражения. Кроме того, это один из способов выделиться, что очень важно для супругов. Оба они понимают и чувствуют, что происходит вокруг самого Сальвадора, они замечают, как постепенно от них отворачиваются друзья и товарищи. Им обоим необходим ореол, ниша, которая станет самым верным другом, исключая присутствие ненужного окружения, этих вечных соперников в искусстве.

Дали в мечтах о «Видимой женщине»…

Биографы Дали излагают события тех лет в таком сжатом абзаце. «Он начинает сотрудничество с журналом «Сюрреализм на службе революции» и издает сборник очерков и поэм под названием «Видимая женщина», посвященный Гала, который вышел в издательстве «Эдисьон Сюрреалист». Поэма «Великий мастурбатор», названная по картине, написанной годом раньше, стала предтечей психоаналитического и диалектического метода его живописной теории. Дали иллюстрирует «Непорочное зачатие» Бретона и Элюара, создает, вновь в сотрудничестве с

Бунюэлем, фильм «Золотой век». Его показ в течение нескольких дней в помещении парижского клуба «Studio 28» вызвал резкое выступление правого крыла Лиги патриотов, заклеймившего фильм Бунюэля как «большевистский» и устроившего погром, во время которого были уничтожены выставленные в фойе работы Эрнста, Дали, Рэя, Танги и Миро. Этот эпизод вызвал охлаждение отношений Дали и Бонюэля. Дали дистанцируется от политических взглядов сюрреалистов. Создает картину «Головокружение», собрание Карло Понтии, Рим. …В Испании произошло падение диктатора Примо де Риверы…»

«Фанатичка», — вот как могли бы охарактеризовать Гала того времени все, знавшие близко спутницу Дали. Она упорствует даже тогда, когда ее Сальвадор делает глупости, обижая или оскорбляя приятелей-сюрреалистов. Для улаживания конфликтов ей не раз придется обратиться к Полю Элюару. Какими были их разговоры наедине и какие аргументы приводила Гала в пользу каталонского любовника? Результат этих встреч был почти всегда одинаков: Поль Элюар выступал в защиту художника и тем самым сглаживал конфликты.

Афиша фильма «Золотой век»

Нельзя не упомянуть и о теме, интересующей читателей: об отношениях матери и дочери. Год за годом пребывая в Париже Гала практически не встречается с Сесиль; судьба девочки не заботит мать. Впрочем, и Сальвадор Дали никогда не показывает отцовских чувств к кому бы то ни было; похоже, они с женой не собираются заводить ребенка вообще. «Дети никогда меня особенно не интересовали», — сообщит Дали в начале 1950-х, в то время ему уже будет сорок восемь.

Если и можно в семье Дали и Гала кого-то (что-то!) условно назвать детьми, так это «параноико-критические» мысли, в различные годы притягивающие желающих поспорить, посостязаться в измышлениях. Многие критики увидели в «параноико-критической теории» Дали ловкую имитацию собственной идейно-художественной концепции, а не настоящие, истинные взгляды. Благодаря этой теории художнику удается, — по словам искусствоведа Елены Гордон, — добиться «эффекта автономной жизни изображения».

Уже в 30-е годы, несмотря на всевозможные объяснения и намеки самого Дали о процессе своего творчества, работы молодого мастера заносятся в разряд неподдающихся расшифровке.

Конфликт между Сальвадором и товарищами-сюрреалистами постепенно начинает протекать в русле политики. В 1929-м в СССР, в Харькове, прошел II Международный конгресс революционных писателей, в его работе участвовал и Луи Арагон. Так происходит, что именно Россия становится притягательным объектом, огромным зеркалом, в которое смотрятся сюрреалисты. Еще недавно все они дружно отрицали буржуазную модель общества, но какую модель общества хотят построить, сами они не могли сказать. Желания, идеал и возможности часто не совпадали. Но вот перед ними возникла модель, отличная от доселе известных, странная, сложная и все еще непонятная. Лозунги, доносившиеся из страны Советов, находили своих почитателей среди новаторской интеллигенции. Их умы волновали личности Троцкого, Ленина, Сталина, как чуть позднее — знаковые личности Гитлера и Муссолини. Но таковы творческие люди, они не успокоятся, пока не докопаются до истины.

Вечный паяц

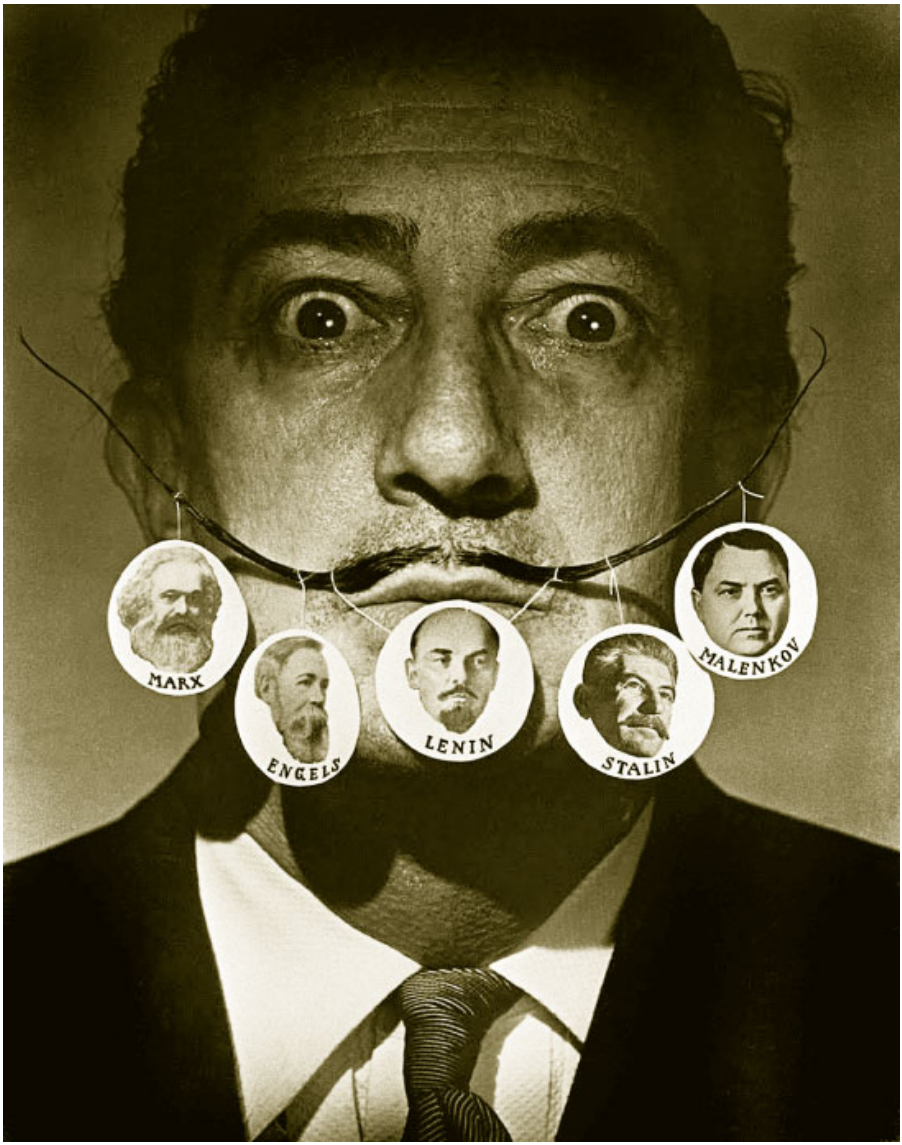
В случае с политическими божками у Дали происходит нечто подобное с пресловутым: «иногда я плюю на портрет моей матери…». Мало кто видит логику в высказываниях художника, а тем более в работах, если там присутствует политика. В отличие от коллег по движению, Арагон, Элюар, Тцара, Пикассо, Бретон, Кревель уже вступили в партию коммунистов. Сальвадор Дали полностью отрицает какое-либо объединение по партийному

признаку. Он слишком индивидуален, чтобы служить идее, если это не его личная идея. Неудивительно, что наибольшие трения у него происходят с Луи Арагоном, восхищенным революционными порывами и планами советских писателей. До того, как стать пламенным социалистом, Арагон пережил несколько неудачных любовных романов. Ю. Безелянский в статье «Эльза Триоле — спутница Арагона» пишет: «Эльза властвовала над Арагоном. Она сумела отвадить французского поэта и бунтаря от его двух увлечений — сюрреализма и гомосексуализма — и заставила его поклоняться новой религии — коммунизму». Женой французского поэта Луи Арагона стала Эльза Каган, эмигрантка из советской России и агент НКВД, как и ее старшая сестра Лиля Брик (удостоверение ГПУ за номером 15073), любовница Владимира Маяковского. Арагон научился сочувствовать пролетариату и презрительно отзывался о связях Дали с «денежными тузами». Фанатично преданный идее освобождения мира от капитализма, Арагон не подозревает, что постепенно приближает всех к пониманию того, что фанатично преданный идее сюрреализма, а вернее — только себе лично — Дали останется единственным, кто был верен учению сюрреализма до конца. Потому как только Дали был логичен в своей непредсказуемости, мятежности, в своих фантазиях и безумствах.

Луи Арагон с Эльзой, Андре Бретон и Поль Элюар с женой Нуш

А все потому, что у него уже был Бог, не нуждающийся в других небожителях, и Бог его звался Гала Градива, а иногда — Святая Елена, Елена Троянская, а еще — Галатея Безмятежная. Которой не нужны лидеры и пророки, она интуитивно знает цену всем этим пророкам, опорочившим ее Отечество. Так чем лучше другие? Доминик Бона рассказывает нам о встречах Гала с подругами своего детства — сестрами Цветаевыми, оказавшимися в Париже, в вынужденной эмиграции. «В Париже Гала встретилась

с Мариной Цветаевой, подругой-поэтом, которую она посещала во времена своей московской жизни и чей дом тогда был настолько роскошней и престижней, чем ее собственный… Марина Цветаева в парижской ссылке: ее муж Сергей Эфрон, офицер Белой армии, вынужден был убежать из страны еще в 1918 году; Марина присоединилась к нему как только смогла, в 1922 году, вместе с маленькой дочкой. Марина бедна — более чем бедна: она обнищала. Во Франции она пишет стихи на русском языке и не хочет посещать никого, кроме своих вынужденных находиться во Франции соотечественников. Единственное, что даёт ей силы, ее единственное сокровище — возможность говорить на родном языке. Марина с трудом узнала Гала в парижанке, пригласившей ее на встречу в кафе сюрреалистов. Ее младшая сестра Анастасия (Ася), ровесница Гала, тоже приехала в Париж; она смогла обнять свою подругу детства, поговорить с ней немного, подивиться ее элегантности и ее связям, но она вскоре вернулась на родину — так было угодно Истории. В противоположность Марине, которая покинула Советский Союз с душевными ранами, нищая и напуганная, и боится туда возвращаться, Ася верит, что призвана исполнить определенную роль в жизни своей страны. Ася расскажет об этом намного позже. Став очень старой женщиной, она напишет «Воспоминания». В Гала не осталось ничего от прежней девочки, она перестала понимать своих русских подруг. Революция разделила их. Гала стала иностранкой. Можно быть уверенным, что вид этих двух женщин, перенесших лишения, истерзанных годами красного режима, а потом захваченных им, не воодушевил Гала на то, чтобы присоединиться к лагерю коммунистов. Она не увидится больше ни с Анастасией, ни с Мариной — Марина вернется все же в свою страну и погибнет там, никому ненужная».



Сальвадор Дали полностью отрицает какое-либо объединение по партийному признаку. Фото Филиппа Халсмана. 1954 г.

Гала многое видит, многое знает, и потому она верит только в одного пророка — в своего возлюбленного, в сумасбродного гения Дали. И он, учась жить у этой женщины, также презрительно, с насмешкой относится к мировым лидерам, мировым беснующимся пророкам, желающим поделить мир на красное и черное.

Марина Цветаева

Глава 27. «Я буквально бредил Гитлером, который являлся мне в образе женщины»

В 30-е годы XX века Дали участвует в сумасшедших акциях, каковыми их делает концепция сюрреализма. В то время как одни мечтают о призрачной свободе мира и прибегают к конкретным образам в своем творчестве, Дали совершенствуется в сюрреализме. Он изобретает сотни ненужных предметов, являющихся тем не менее, вещицами от искусства. Разве представителю пролетариата понадобится ванна без ванны, или он захочет иметь нож с зеркальцем, чтобы смотреться в него, произнося пламенные речи? Или, может, рабочий станет ездить на машине и ему понадобятся калейдоскопические очки, чтоб надевать их, когда он будет следовать по кварталам бедняков? Но прежде, чем работяге понадобятся упомянутые очки, его жена сможет покрасоваться перед товарками со специальными грудями, сконструированными для того, чтобы носить их на спине…

Именно эти и многие другие вещи, являющиеся на самом деле псевдовещами, делают небольшую группу сюрреалистов известной во многих странах, в том числе и в Америке. Стиль поведения и творчество, присущее Дали, становятся модными, его вещицы пользуются спросом. Таким образом, далекий и близкий мир, знающий о существовании Дали, делится на два лагеря: принимающий коммунизм и принимающих сюрреализм.

Справедливости ради стоит упомянуть, что были предприняты попытки доказать родственность двух идей и даже их единство; Андре Бретон выступает, убежденно доказывая слушателям, что и сюрреализм и коммунизм идут к одной цели — уничтожению буржуазии и буржуазной модели общества.

Тристан Тцара, Поль Элюар, Андре Бретон, Ханс Арп, Сальвадор Дали, Ив Танги, Макс Эрнст, Рене Кревель и Ман Рэй. Париж, 1933 г.

Несмотря на то, что Дали подписался под заявлением о солидарности с Бретоном, которого Р. Деснос в «Третьем манифесте сюрреалистов» обвинил в стремлении подать это движение сквозь призму оккультизма (интересно, как оккультизм вяжется с материализмом, проповедуемом большевиками?), сам Бретон вскоре выступает с обвинениями Сальвадора Дали в социальном равнодушии. Он упрекает художника в том, что тот в час великих перемен, ожидаемых в скором будущем, не хочет участвовать в процессах обновления общества, а занимается только самим собой. Мир революционных изменений, мир, требующий конкретики, не мог смириться с существованием потрясающе ненужных вещей, концепций и взглядов, которые были характерны творчеству Дали. Конфликт между ним и остальными сюрреалистами близится к логическому завершению.

Единственной и самой постоянной его почитательницей по-прежнему оставалась Гала. Их общий мир, который время от времени будоражили выходки Сальвадора, все более и более цементировался. Игры и склоки, безумства и прозрения, выносимые из этого семейного мира вовне, раздражали, притягивали, взрывали любопытное общество. А вместе с этим

укреплялся маленький любовный круг.

Наконец Дали вызвал непреодолимую ярость, приведшую к исключению его из авторов журнала «Сюрреализм на службе революции». Причиной столь сурового наказания послужила статья, где художник, фантазируя, создает из порнографии оружие для гражданской войны. Он смеется над обществом, вновь рассуждая о копрофагии; тема, ставшая причиной первого откровенного разговора молодого художника со своей Музой, будет не раз подниматься и обсасываться в параноидально-критической манере в разных книгах, написанных Дали. Длительное время эта тема — беспроигрышный вариант привлечения внимания и обывателей, и журналистов. Стремясь быть в центре, находясь в вечной погоне за сенсацией, великий испанец сумел найти то, что волнует всех. «Грязь», вытаскиваемая им на свет божий, сослужила его имиджу уникальную службу.

Инсталляция Дали «Череп из обнаженных девушек». Фото Филиппа Халсмана. 1951 г.

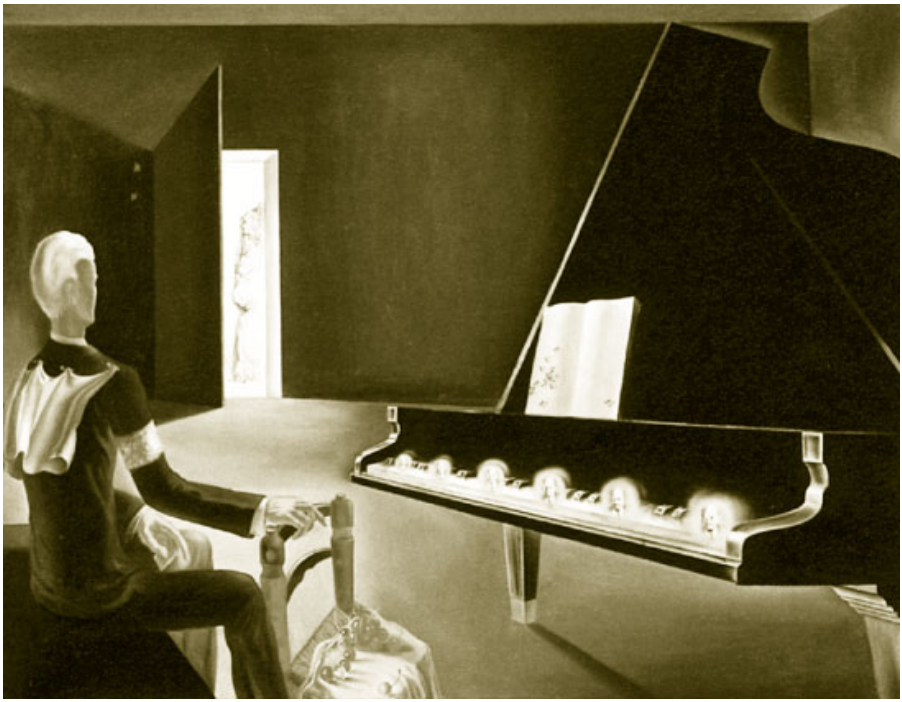
На сей раз от разрыва с товарищами по движению не спасает и ходатайство Гала; Поль Элюар не в силах убедить друзей в безобидности высказываний Дали. Похоже, это совсем перестает волновать Дали, он с азартом готовит новый скандал. Следующей темой его бредовых фантазий и инсинуаций станет… любовь к фашизму.

Вот как описывает эту странную симпатию художник, расставляя все по местам. Но, как заправские далианцы, мы с вами, внимательно прочитав текст мастера, напустим на себя

флер недоверия и иронии.

«Тем временем Гитлер на глазах становился все более гитлеровским, и однажды я написал картину, где нацистская нянька спокойно вязала на спицах, невзначай усевшись в огромную лужу. Идя навстречу настоятельным просьбам некоторых своих ближайших сюрреалистических друзей, я вынужден был вымарать с ее рукава повязку с изображением свастики. Вот уж никогда бы не подумал, что этот знак способен вызывать такие сильные эмоции. Лично я был им настолько заворожен, что буквально бредил Гитлером, который почему-то постоянно являлся мне в образе женщины. Многие полотна, написанные мною в тот период, были уничтожены во время оккупации Франции немецкими войсками. Я был совершенно зачарован мягкой, пухлой спиной Гитлера, которую так ладно облегал неизменный тугой мундир. Всякий раз, когда я начинал рисовать кожаную портупею, которая шла от ремня и, словно бретелька, обнимала противоположное плечо, мягкая податливость проступавшей под военным кителем гитлеровской плоти приводила меня в настоящий экстаз, вызывая вкусовые ощущения чего-то молочного, питательного, вагнеровского и заставляя сердце бешено колотиться от редкостного возбуждения, которое я не испытываю даже в минуты любовной близости».

Действительно, разве мог Гитлер произвести какое-либо другое впечатление на настоящего сюрреалиста, да еще далианца до мозга костей, коли это и есть сам Дали? Таким же «психопатическим», «аполитичным», «скандально двусмысленным» было и восприятие художником других исторических личностей.



Частичное помрачение. Шесть явлений Ленина на рояле. Художник Сальвадор Дали. 1931 г.

Казалось, художник играл в политику, навязывая свое видение с помощью картин и подобных вышеописанному измышлений. Мысли, изложенные в «Дневнике одного гения», означенные датой 1952-го и позднейших лет, безусловно, возникали у Дали в 30-е годы XX века, во времена непосредственного влияния этих злых гениев человечества на мировую историю.

Будучи не в Германии, не вовлеченный в процесс перемен в немецком обществе, Дали с удовольствием ерничает по поводу фашистских молодчиков и их фюрера. То же самое он делает и в адрес пролетариата и его вождя, Владимира Ильича Ленина. Дали юродствует, но его бесподобный насмешливый цинизм всего только акт сюрреализма!

В «Дневнике» Сальвадор Дали пишет о создании им картины с Адольфом Гитлером и о своем «гитлеризме».

«А Гала я сказал:

— Принеси мне амбры, растворенной в лавандовом масле, и самых тонких кистей. Никакие краски не смогут насытить моей жажды точности и совершенства, когда я наконец стану изображать в ультраретроградной манере Месонье тот сверхпитательный бред, тот мистический и одновременно

плотский экстаз, который сразу же охватит всего меня, едва я начну запечатлевать на холсте след гибкой кожаной бретельки, врезающейся в плоть Гитлера.

Напрасно без конца повторял я себе, что это гитлеровское наваждение совершенно аполитично, что произведение, вдохновленное этим женоподобным образом фюрера, скандально двусмысленно, с большим черным юмором, чем портреты Вильгельма Телля и Ленина, напрасно повторял я то же самое и своим друзьям — ничто не помогало. Новый кризис, охвативший мое творчество, вызывал все больше и больше подозрений в стане сюрреалистов. Дело стало принимать совсем серьезный оборот, когда пронесся слух, будто Гитлеру пришлись бы весьма по душе отдельные сюжеты моих полотен, где есть лебеди, веет одиночеством и манией величия, чувствуется дух Вагнера и Иеронима Босха.

Загадка Гитлера. Художник Сальвадор Дали. 1937 г.

С присущим мне духом противоречия я только еще больше обострял ситуацию. Я обратился к Бретону с просьбой срочно созвать чрезвычайное совещание нашей группы, чтобы обсудить на нем вопрос о мистике гитлеризма с точки зрения антикатолического, ницшеанского понимания иррациональности. Я рассчитывал, что антикатолический аспект дискуссии наверняка соблазнит Бретона. Более того, Гитлера я рассматривал как законченного мазохиста, одержимого навязчивой идеей развязать войну, с тем чтобы потом героически

ее проиграть.

В сущности, он задумал осуществить одну из тех немотивированных, бессмысленных акций, которые так высоко котировались в нашей группе. …Я пробовал объяснить им и то, что просто не могу быть нацистом хотя бы по той причине, что, если Гитлеру случится завоевать Европу, он не преминет воспользоваться этим, чтобы уморить там всех истериков вроде меня, как это уже сделали в Германии, где к ним относятся как к каким-нибудь дегенератам.

Наконец, та женственность и неотразимая порочность, с которыми ассоциируется у меня образ Гитлера, послужат нацистам вполне достаточным основанием, чтобы обвинить меня в кощунстве. К тому же всем известно, как фанатично преклоняюсь я перед Фрейдом и Эйнштейном, а и предназначение человека на земле — и все обратится — в сокровище».

Ироничный «гитлеризм» Дали стал одной из причин окончательного разрыва художника с его товарищами по новаторскому творчеству.

Сальвадор и Гала. 1936 г.

Глава 28. 1934 год. Брак между Сальвадором Дали и его возлюбленной

Увеличивающиеся расхождения между Дали и сюрреалистами пробуждают Бретона исключить его из группы. Это судилище не возымело на Дали какого-либо действия, поскольку он уже завоевал международную известность. В лондонской галерее Цвеммер проходит его первая персональная выставка в Англии. Затем он совершает свою первую поездку в Нью-Йорк, оплаченную одной из поклонниц его таланта, Каресс Кросби, и начинает сотрудничать в «Cahiers d'art». Сам Дали искренне считает причиной разрыва то, что Андре Бретон «просто не хочет простить мне того, что я остаюсь последним и единственным сюрреалистом». Возможно, столь категоричный вывод пришел в голову Дали позже — в 40-е годы, когда произошло окончательное охлаждение между двумя творческими личностями, либо в 50-е, когда художник был в зените славы и писал свои воспоминания, вышедшие впоследствии под единым заголовком «Дневник одного гения».

…Что же еще происходит с супругами в 30-е годы XX века? По традиции, в преддверии весны они едут домой — на юг Испании, где художнику предстоит творить очередные шедевры, а его жене — нежиться под теплым утренним солнцем и в часы сиесты пребывать в покое и умиротворении. Уже два года, как Гала по-настоящему принадлежит Сальвадору, он — ее единственный муж, ее дитя и любовник. После пятнадцати лет супружества Гала два года как свободная женщина.

Пятнадцатого июля 1932 года гражданский суд департамента Сены признает развод Эжена и Гала Грендель. Дочь Сесиль официально остается на попечении отца (если быть точными, то воспитывать девочку будут бабушка и преподаватели из пансионата, в котором еще долгое время придется жить Сесиль, все яснее и глубже узнавая странное состояние одиночества). Тогда же, в 1932-м, Гала была сделана операция по поводу фибромы и удалены яичники. Теперь у Гала вообще не может быть детей. Стерилизация не вызвала у этой женщины каких-либо существенных эмоций, зато она никогда не сможет простить хирургу шрамов, оставшихся на животе.

Сальвадор Дали, Гала, Поль Элюар и Нуш. 1931 г.

Именно тогда, боясь потерять ее, увидеть мертвой на холодной больничной постели, Дали понял: насколько в самом деле дорога ему его женщина. Какие мысли бродили в его голове, когда стало очевидным, что Гала поправится, но совместных детей у них не будет? Помните: «Дети меня не особенно интересовали…»? Да, скорее всего, результат операции нисколько не опечалил художника, скорее наоборот — теперь Гала Градива будет принадлежать ему, и только ему, и никакое маленькое плачущее существо не сможет отнять у него ее любовь.

…Проведя большую часть времени 1934-го в Испании, дома, Гала и Дали завершают год знаменательным событием: в Париже, в консульстве Испании будет зарегистрирован брак между Сальвадором и его возлюбленной. Немного странным представляется тот факт, что этому способствовала настоятельная просьба… Элюара. Он хотел, чтобы Гала урегулировала свое положение, став настоящей наследницей творчества Дали. «… Подумай только, что у тебя не было бы права (если бы Дали умер) взять с собой свои платья», — заботливо предостерегал поэт бывшую жену, подразумевая совсем иные ценности наследования.

Важно указать, что в том же 1934-м Поль Элюар женится на своей любовнице Нуш. При этом решающую роль играют те же интересы: Элюар считает, что если ему захочется покинуть Нуш, «у меня, женатого, будет меньше угрызений совести, потому что

тогда мне будет легче уладить ее материальное положение». Несмотря на новый брак, Элюар никогда не забудет Гала, продолжая без устали говорить ей в стихах и письмах: «люблю… люблю… люблю…».

Пол Элюар и Нуш

Глава 29. «Или безумен, или жив!». Гала как главный объект полотен художника

«Мое второе путешествие в Америку можно было бы назвать официальным началом «славы». Все картины были распроданы в день открытия выставки. Газета «Таймс Мэгэзин» поместила на обложке мою фотографию, сделанную Ман Роем, под броским заголовком: «Сюрреалист Сальвадор Дали: кипарис, архиепископ и облако перьев вылетают через окно»… Лишь потом я понял чрезвычайную важность этого издания, которым зачитывается вся Америка. В одном мгновение я стал знаменит. Меня останавливали на улице и просили дать автограф. Хлынул поток писем из самых отдаленных уголков Америки: ко мне обращались с самыми экстравагантными предложениями». Признавался художник о своих успехах на другом конце земли. Но где бы он ни был: в Париже, Лондоне или Нью-Йорке, он всегда мечтал поскорее возвратиться в свой дорогой сердцу Порт Льигат, в свое убежище, в свой земной рай.

В своих донельзя реалистично-сюрреалистичных книгах Дали описал каждое мгновение своей жизни с Гала, обозначив степень ее необходимости возле себя.

Вот, скажем, такой обычный, но такой характерный для всей их жизни отрывок.

«Мне снова хотелось увидеть Порт Льигат, где я, наконец-то, возьмусь за «самое важное». Мы приехали в Порт Льигат в конце декабря. Мне, как никогда, была внятна незабываемая красота этого пейзажа. Я клялся наслаждаться каждой секундой своего пребывания здесь, но где-то под ложечкой сидел тихий страх. В первую ночь я не мог заснуть. На другой день отправился на прогулку вдоль морского побережья. Блестящая жизнь последних месяцев в Лондоне, Нью-Йорке, Париже показалась мне долгой и нереальной. Я не мог определить ни причину, ни природу того, что меня угнетает. Что с тобой? У тебя есть все, о чем ты мечтал десять лет. Ты в Порт Льигате — это место ты любишь больше всего в мире. Тебя больше не угнетают унизительные денежные заботы. Ты можешь заняться самыми главными, выношенными в глубине души произведениями. Ты совершенно здоров. Ты волен выбирать любой из всех кинематографических или театральных проектов, которые тебе предлагают… Гала будет счастлива, и ее не будут беспокоить заботы, омрачающие лицо…

В своих реалистично-сюрреалистичных книгах Дали описал каждое мгновение своей жизни с Гала

Я яростно вздохнул — откуда этот страх, разрушающий мои иллюзии? Ничто не помогало. Даже самые разумные доводы. Если это еще продлится, я заплачу… Гала советовала мне успокаивать нервы холодным душем. Я разделся на зимнем пляже и окунулся в ледяную прозрачную воду. Солнце блистало, как летом. Стоя под ним нагишом, я почувствовал, как мурашки побежали по моей коже… Гала позвала меня завтракать, и я вздрогнул, инстинктивно протянув одну руку к сердцу, а другую

— к члену, издававшему слабый запах, который показался мне запахом самой смерти. В один миг я почувствовал: это моя судьба между ляжками — тяжелая, как грузная отрезанная рука, моя смердящая судьба. Вернувшись домой, я объяснял Гала:

— Не знаю, в чем дело. Моя слава созрела, как олимпийская фига. Мне остается только сжать ее зубами, чтобы понять вкус славы. У меня нет никаких оснований для страха. И все же страх растет сам, не знаю, откуда он взялся и к чему приведет. Но он такой сильный, что пугает меня. Вот в чем дело: нет ничего, что могло бы напугать меня, но я боясь испугаться, и страх страха пугает меня.

…Изнуренный страхом, я перестал спать. Днем я трусливо убегал и скрывался среди рыбаков, ожидающих, когда перестанет дуть трамонтана [2]. Рассказы об их невзгодах немного освобождали меня от навязчивых идей. Я расспрашивал их, боятся ли они смерти. Им был неведом такой страх.

Галатея из сфер. Художник Сальвадор Дали. 1932 г.

…Гала приносила американские газеты, из которых я узнавал, что элегантные женщины пользуются алым цветом Дали и что супруга магараджи Капурталского недавно появилась на одном garden-party с алмазом, прикрепленным к настоящей розе как большая капля росы…

— Гала, поди сюда, принеси мне подушку и крепко сожми мою руку. Может быть, мне удастся заснуть. Я уже меньше боюсь. Здесь так хорошо в этот час.

И я наконец задремал под шум нескончаемых разговоров, ощущая крепкий дух, исходящий от этих гомерических рыбаков. Когда я проснулся, их уже не было. Похоже, ветер утих. Гала склонялась надо мной, оберегая мой сон, заботясь о моем возрождении (Гала Градива раз уже излечила меня своей любовью от безумия. Спустившись на землю, я преуспел в «славе» сюрреалиста. Однако новая вспышка безумия угрожала этому успеху, так как я полностью ушел в воображение. Надо было разбить эту хризолиду [3]. И реально поверить в свое творчество. Она научила меня ходить, а теперь необходимо идти вперед, как Градива. Надо было разорвать буржуазный кокон моего страха. Или безумен, или жив! Я вечно повторял: жив — до самой старости, до самой смерти, единственное мое отличие от сумасшедшего — то, что я не сумасшедший. Как хризолида, я был закутан в шелковую нить своего воображения. Надо было разорвать ее, чтобы паранойальная бабочка моего разума вышла из нее преображенной, живой и естественной. «Заточение», условие метаморфозы, без Гала угрожало стать моей собственной могилой.

Дали, рисующий Медузу сна на лбу Гала. 1945 г.

— Встань и иди, — велела она. — Ты ничего еще не успел. Не торопись умирать!

Моя сюрреалистическая слава ничего не будет стоить до тех пор, пока я не введу сюрреализм в традицию.

Надо было, чтобы мое воображение вернулось к классике. Оставалось завершить творение, на которое не хватило бы оставшейся мне жизни.

В этом убеждала меня Гала. Мне предстояло, не

останавливаясь на достигнутом смехотворном результате, бороться за главные вещи: первое из которых — воплотить в классику опыт моей жизни, придать ему форму, космогонию, синтез, вечную архитектуру».

Конечно, у Дали были проблемы с психикой, и именно Гала помогла ему преодолеть все: робость, болезнь, страхи, депрессию, перепады настроения, его шизофреническое сумасбродство, превратив весь этот «коктейль» в отличительный шарм гениального художника, чье имя надлежит знать всему миру. Не будь ее, провинциальный каталонец никогда бы не состоялся как масштабная творческая личность.

В этом пространном отрывке — вся жизнь Сальвадора с его Градивой — такая, какая она была и в 30-е, и в 40-е, и в 50-е и в последующие годы их совместной жизни. Они не мыслили жизнь друг без друга.

За это он — великий Дали, созданный гением величайшей женщины, — запечатлел ее на множестве своих полотен, ставших поистине бесценными для коллекционеров.

Вот и биограф супруги Сальвадора Дали Доминик Бона подмечает:

«С тех пор, как Дали познакомился с Гала… он не перестает ее рисовать. Но если каждое из его устных или письменных высказываний постоянно льстит его музе, является подлинной любовной песней, то на картинах он не приукрашивает Гала.

Конечно, художник воссоздает ее образ в своих фантазмах, интерпретирует его так, как ему подсказывает его безудержное воображение, пишет ее такой, какой она является на самом деле — телом и душой, — и делает это с беспощадным реализмом, без особой нежности.

Моя жена, обнажённая, смотрит на собственное тело, ставшее лесенкой, тремя позвонками колонны, небом и архитектурой. Художник Сальвадор Дали. 1945 г.

Гала сложена безупречно пропорционально.

У нее узкие плечи, прямая спина, маленькие груди с острыми сосками, очень узкая талия, широкий таз, красивые ягодицы, крепкие бедра и очень стройные ноги, как у статуи Майоля. Несмотря на то что тело ее великолепно и имеет идеальные, словно у античной статуи, пропорции, Гала нельзя назвать красивой. Дали каждый раз с безжалостной точностью и с маниакальной тщательностью подчеркивает слишком крупные черты ее лица. Из-под его кисти она чаще всего выходит

уродливой: кричащее освещение ей не льстит, а наоборот, еще больше подчеркивает ее недостатки. И тем не менее, как только Гала появляется на полотне, можно признать, используя терминологию кино, что она производит впечатление.

Нельзя сказать, что от нее исходит шарм. Но она обращает на себя внимание, на картине она живая.

Гала отличают две главные черты: посадка головы и взгляд. Голову она держит по-королевски, как человек, гордый собой. Глаза ее как смоль взгляд у них ледяной. Как смоль — потому что глаза ее черны, бесконечно черны, а ледяной — потому, что взгляд ее суров и холоден.

В какую бы позу ни посадил ее Дали, будь то анфас, в профиль, вполоборота или даже спиной, Гала заполняет все полотно, затмевая все остальное…

Напрасно Дали уродует ее, кладя ей на голову омара или цепляя на кончик ее длинного носа самолет, как на «Портрете с омаром» (1934 год), или напяливает на нее ужасную кепку с козырьком и изображает на ее лице чудовищную ухмылку на картине, где она веселится в компании вместе с Лениным и Горьким (Гала и Ангелус Милле, предвещающий наступление конических анаморфоз, 1933). Гала нельзя изобразить карикатурно: в каком бы невыгодном свете ее ни изображал Дали, она высоко держит голову и не боится своего собственного образа. Ей даже нравится, что ее рассматривают».

Галарина. Художник Сальвадор Дали. 1944–1945 гг.

Верно подмечено: у Гала на всех картинах жизнелюбивый вид, потому что только одна Гала для Дали олицетворяет инстинкт жизни и мировое равновесие. «Я преклоняюсь перед Гала, я подчиняюсь ей полностью и в духовном смысле», — совершенно искренне признается художник.

Дали и Гала у картины «Мадонна Порта Льигата»

Глава 30. Супруги Дали. Миллиардеры в окружении карликов и гигантес

Посещение Америки, совершенное четой Дали в 1936 году, способствует росту известности эпатажного творца. Благодаря расторопной и прагматичной Гала Сальвадор знакомится с английским коллекционером Эдвардом Джеймсом, который вплоть до 1938 года будет оказывать художнику финансовую поддержку.

В том же 1936-м Дали пишет свою работу под названием «Мягкая конструкция с вареными бобами, или Предчувствие гражданской войны». Немногим позже Дали сделает заявление: «Название «Предчувствие гражданской войны», которое я дал этой картине за шесть месяцев до ее начала, — типичное проявление далианского дара ясновидения». На его картин изображено огромное человеческое тело, на котором кишмя кишат руки и ноги, «удушающие друг друга в приступе безумия».

Однако не только Дали в то время и в том месте (30-е годы, Испания) предвидел бурные события. Друг Сальвадора поэт-авангардист Федерико Гарсиа Лорка в своем стихотворении «История и круговорот трех друзей» (1930) реально предчувствовал гражданскую войну, собственную гибель и неизвестность места своего захоронения. Так и случилось впоследствии: в Испании началась междоусобица, а талантливый, страстный поэт в самом начале гражданской войны был схвачен и казнен франксистами недалеко от Гранады. Уже в наше время — в 2008-м — была проведена эксгумация тел общей могилы, в которой должно было покоиться тело Лорки. Однако ни в ней, ни в других восемнадцати братских могилах останков поэта так и не нашли…

Мягкая конструкция с вареными бобами, или Предчувствие гражданской войны. Художник Сальвадор Дали. 1936 г.

В 2003 году по одноименному роману лауреата Премии Надаля Фернандо Мариаса (изданному в переводе на русский язык под названием «Волшебный свет») был снят фильм «Божественный свет». Он рассказывает о «второй жизни» Лорки, как если бы он не погиб, а, потеряв память, бродяжничал по дорогам Гранады. В 2008 году режиссер Пол Моррисон снял фильм, посвященный отношениям Лорки и Дали — «Отголоски прошлого» («Сальвадор Дали: Любовь. Искусство. Предательство»).

Мы не знаем как на самом деле Дали отнесся к гибели товарища. Ему не до политики, он как никогда полон надежд и творческих планов, которые приведут его к мировой славе и большим деньгам. В 1937-м чета Дали направляется в Италию (дважды он приедет сюда в 1939 году), что свидетельствует о его интересе к античности, Ренессансу (особенно Рафаэлю) и

барокко. «Политика меня никогда не интересовала. Я считаю ее анекдотичной и жалкой», — признается Дали. Однако через много лет, на смертном одре, в тяжелой болезни, старик Дали произнесет лишь одну-единственную разборчивую фразу: «Мой друг Лорка»…

Десятилетиями Гала не покидает Сальвадора ни на мгновение, тенью следуя за ним повсюду. Вот как описывает это единение двух удивительно неподходящих друг другу людей Д. Бона: «Запечатленные вместе самыми выдающимися фотографами того времени, они представляли странную пару и, казалось, мало подходили друг к другу. У него — эксцентричная наружность, она — сдержанная и строгая. Когда Дали выходит в свет, он старается выглядеть как денди в котелке, с тростью с позолоченным набалдашником и с перстнями. Проходит время, подтверждая его успехи, и Сальвадор отпускает усы, заставляющие обращать на него внимание. Он принимает стиль странный и вызывающий одновременно. Гала сопровождает мужа в безукоризненном классическом костюме от Шанель и настолько скупа на эффекты, слова и улыбку, насколько Сальвадор всем этим злоупотребляет. На первый взгляд, они являют противоположность друг другу: Сальвадор напыщенный — Гала скромна; он роскошный, щедрый, заметный — она неброская, скупая на саморекламу и никогда не стремится выделиться.

У него — эксцентричная наружность, она — сдержанная и строгая

Если бы Дали не относился к ней столь благоговейно, как к королеве, имеющей над ним беспредельную власть, можно было бы подумать, что Гала служит ему. Она покорно сопровождает Дали и, кажется, не обсуждает никаких его планов. Она всегда согласна с тем, что он изобретает и придумывает, со всеми его решениями и капризами. Она приноравливается, никогда не сердится, умеет благодаря ежедневному влиянию ловко сориентировать его стремления, предотвращая те, что могут

иметь нежелательные последствия. В повседневной жизни Гала руководит Дали довольно энергично, даже авторитарно, регулируя для него, хотя он то насмехается над этим, то раздражается, материальные проблемы, но она никогда не мешает проявлению его «я». Гала не завидует и не критикует знаменитую личность, с которой делит существование. Взяв на себя миссию создать для Дали покой и комфорт, соответствующие его мечтам, Гала с самого начала отвела себе неблагодарную роль служанки и организатора. Он мозг, он творец, — она обеспечивает безопасность гения».

Этими размышлениями прекрасный французский автор подтверждает, что гении взрастают только в любви, полной опеки и самоотречения. И даже если ее любимый сумасшедший параноик, Гала представит его всему миру как самого великого, самого неординарного человека, преданного Высокому Искусству.

Вознаграждая свою неутомимую помощницу, художник выстраивает для Галарины в Порт Льигате уникальный дом с яйцами наверху: два гигантских яйца из белоснежного гипса, расположенные на крыше, завершают сооружение, символизируя семейное гнездо. Она же обрамляет дорогу к этому дому гранатовыми деревьями, на которых будут расти его любимые фрукты (Дали в самом деле часто рисовал гранаты на картинах: спелые, разломанные, сочно-красные, ярко-зернистые; на одной из его работ лицо Гала окружено четырьмя половинками треснувших гранатов, формирующих пирамиду).

Дали выстраивает для Галарины в Порт Льигате уникальный дом с яйцами наверху

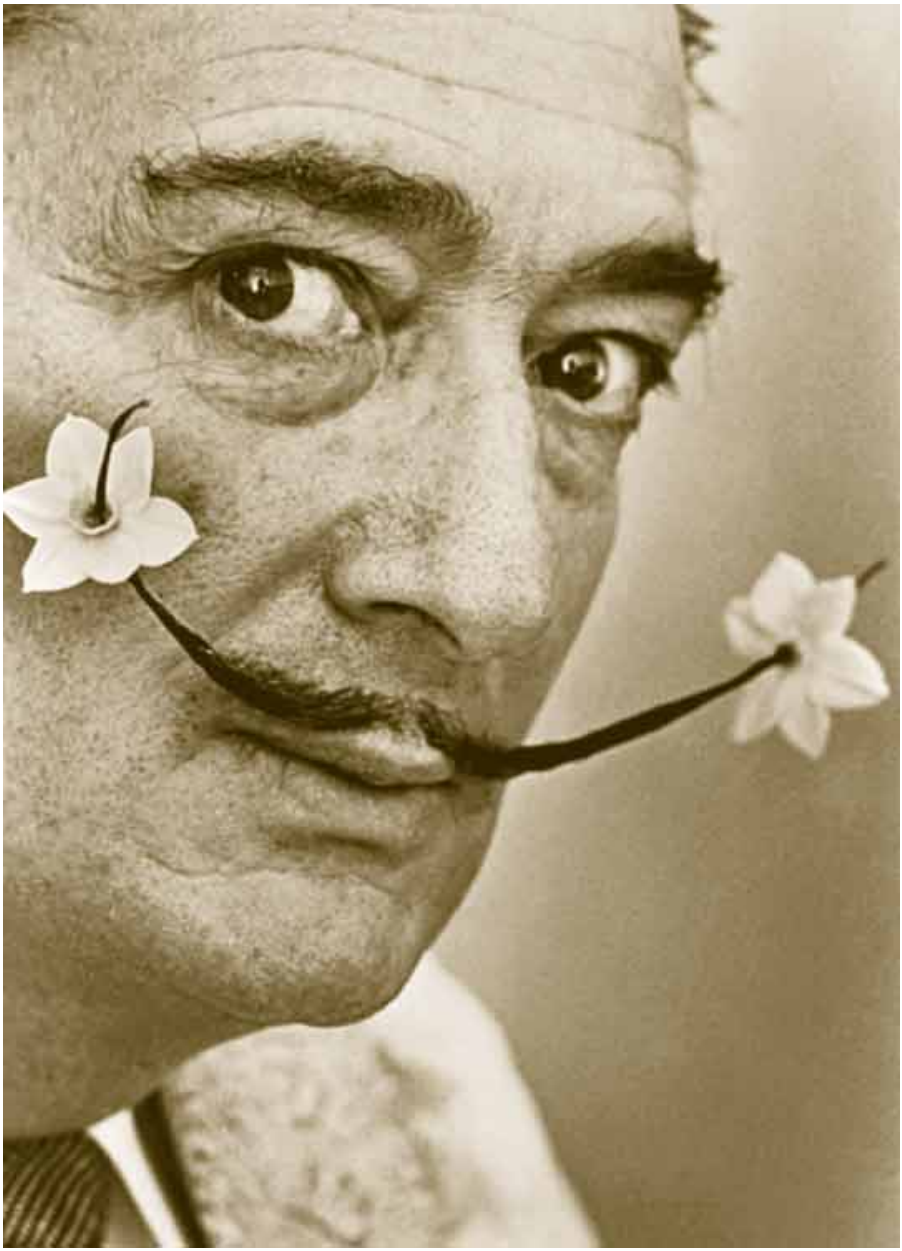
Всю свою жизнь супруги проживут в Порт Льигате, изредка выезжая в другие страны, на другие континенты. В испанской бухте они словно на краю света; с ними только двое их слуг: кухарка Пакита и рыбак Артуро (они наняли его подростком летом 1948 года), он в течение сорока лет будет их метрдотелем, садовником, шофером, мастером на все руки, помощником, практически членом семьи. Кухарка прекрасно готовит любимое блюдо Сальвадора Дали — лангуста в шоколаде. Его дают отведать всем посетителям, впервые приезжавшим в Порт Льигат. До конца пятидесятых годов XX века супруги лишь изредка принимали избранных гостей — потенциальных клиентов, приехавших посмотреть, как работает мастер. Однако никогда этих гостей не оставляли на ночлег! Рай для двоих не предусматривается как гостиница; друзья ночуют в отеле Кадакеса или на своей яхте, если они прибыли морем.

Но годы неумолимы, и силы не вечны: к середине 50-х Гала чувствует смертельную усталость. Она устала опекать, спасать от самого себя, заключать контракты и продавать его работы, зарабатывая им на роскошную старость. Она сделала все, что могла, теперь можно и расслабиться. Гала все чаще отправляется на морские прогулки, мечтая сбежать из этого места в Италию, в Тоскану, куда рвется ее романтичное сердце. «Гала мобилизуется лишь для приема серьезных гостей, гостей именитых. Когда в Кадакес приезжают их американские друзья, например чета Морсов или Флер Коуиз, редактор журнала «Лук», когда изредка заезжает Артуро Лопез, чилийский миллиардер, или Поль Рикар, она устраивает великолепные обеды, присутствует при аперитивах и на прогулках, она даже любезна, ведет себя очень вежливо. Гала исполняет роль хозяйки дома. Но все заметнее для друзей становится ее сухость, ее тяжелый характер. Ей нелегко казаться приветливой. Она все реже бывает искренне радушной. Складывается впечатление, что забота о реализации картин Дали, которой она с таким энтузиазмом занималась до окончания войны, начинает ее тяготить. Гала необходимо огромное усилие воли, чтобы играть свою роль, достойно принимать потенциальных покупателей или коллекционеров. …Она словно устала от того, что полностью принадлежит Дали. Он, как вампир, питается ее кровью, силой и без конца эксплуатирует ее образ, что служит расцвету его имиджа, обогащает его память и вдохновение», — сообщает француженка-биограф.

Атомная Леда. Художник Сальвадор Дали. 1949 г.

У ее супруга есть навязчивые страхи и фобии, но с годами навязчивые страхи все яснее проявляются и в самой Гала (с кем поведешься, от того и наберешься?). И если он по-прежнему боится кузнечиков, мух, свои ночные видения, то она по-настоящему боится революций, войн и болезней. На случай непредвиденного Гала возит за собой два чемодана, набитых чеками и банкнотами, а еще медикаментами. Чем богаче чета Дали, тем навязчивее страхи женщины. Но и поток денег не

иссякает: Дали превратился в настоящую золотую жилу. С 1962 по 1972 год в их семейной империи появляется новый финансовый помощник — отставной британский военный и в прошлом работник кино Питер Мур. В их замкнутом кругу работает и славный малый — талантливый фотограф Роберт Дешарн; «Влюбленный в Дали Роберт уже больше никогда не терял его следа». В свите гения появляются и две женщины, допущенные к нему самой Гала. Это испанка с русской фамилией Нанита Калашникова (она отвечает за внешний вид, волосы и роскошные усы мастера) и Мафилда Дэвис. «Эта египтянка, бывшая компаньонка царицы Фавзии и жена короля Фаруха, стала эксклюзивным посредником в делах реализации товаров с маркой Дали: она продает украшения, духи, изделия из серебра со знаменитым буквенным сокращением. Эта женщина тоже ведет себя экстравагантно, даже волосы ее уложены пирамидой. Она повсюду следует за супругами, останавливается в тех же отелях, что и они, живет на одном этаже с ними. Но так же, как и Нанита Калашникова, она больше нужна Дали, чем Гала. Гала видит в людях лишь полезную сторону, а Дали забавляет в них оригинальность и их внешне приличный вид». Роскошь влечет за собой исполнение любых прихотей. В эскорте звездной пары появляются девушки и парни модельной внешности. Верный своей эксцентричности, мэтр появляется на публике в окружении бледных прекрасных моделей, уродливых горбунов, карликов и гигантес. Эксцентрична не только его жизнь, экзотично и его окружение. Однако всей этой разношерстной публике вход в дом Гала и Дали закрыт.



Вечный влюбленный…

Супруги Дали — миллиардеры, их ритм жизни подчинен определенным правилам, от которых они не отступают. С весны до осени — с мая по октябрь — они живут в Порт Льигате. Лето принадлежит только им двоим, летом Гала отдыхает, а супруг творит (за этим весьма строго следит Гала). Осенью супруги приезжают на «кадиллаке» в Париж. Их чемоданы, кисти, краски и несколько картин едут тем же путем, только поездом. Супруги

не спеша едут в столицу, по пути останавливаются в роскошных гостиницах и лучших ресторанах. В Париже Гала и Дали занимают в отеле «Мёрис» номер с выходом на сад Тюильри. Это «королевские апартаменты»: король Испании Альфонс XIII впервые останавливался здесь в 1907 году, тогда ему было двадцать лет; позже он жил в этом номере во время своего изгнания. На Рождество они бывают в Нью-Йорке, где остаются до марта, чтобы затем через Париж возвратиться в Каталонию.

Демонстрация ювелирных изделий Сальвадора Дали. Нью-Йорк, 1959 г.

Глава 31. «Гала стала солью моей жизни, моим двойником, она — это я»

Начиная с шестидесятых годов XX века ряды фанатов Дали растут с математической прогрессией. Туристы летом толпами приезжают в Порт Льигат, толкутся у дома мировой знаменитости. Гостей часто усаживают на скамьи и соломенные стулья, угощают розовым испанским шампанским. Они готовы подолгу ждать, прежде чем хозяин дома появится в глубине патио, чтобы занять трон под балдахином из белой ткани. Все восторгаются и перешептываются, словно придворные, увидевшие своего Короля-Солнце.

Культ Дали и обилие его работ, выполненных в разных жанрах и стилях, привели к появлению многочисленных подделок, что вызвало большие проблемы на мировом рынке искусства. Дали не раз был замешан в скандалах, но всегда оставался невозмутимым, продолжая создавать все новые и новые шедевры сюрреализма.

В конце шестидесятых годов отношения между Дали и Гала заметно охладели. По просьбе супруги Дали купил ей замок, где она много времени проводила в обществе молодых людей. «Остаток их совместной жизни представлял собой тлеющие головешки бывшие когда-то ярким костром страсти…» Гале было уже около семидесяти лет, но чем больше она старела, тем больше хотела любви и чувственных наслаждений. «Сальвадору все равно, у каждого из нас своя жизнь», — спокойно говорила она друзьям мужа и поклонникам его творчества, затаскивая их в постель. «Я разрешаю Гала иметь столько любовников, сколько ей хочется. Я даже поощряю ее, потому что меня это возбуждает», — подтверждал Дали, но не были ли его слова обычным блефом?

Замок Гала в Пуболе

Молодые любовники беспардонно обирали Галу. Боясь потерять последнее утешение и стремясь удержать их как можно дольше подле себя, она дарила любовникам картины Дали, покупала дома и дорогие машины.

Сальвадор Дали тоже разыгрывал свой спектакль. Разве может быть мэтр одинок, когда вокруг так много зевак и поклонников? В кругу художника подвизались фаворитки, молодые красивые женщины, от которых ему не нужно было ничего, кроме их молодости и обаяния. Но на людях он всегда делал вид, что они любовники.

В какой-то момент Гала вернулась к своему мужу, на сей раз навсегда. Она больная и почти беспомощная, за ней ухаживают сестры милосердия. Ночью Дали приходит и ложится рядом, на парную кровать, чтобы спать рядом с умирающей Гала, со своей состарившейся Градивой.

10 июня 1982 года, во второй половине дня, Дали, отдыхавший в своей комнате, протяжно закричал. Поднялась тревога. Гала неподвижными глазами смотрела на море. Всю свою жизнь с Дали Гала играла роль серого кардинала, предпочитая оставаться на втором плане. Но она, и никто больше, была

необходима ему ежечасно с момента их первой встречи, поэтому когда Гала умерла, художник понес тяжелую утрату. Среди работ, созданных Дали за несколько недель до ее смерти, «Три знаменитые загадки Гала» (1982).

Дали, боящийся смерти и любого упоминания о ней, в похоронах супруги не участвовал. По свидетельству очевидцев, он вошел в склеп только несколько часов спустя, чтобы сказать: «Посмотри, я не плачу». После смерти Галы жизнь Дали стала нудной и скучной, все его безумные сюрреалистические забавы ушли навсегда. Часами в полном одиночестве бродил он по комнатам их дома, бормотал бессвязные фразы о счастье и своей драгоценной Гала. Он ничего не рисовал, часами просиживая в столовой, как прокаженный, за закрытыми ставнями, не желая видеть солнечный мир.

Три знаменитые загадки Гала. Художник Сальвадор Дали. 1982 г.

«Гала выбрала свой путь: путь женщины, существование которой определяется судьбой избранного ею мужчины, —

напишет Д. Бона. — Но Гала не устраивает роль пассивной, смиренной спутницы жизни. Гала динамична: она сила, заставляющая Дали шевелиться, она мотор, дающий ему возможность летать. Гала оказывает на Дали невероятное влияние, помогая ему быть самим собой. Рецепт этой музы прост, но действие его намного эффективнее, чем у обычных муз: Гала недостаточно того, что она вдохновляет художника, позирует ему, — она укрепляет его веру (без веры он ничего бы не значил)».

После смерти супруги здоровье художника начало резко ухудшаться. Врачи обнаружили у Дали болезнь Паркинсона (эта болезнь когда-то стала смертельной для его отца, с которым Дали-сын так и не помирился).

Пребывая в депрессии, он почти прекратил появляться в обществе.

Но несмотря на затворничество, популярность Сальвадора Дали росла, награды сыпались на него как из рога изобилия. Дали был принят в члены Академии изящных искусств Франции. Испания удостоила его наивысшей награды, Большой крест Изабеллы-католички гению вручал король Хуан Карлос. В тот же трагический 1982 год Дали был объявлен маркизом де Пубол.

Несмотря на лестные оценки и признание именитых мэтров от искусства, Дали был несчастен. Последние годы своей жизни художник провел в полном одиночестве в замке любимой Гала в Пуболе, куда при ее жизни он мог попасть только по письменному разрешению супруги, и куда он переехал после ее смерти. Позже его перевезут в комнату дома, который известен нам ныне как Театр-музей Дали. Он еще пытался что-то рисовать, но болезнь прогрессировала, и вместо образов выходили странные закорючки, казавшиеся бессмысленными. Последнюю свою работу — «Ласточкин хвост» Дали закончил в 1983-м, и это была простая каллиграфическая композиция на белом листе.

Могила Гала в Пуболе (справа). Гала обещала Сальвадору, что они умрут в один день, и он создал склеп для двоих. Но Гала умерла раньше, и расстроенный художник завещал похоронить себя в Фигерасе

К концу 1983 года его здоровье немного укрепилось, он стал иногда гулять по саду, пытался писать картины. Но старость и болезнь брали верх над гениальным разумом. Ухаживать за больным и обезумевшим стариком было трудно, он бросался в медсестер всем, что подворачивалось под руку, кричал и кусался. В следующем, 1984-м, в замке произошел пожар. Парализованный старик напрасно звонил в колокольчик, пытаясь позвать на помощь. Превозмогая немощь, он свалился с кровати и пополз к выходу, но у самой двери потерял сознание. С тяжелыми ожогами кожи Сальвадор Дали был доставлен в больницу. Он выжил, но после случившегося здоровье его еще больше ухудшилось.

В феврале 1985 года Дали дает последнее интервью крупнейшей испанской газете «Паис». В ноябре 1988 года у Дали диагностировали сердечную недостаточность. Умер великий провокатор Сальвадор Дали 23 января 1989 года в возрасте 84 лет.

Он завещал похоронить себя не рядом со своей сюрреалистической Мадонной, в усыпальнице Пуболь, а в родном городе Фигерасе. Тысячи людей со всего мира приехали, чтобы проститься с величайшим гением XX столетия. Забальзамированное тело Сальвадора Дали похоронили в Театре-музее Фигераса, под геодезическим куполом, прямо в центре. Это художник завещал похоронить его так, чтобы по его могиле могли ходить люди.

Все свое громадное состояние и свои бесценные работы Сальвадор Дали оставил своей Родине — Испании.

Почему же они не вместе: Дали и его Гала? Это кажется очень странным, что художник отказался упокоиться рядом с возлюбленной. Но странным, только если ничего не знать о его творческой жизни, в которой он выступал сюрреалистом, отрицателем приоритетов и правил. «Видишь, я не плачу», — сказал он в склепе, когда она уже много часов лежала без движения… «Видишь, я могу без тебя», — словно признавался он своим последним поступком — завещанием похоронить его отдельно от нее. Но мы знаем, что после ее смерти он жил в отчаянной депрессии, от которой так и не смог оправиться… Оставшись без нее в сырой земле, он навсегда останется с ней — на фотографиях, на картинах, созданных его кистью, в книгах, написанных о них, в своих дневниках…

Дали рядом со своей последней картиной «Ласточкин хвост» Фото Роберта Делане. 1983 г.

Вся жизнь игра, и смерть всего лишь игра. Единственной реальностью для Дали была женщина, и этой женщиной была только Гала. О жизни которой до Садьвадора Дали, вернее, еще ранее — до встречи с Полем Элюаром мы почти ничего не знаем. Помните: краевед Ренат Бикбулатов вел тщательные поиски документов, подтверждающих происхождение русской Музы? Оказывается, узнав об этих поисках, хороший знакомый Бикбулатова — профессор-психиатр — рассказал, что у него как-то была пациентка, уверявшая, что знает семью Дьяконовых. По ее словам, Елена родилась в селе Антоновка, которое находится по дороге из Казани в Камское Устье. Краевед, обнадеженный

поступившими сведениями, перелистал метрические книги двух церквей села за большой период, но и там ничего не нашел.

Сальвадора Дали похоронили в Театре-музее Фигераса

Зачем надо было супруге Сальвадора Дали сочинять историю про то, что она родилась на берегу Волги в Казани? «В этом вся Гала, — считает Р. Бикбулатов. — Эта женщина не могла поступить иначе — история ее жизни должна была вдохновлять, а для этого быть красивой. Почему бы не придумать, что Елена Дьяконова родилась в Казани? Ведь присвоила же она себе отчество отчима и стала Еленой Дмитриевной. А потом и вовсе не Еленой, а Галиной. И это было в порядке вещей. Кто бы стал проверять, где она родилась? Согласитесь, Казань как нельзя лучше подходила для музы Дали, для ее образа русской женщины, в жилах которой текла татарская кровь. Казань знали в Европе благодаря университету. А еще семья Дьяконовых если была не богатой, то очень зажиточной. Но в смутные годы, когда началась Октябрьская революция, а в сталинские годы — репрессии, разве могла Гала сказать, что в их семье водились деньги? Наверное, нет. А чтобы никто не мог проверить, что это не так, Гала могла еще больше запутать следы и соврать про

место своего рождения. Божественная Гала при жизни была женщиной-загадкой, а после смерти стала ею вдвойне». Желающим разгадать эту загадку можно посоветовать в своих поисках оттолкнуться от московского периода жизни Гала, — возможно в документах женской гимназии Брюхоненко, где, как мы знаем из достоверных источников, училась Елена Дьяконова, есть записи об этой странной девушке.

«Она будет моей Градивой, — писал Дали в своем «Дневнике…», — я сразу же сказал: «Гала, моя жена, в сущности является Градивой, ведущей вперед, моей Победой, моей женой». Но для этого надо, чтобы она излечила меня. И она излечила меня благодаря своей беспримерной, бездонной любви, глубина которой проявилась на практике и превзошла самые амбициозные методы психоанализа».

«Гала стала солью моей жизни, моим маяком, моим двойником, она — это я».

И совсем не случайно с середины 30-х годов XX века большинство из своих полотен великий художник подписывал: Гала-Сальвадор Дали.

Дали, повернувшись спиною, пишет портрет Гала, повернувшейся спиною и увековеченной шестью виртуальными роговицами, временно отражёнными в шести зеркалах. Художник Сальвадор Дали. 1972–1973 г.

notes

Примечания

1

http://www.kazanhistory.ru

2

Трамонтана (ит., дословно: «из-за гор») — холодный северный и северо-восточный ветер в Италии, Испании, Франции и Хорватии. — Примеч. ред.

3

Хризалида (греч. chrysos — золото) — золотистого цвета куколка, из которой выходит бабочка. — Примеч. ред.